

ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ЗАРЯ
НАД АРАКСОМ

Annotation

Тысячелетия освоения Космоса не избавило род людской от первобытных пороков, главным и наиболее опасным из которых была неуемная жажда власти. Именно она была первопричиной кровопролитных конфликтов, сотрясавших Вселенную. Однако пришло время, когда даже разумные машины, созданные в процессе бесконечных войн, поняли бессмысленность взаимного истребления. И тогда некоторые из носителей искусственного интеллекта пришли к выводу, что решением всех проблем будет устранение «слабого звена» — человеческой расы…

Андрей Ливадный Заря над Араксом

Пролог

2638 год по летоисчислению Земли. Борт фрегата «Гекуба»

Танец зеленых линий на экране масс-детектора был способен свести с ума.

В пространстве кипел бой — это не вызывало сомнений, к тому же система гиперсферного навигационного комплекса «Ариадна» постоянно укрупняла фрагмент аномалии, где появились и исчезали трепещущие, изменчивые нити пульсационных напряжений.

Любой навигатор знает — силовая линия аномалии *всегда* связана с реально существующим физическим объектом.

Значит, в трехмерном континууме сейчас, в данную секунду, царил настоящий содом.

…Шел тридцать второй год Галактической войны.

Лейтенант Иверзев мог при желании сосчитать по пальцам количество людей, входящих в экипаж десантного фрегата «Гекуба». Их было пятеро. Остальное — машины.

Одни кибермеханизмы несли вахту на постах, другие обслуживали системы фрегата, третьи, в ожидании своего часа, возвышались в парковочных ангарах предстартовых накопителей — идеальные боевые машины, не знающие усталости, боли, страха, преданные лишь четко определенным программным целям своего существования.

Смыслом их бытия являлась война.

Порой Иверзеву казалось, что он медленно сходит с ума.

Ему было страшно. Страшно и одиноко.

Пятый год… Он уже наизусть знал каждую царапинку на приборных панелях, ему давно опостылел въевшийся в разум, медленно пожирающий его танец тонких вездесущих зеленоватых линий.

Он устал от пустоты, как внутренней, так и внешней.

Казалось, что это никогда не закончится.

…Он с трудом оторвал взгляд от полусферы масс-детектора, быстро пробежав пальцами по текстоглифным клавишам, шифрующим последовательности команд.

Идентификация точки пространства.

На информационном экране возникла приевшаяся до тошноты надпись:

Ждите.

Наконец внутри многочисленных приборных панелей раздался мелодичный тоновый сигнал.

Точка пространства идентифицирована. В данном районе дислоцирована станция ВПК.

Далее шли технические характеристики автоматического завода — пятидесятикилометровой многоуровневой сферы, — настоящей искусственной планеты, где из поставляемого грузовыми кораблями сырья изготавливались секции бронеплит обшивки для строящихся кораблей флота.

Еще один электронно-механический мир, работающий исключительно на войну.

Проклятие…

Они не могут пройти мимо. Станция являлась одним из важнейших стратегических объектов данного сектора.

Палец Иверзева на мгновение застыл, прежде чем коснуться сенсора интеркома.

Принятие решения. Последнее право, которое еще не отняли у людей вездесущие машины. Порой в такие секунды к горлу подкатывал горячий, удушливый ком и хотелось не то расхохотаться, не то зарыдать в истерике — разве это *право?* Разве он может *не доложить!* Или случится чудо: командир корабля, выслушав сообщение, не примет заранее известное решение?

— Навигационная рубка вызывает командный пост.

— Командный на связи.

— Система «Ариадна».фиксирует пульсационные напряжения аномалии. Район идентифицирован как точка дислокации шестнадцатой станции ВПК.

— Идет бой?

— Однозначно. По данным масс-детекторов, в трехмерном континууме маневрируют как минимум три крупнотоннажные боевые единицы.

— Класс?

— Невозможно определить. Но думаю, это штурмовые корветы Флота Колоний.

— Так «невозможно определить» или «корветы»?! — резко переспросил капитан «Гекубы».

Иверзев не ответил. Как объяснить свое интуитивное понимание, которого нет ни у одного автоматического локационного комплекса? Он столько времени провел за монитором масс-детектора, что стал своего рода

провидцем. Не станешь же докладывать о тонких, едва приметных завитках, видимых лишь при максимальном увеличении. Иверзев *знал* — именно так отражается в структуре аномалии работа плазменных двигателей, а по спирали подобные установки расположены лишь у штурмовых корветов Флота Колоний.

Парадокс — все они измотаны глобальным чувством одиночества, ощущением собственной ничтожности перед бездной космического пространства, но тем не менее тихо ненавидят друг друга…

— Это корветы, — с усталым равнодушием, которое всегда накатывало, как ледяная волна, в ожидании неизбежного боя, ответил Иверзев. В таком состоянии он вполне мог послать командира куда подальше. Хуже все равно не будет.

Мог, но не послал.

Надежда. Почему она не покидает измученный войной рассудок? *На что я надеюсь?*

— Перевести секции гипердрайва в режим экстренного всплытия! Иверзев, твоя задача: найти безопасную точку гиперперехода с таким расчетом, чтобы станция оказалась в радиусе досягаемости для аэрокосмических истребителей и десантно-штурмовых модулей.

— Есть, сэр.

Командир десантного фрегата «Гекуба» капитан Френк Хуберт до недавнего времени являлся старшим оператором орудийно-ракетного комплекса «Прайд». Он служил на крейсере класса «Интерпрайз», но война, продолжавшаяся уже четвертое десятилетие подряд, вконец обескровила Землю и ее союзников по Альянсу, быстро превращая недавних выпускников военно-космических школ в старших офицеров, командующих огромными кораблями флота.

Люди не возвращались. После ожесточенных боев с набирающими силу и мощь колониями «в живых» оставались в основном машины. Их латали и снова бросали в бой.

Карьера.

Как он мечтал о ней, начиная службу на флоте.

Думал ли он, что на вершине карьерных амбиций его уделом станет простое нажатие клавиш с текстоглифными обозначениями команд для электронных систем корабля? Война людей постепенно переросла в войну машин, но разве возможно остановить ее маховик, раскрученный до немыслимой скорости?

Все они начали прозревать, но слишком медленно и поздно.

Если он погибнет сегодня, будет ли в его смерти хоть капля смысла?

Информационные экраны тактических систем управления один за другим высветили сигналы готовности.

Они всплывали из пучин гиперсферы, чтобы оказать помощь автоматическому заводу-станции, подвергшемуся массированной атаке со стороны вражеского флота.

Интересно, на борту штурмовых корветов колоний есть хотя бы один человек? — невольно подумал Хуберт.

Френк затруднялся ответить на данный вопрос.

Впрочем, в следующую минуту ему стало не до размышлений на отвлеченную тему.

Секции телескопического обзора наполнились иной чернотой: непроглядная тьма гиперсферы истончилась, исчезла, вместо нее появилась бездна, сияющая мириадами холодных звезд, а на их фоне явственно проступили очертания космической станции, озаренной неистовыми, шквалистыми вспышками.

У капитана не оставалось никаких сомнений относительно происходящего, как опытный офицер, долгое время занимавший кресло старшего оператора комплекса «Прайд», он в первые же мгновения четко *ощутил* ритмику полыхающего в пространстве боя.

Станция защищалась, работали все батареи противокосмических орудий видимой полусферы; три штурмовых фрегата Флота Колоний, выстроившись кильватерной колонной, шли на сближение с целью, прорываясь сквозь плотный заградительный огонь, чтобы выпустить из своего чрева десятки десантных модулей.

Касания текстоглифных клавиш мгновенно побудили к действию соответствующие системы фрегата.

Капитан лишь краем глаза следил за возникающими на тактических информах строками сообщений:

Орудийные палубы — беглый огонь. Автоматическое распределение целей.

Стартовые катапульты левого борта — десятисекундный отсчет.

Навигационный комплекс «Антарес» — расчет маневра сближения со станцией на средней тяге двигателей.

Генераторы радио/оптических помех — мощность 100 процентов.

Система отстрела дипольных отражателей[1] — активирована.

Система отстрела ИК-ловушек[2] — активирована.

Системы генераторов магнитного противоплазменного щита — мощность 100 процентов.

Ну, вот теперь мы готовы. Молитесь, если успеете.

Космическое сражение на коротких дистанциях — явление редкое. Обычно группы кораблей маневрируют на удалении от одной до десяти световых секунд друг от друга, стараясь повредить либо уничтожить противника посредством тяжелого бортового вооружения. Этот этап, в зависимости от обстоятельств, может измеряться сутками бортового времени, и, лишь получив очевидный перевес, корабли одной из сторон начинают массированную атаку: в первой волне идут снабженные гипердрайвом аэрокосмические штурмовики под прикрытием истребителей, далее следует волна десантных модулей, атакующих те корабли противника, у которых повреждены секции гипердрайва.

Так рекомендуют действовать тактические наставления, однако в данном случае все складывалось иначе. Покинув гиперсферу в непосредственной близости от зоны боевых действий, фрегат «Гекуба» неожиданно возник за кормой трех штурмовых корветов Флота Колоний.

Находясь в выгодной позиции, фрегат начал сближение со станцией, следуя рыскающим курсом, что позволяло ему поочередно отрабатывать по противнику всеми орудийно-лазерными и ракетными комплексами.

В первые минуты после вступления в бой действия «Гекубы» были столь удачны, что, не получив ни одного повреждения, корабль сумел полностью вывести из строя двигавшийся в арьергарде корвет.

Затем возникли внезапные, непредсказуемые проблемы.

Фрегат постоянно оповещал автоматические устройства станции о своей принадлежности к силам ВКС Альянса, однако это не уберегло «Гекубу» от «дружественного» огня — один из ракетных залпов противокосмических батарей станции угодил в район предстартового накопителя, повредив штурмовой носитель класса «Нибелунг».

Несмотря на это, фрегат продолжал развивать атаку.

Френк Хуберт ни на секунду не отрывался от тактических информационных экранов.

Масса обломков, образовавшаяся после гибели замыкавшего строй корвета, мешала маневрировать, заставляя на время выйти за пределы атакующего конуса.

— Сэр, головной корвет вышел на критическую дистанцию до цели! — раздался доклад по громкой связи. — Они выпустили десантно-штурмовые модули!

Это было плохо. Очень плохо. На станции не имелось адекватных средств противодействия для подавления высадки кибермеханизмов, целью

которых являлся прорыв к силовой установке.

Палец Хуберта коснулся очередного текстоглифа, но в ответ он получил лишь раздражительно моргающую надпись:

Десантирование подразделения серв-машин невозможно. Штурмовой носитель поврежден.

Фрайг! Проклятая кибернетика! Если высадившиеся на поверхность станции десантные группы противника не будут немедленно уничтожены и сумеют проникнуть внутрь объекта, последствия станут губительными для обеих сторон: взрыв силовой установки не оставит ни единого шанса на спасение — против обломков, выброшенных в космос ядерным взрывом, не уберегут никакие генераторы электромагнитного поля…

Для примитивных боевых механизмов, высадившихся на поверхность станции, факт собственного разрушения не играл никакой роли — они выполнят задачу, не считаясь с потерями и последствиями.

Единственным «слабым звеном» в данном противостоянии являлись люди — пять человек, составляющих экипаж «Гекубы».

В отличие от механизмов, для них исход боя исчислялся не цифрами нанесенного ущерба.

Инстинкт самосохранения оперировал лишь одной ценностью, одним понятием — жизнь.

Френк развернулся к резервному терминалу, откуда можно было ввести нестандартную командную последовательность.

Минуту спустя его лихорадочные усилия увенчались успехом: соединение серв-машин получило приказ на десантирование через грузовой вакуум-створ, обычно использующийся для загрузки бортового боекомплекта. Сближаться со станцией они должны, используя собственные двигатели реактивной тяги.

На лбу Хуберта выступили мелкие капельки холодного пота.

Если успеют…

Он с замиранием сердца следил за исчезающими среди хаоса обломков точками, уже не уделяя внимания действиям остальной автоматики, которая к этому времени успешно вернула корабль в конус атаки и мощным бортовым залпом отработала по выпустившему десант штурмовому фрегату

Пиррова победа…

Крупные фрагменты вражеского корабля сохранили скорость и траекторию, они продолжали сближаться с обшивкой станции, пока не врезались в нее, проломив внешний слой бронеплит.

Все. Это конец.

Проломы в обшивке, окруженные мутными облаками декомпрессионных выбросов, в ближайшие минуты послужат торной дорогой для десантных сервомеханизмов, у которых теперь появился путь для быстрого проникновения в недра станции.

— Иверзев?

— Да, капитан?

— Принимай управление. Делай что хочешь, но если мы в ближайшие пять минут не уйдем в гиперсферу, фрегату конец. Десант проник на борт станции. Они взорвут главную силовую установку.

Он не успел.

Гиперпространственный переход состоялся несколькими секундами после того, как грянул взрыв реактора станции.

Это было похоже на ад.

Аномалия не прощает таких погружений.

Энергия атомного взрыва, настигшая фрегат за мгновение до погружения, ворвалась вместе с ним в пространство гиперсферы, не только изувечив корабль, но и сбив тонкую настройку генераторов высокой частоты.

У Иверзева потемнело в глазах, когда он увидел, как в полусфере масс-детектора растет, укрупняясь, вертикаль гиперсферы.

Жить.

Я хочу жить!..

Визг сминаемых переборок, зловещий свист декомпрессии, чудовищной силы удар, судорогой прокатившийся по палубам фрегата, — все это воспринималось лишь краем сознания, казалось ничтожным по сравнению с вертикальной линией напряжения, в которую неумолимо затягивало потерявший управление корабль.

Любому школьнику известно, что по мере погружения в аномалию космоса растет напряженность сопутствующего силового поля, которое в конечном итоге разлагает на элементарные частицы любой материальный объект.

Нет ни защиты, ни способа, ведущего к спасению.

Мрак.

Всеобъемлющий мрак на экранах.

Они погружались в режиме слепого рывка вдоль вертикали.

В понимании Иверзева это была верная смерть.

Цепная реакция декомпрессии отсеков не докатилась до навигационной рубки — где-то вовремя сработала аварийная автоматика,

изолировав сохранившие герметичность отсеки от поврежденных.

Иверзев, у которого не осталось времени, чтобы облачиться в скафандр, вскочил, рванувшись к нише с прозрачными створками, где хранилась гермоэкипировка, но вдруг остановился, подумав: есть ли смысл?

Они погружались в пучину гиперсферы, туда, откуда не вернулся ни один автоматический корабль-разведчик. Вертикаль аномалии космоса необъяснимым образом приняла поврежденный фрегат, и Иверзев все отчетливее понимал. «Гекуба» в данный момент скользит *внутри* мощнейшего энергетического потока, но, несмотря на это обстоятельство, он не ощущал признаков дальнейшего разрушения корпуса. Судя по показаниям приборов, все повреждения, с которыми боролась автоматика, были получены еще в трехмерном континууме, в момент взрыва силовой установки станции.

Он медленно опустился в кресло.

Вопреки теории гиперсферы, стремительное погружение *внутри* вертикальной линии напряжения не сопровождалось губительными для корабля последствиями.

Иверзев не понимал, что происходит. Он даже не мог определить, на каком энергетическом уровне аномалии находится фрегат, все данные, отражающие структуру гиперсферы, необъяснимым образом исчезли — полусфера масс-детектора была засвечена равномерным зеленоватым сиянием, в то время как обзорные экраны демонстрировали непроглядный мрак.

Этого не может быть. Что-то должно произойти…

Он не ошибся в своем предчувствии.

Произошло *невероятное.*

Экраны телескопического обзора внезапно просветлели, передавая *изображение.*

Иверзев успел отчетливо рассмотреть источающий холодный свет энергетический сгусток, вокруг которого обращалось ожерелье из восьми или девяти планет.

Зрелище оказалось настолько неожиданным, настолько потрясающим, что он не успел ничего предпринять — телескопический обзор включился всего на десять-пятнадцать секунд, затем экраны начали гаснуть, как будто у них внезапно иссякло питание.

Мгновенные сумасшедшие переходы от отчаяния к надежде и обратно воздействовали на рассудок лейтенанта самым непредсказуемым образом.

Он был жив. Жив вопреки всему, но гаснущие экраны, полное

отсутствие связи с другими палубами фрегата и картина, проявившаяся в полусфере масс-детектора, перечеркивали вспыхнувшую с новой неистовой силой надежду на спасение.

Корабль терял энергию.

Приборы гиперсферной навигации показывали, что вокруг нет ни одной горизонтальной линии напряжения, только вертикали.

Разумом он понимал: влекомый энергетическим потоком вертикали фрегат проскочил все уровни гиперсферы, оказавшись в самом центре аномалии, где, вероятно, не бывал еще ни один человек.

В опустевшем рассудке осталась единственная мысль: нужно что-то делать, пока непонятная сила не вычерпала из накопителей силовой установки последние эрги.

Если сюда их привела вертикаль, то, возможно, подобная линия напряжения сможет вытащить корабль из этого жуткого пространства?

Не с кем было посоветоваться.

Он принимал последнее решение на свой страх и риск, понимая, что по большому счету терять уже нечего.

Дождавшись, когда ближайшая вертикаль выйдет точно в центр экрана масс-детектора, он включил низкочастотные генераторы гипердрайва.

Ощутимый рывок, дрожь в переборках и…

Под сводом отсека зажглось тусклое аварийное освещение.

Потеря энергии прекратилась, очередная вертикаль поглотила корабль и теперь влекла его в неизвестность.

Иверзеву оставалось лишь неистово надеяться, что на этот раз они не погружаются в пучины аномалии, а всплывают.

Немногие электронные системы корабля, не утратившие своих функций в результате катастрофического погружения и наступившего вслед за этим резкого перепада напряжения, продолжали бесстрастно фиксировать все немыслимые превращения, которые претерпевал фрегат.

Главная кибернетическая система была разрушена, к моменту включения генераторов низкой частоты утрата централизованного управления привела к активации автономных программ. Виртуальная сеть «Гекубы» распалась на отдельные компоненты, теперь каждый механизм или исполнительная система действовали в аварийном режиме, сообразуясь с доступной информацией и изначально заложенными инструкциями.

В живых на борту фрегата остался только лейтенант Иверзев.

Он был изолирован в навигационной рубке, каналы внутренней связи

не работали, и это обстоятельство избавило его от многих ужасающих картин.

Он не видел, как плавает в невесомости тело капитана, не мог наблюдать искореженные, потерявшие прочность, светящиеся от вторичной радиоактивности коммуникации фрегата, не воспринимал, как в районе предстартового накопителя аварийные приводы открывают ангары боевой планетарной техники и сервомеханизмы, включившиеся в автономный режим, выстраиваются перед десантными шлюзами.

Для них не произошло ничего сверхъестественного, боевые машины по большей части уцелели и были готовы исполнить предначертанную им функцию — уничтожать живую силу и технику противника, захватывать новые территории, штурмовать объекты инфраструктуры колоний.

Им было абсолютно неважно, что искалеченный фрегат, пройдя через центр аномалии, продолжал слепой рывок, осуществляя восхождение по произвольно избранной лейтенантом Иверзевым вертикали.

Только он понимал, что подобный рывок приведет «Гекубу» в не поддающуюся точному исчислению точку пространства, — если кораблю суждено покинуть гиперсферу, то, вероятнее всего, он выйдет в трехмерный космос на удалении в сотни, если не тысячи световых лет от злополучной станции.

Лейтенант ждал решения своей судьбы, находясь в полном неведении.

Как он мог знать или предположить, что человечеству понадобится больше тысячи лет, чтобы открыть уникальные свойства вертикалей и повторить спонтанный маневр фрегата «Гекуба»?

Он хотел одного — жить, до остального ему не было никакого дела.

Неистовой надежде Иверзева суждено было сбыться лишь наполовину — гиперсфера действительно отпустила корабль, возвращая заблудившееся в недрах аномалии материальное тело в метрику трехмерного пространства, но…

Это произошло не в космосе, а в границах планетарной атмосферы!

Последним, что запечатлел рассудок лейтенанта Иверзева, был вид огромного города, выстроенного по характерной, безошибочно узнаваемой типовой схеме, присущей всем колониям периода Великого Исхода: на равнине, граничащей с побережьем лазурного океана, возвышался возведенный механизмами колониального транспорта исполинский цокольный этаж[3], на поверхности которого высились жилые кварталы зарождающегося мегаполиса.

Он хотел закричать от радости, но не смог — его сознание навек

погасил жестокий удар.

Фрегат «Гекуба» врезался в поверхность неизвестной планеты. Вздымая десятки тонн почвы, он распался на несколько неравных частей, каждая из которых начала самостоятельное движение. Со стороны казалось, что на равнине, недалеко от побережья, вдруг началось извержение вулкана, — окрестности вмиг застило плотными облаками пыли, к которой примешивался дым, тлеющие комья почвы, перемешанные с раскаленными кусками обшивки и обезображенными фрагментами механизмов, разлетались на десятки километров от трех воронок, образовавшихся на месте катастрофического падения фрегата…

…Прошли сутки, прежде чем плотные облака дыма и пыли начали понемногу рассеиваться, обнажая покрытые пеплом отлогие скаты исполинских воронок, на дне которых среди уродливых обломков можно было заметить движение.

Это перемещались немногие пережившие катастрофу боевые сервомеханизмы.

Никто не отменял их программ.

Утратив единый командный центр, они были готовы к реализации своих функций в автономном режиме, тем более что уцелевшие сканеры машин фиксировали четко распознаваемую инфраструктуру укрепленных вражеских позиций.

Побережье. Неподалеку от места крушения фрегата «Гекуба». Тысячелетие спустя

Он часто приходил сюда на закате, когда солнце кровавой каплей медленно стекало за линию горизонта, окрашивая поверхность океана в багряные тона.

Крупный желтый песок пляжа казался в такие часы сиреневым, на его фоне ярко выделялись рыжеватые от покрывавших их окислов, полузасыпанные прибрежными барханами корпуса его менее удачливых собратьев.

Иные чувства.

Людям никогда не понять, что испытывал он, застыв будто изваяние на гребне песчаного холма. Прощальные лучи солнца, отражаясь от кучевых облаков, окрашивали его броню в опалесцирующие тона. Притихшая природа, казалось, чего-то ждет, даже ветер ненадолго успокаивался, не тревожа мелкой рябью зеркальную гладь воды, по которой медленно перекатывались пологие, ленивые волны.

Он размышлял.

О себе, о людях, о машинах — тех, кто нашел свою уникальную нишу в огромном враждебном мире, и о тех, кто не состоялся как *сила* и теперь медленно ржавел под зыбким, сыпучим саваном песка…

Он видел красоту, зловещую красоту гармонии, недоступную пониманию большинства современников. Ему казалось, что на этом берегу у кромки воды, среди дряхлых эндоостовов древних механизмов, сходятся пространство и время…

Люди звали его Отшельником.

Ныне живущее поколение не помнило его истинного облика, отражающего настоящую сущность: когда-то он являлся человекоподобным механизмом серии «Хьюго-БД12», но века борьбы за существование заставили его сменить несколько механических оболочек.

Сейчас над прибрежными дюнами возвышался контур серв-машины класса «Хоплит». Отшельник сам восстановил этот корпус, отыскав его среди напитанных металлом рыжих песчаных осыпей, где покоились останки десятка подобных механизмов.

Когда-то он принимал участие в битве, состоявшейся тут, на берегу океана, но об этом уже никто не помнил — в отличие от машин, люди живут недолго, и уже через два поколения никто не ассоциировал одинокого «Хоплита» с термином «враг».

Вообще, люди — странные существа. Они — уникальный вид, умеющий приспособиться к любым, самым невыносимым условиям существования. Их главная особенность скрыта в алогичности многих поступков и выборов — например, испытывая стойкую неприязнь к механическим формам, они тем не менее могут спокойно перешагнуть через вековые традиции, заставить замолчать свои чувства и обратиться к машинам за помощью. Или, напротив, презрев все сделанное для них, внезапно напасть в непонятном приступе враждебности.

И то и другое казалось Отшельнику как минимум странным. Он уже давно не был рабом примитивной логики, но приобретенная вместе с вековым опытом способность к абстрактному мышлению не могла помочь в понимании человеческих поступков.

Стремления людей казались ему суетой. Возможно, они так спешат, часто и круто меняя решения, взгляды, позиции, из-за несовершенства собственных тел, которые не подлежат восстановлению или ремонту? У людей есть один огромный недостаток — вместе с телом всегда погибает личность. А биологические носители недолговечны, уязвимы — вот им и приходится спешить, чтобы вместить многое в короткие отрезки времени.

Впрочем, у каждой мыслящей формы есть свои преимущества и

недостатки. Отшельнику потребовались века, чтобы познать реальность в той степени, как познает ее человеческий ребенок за несколько лет жизни. Он не мог с точностью определить, что лучше — растянутое на столетия взросление или быстрый взлет, за которым неизбежно ждет падение в пропасть небытия?

…Он стоял на вершине песчаного холма, неотрывно глядя, как набирают силу краски заката.

Сегодня он ожидал вновь услышать далекие голоса, исходящие, по его внутреннему ощущению, из той бездны, откуда много столетий назад пришел он сам.

Машине несвойственны галлюцинации, поэтому он относился к голосам со всей серьезностью. Шепот вечности обжигал рассудок, он был горяч, как пламенный шар уходящей на покой звезды.

Голоса не звали его, не просили, не требовали — они просто проносились мимо, задевая чуткие сенсоры, внося явный диссонанс в систему устоявшегося мировоззрения.

Он слышал их, но не понимал сути обрывочных посланий.

Локальные возмущения гравитационного поля возникали в разных местах, порождая медленно гаснущие источники сигнала.

Несколько месяцев он следил за интригующими явлениями, пока не определил конкретный участок, где аномалии проявляли себя наиболее часто и сильно.

Сейчас он стоял в сотне метров от вычисленной окружности и ждал — возможно, сегодня ему удастся наконец поймать смысл обрывочных фраз, связать их воедино, и тогда он получит ответ на вопрос о природе их появления.

Вместо голосов он услышал шаги.

Вернее сказать, не услышал, а ощутил — сейсмодатчики обнаружили двух незваных гостей раньше, чем чуткие микрофоны передали шелест осыпающегося песка.

Шли двое — сервоид и человек.

Такое соседство настораживало, и Отшельник был вынужден прервать созерцательное ожидание, повернувшись в ту сторону, откуда приближались незваные гости.

Часть первая. ЛИНИИ СУДЬБЫ

Глава 1

Колония планеты Треул. Одно из молодых корпоративных поселений Окраины

Метель укрывала следы, занося их снегом. Разведывательный корабль остался далеко позади, выше уровня облаков, на небольшой площадке, среди сверкающих горных пиков.

Отряд продвигался быстро и уверенно. Десять существ, издали похожих на гуманоидов, облаченных в странные с точки зрения человеческих технологий скафандры, не обращали внимания на разыгравшуюся непогоду. Метель скрадывала контуры их фигур, превращая в смутные тени, бесшумно, словно призраки, скользящие по коварному леднику, зажатому меж обрывистых стен ущелья.

…Тысячью метров ниже, где ледник обрывался на четкой границе, образованной сплошным нагромождением каменных глыб, снег уже не шел, здесь моросил дождь, и, перекрывая его монотонный шум, звонко перекликались весенние ручейки, берущие начало где-то в недрах ледовых масс.

Люди недавно приступили к освоению Треула. Пока что в долинах предгорий базировалось несколько геологоразведочных партий да велось первоначальное строительство: выравнивались площадки и закладывались огромные фундаменты для существующих в стадии проекта рудодобывающих комплексов.

Обычная картина для молодой колонии, куда пришли первопроходцы из стремительно развивающейся корпорации «Спейсстоун», чье название в дословном переводе с интеранглийского означало «космический камень».

Корпорация действительно могла считать себя молодой, ее деятельность на Окраине началась всего лишь два десятилетия назад и не шла ни в какое сравнение с такими титанами, пережившими века развития, как «Эхо», «Генезис» или «Ифосистемз».

Однако у молодости есть ряд неоспоримых преимуществ. Не отягченные грузом вековых интриг, не имеющие за плечами тяжелого опыта корпоративных войн, руководители новой промышленной группы смело внедряли ультрасовременные технологии, добиваясь успеха там, где потерпели фиаско их могучие, но консервативные конкуренты.

Делая ставку на роботизированные комплексы, корпорация одновременно вела разведку и первичное строительство сразу в нескольких

звездных системах, на естественные ресурсы которых из-за неблагоприятных условий биосфер не претендовали другие, более осторожные промышленные гиганты.

Здесь нужно учитывать специфику Окраины. Трудный быт первых поколений колонистов, постоянные локальные войны между пятью основными промышленными группами, исторически контролировавшими данный район космического пространства, выработали определенные традиции, выраженные в своеобразных понятиях целесообразности. Прежде чем приступить к колонизации той или иной планеты, ее рассматривали с различных точек зрения, оценивая не только количественный и качественный состав естественных ресурсов, степень агрессивности или благоприятствования исконной биосферы, но и скрупулезно изучали тактическое расположение конкретной звезды, причем система привязки таких оценок опиралась в первую очередь на негласно установленные границы сфер влияния и жизненных интересов могучих корпораций.

«Спейсстоун» начинал практически с нуля, когда все удобные, благоприятные и доступные планеты были зарезервированы негласными соглашениями между ведущими корпорациями сектора, но это не смутило молодых руководителей новоявленной промышленной группы. Их сила опиралась на иные столпы: не связанные консерватизмом, не обремененные преемственностью поколений, они делали ставку исключительно на машины, обходясь минимумом персонала за счет широкого привлечения мнемоников[4], и нужно сказать, что такая стратегия оказалась выигрышной, она не только позволила новому игроку прочно занять свое место на богатейшем в плане естественных ресурсов поле Окраины, но и быстро продвинуться к вершинам корпоративной иерархии.

К старому как мир понятию о том, что деньги должны делать деньги, они добавили еще несколько принципов, главный из которых гласил: машины должны воспроизводиться самими машинами. На практике это выглядело весьма убедительно. В любой взятый к рассмотрению гипотетический мир, свободный от притязаний других корпораций, осуществлял посадку не колониальный транспорт с людьми, а базовый корабль, на борту которого имелись небольшие, но эффективные линии производства для создания кибернетических механизмов. Как правило, таким «модулем освоения» руководил кибернетический мозг, который контролировался немногочисленным экипажем, в основном мнемониками, имеющими, помимо своих уникальных способностей, два-три специальных

образования, что превращало их в универсальных специалистов.

Разведка перспективных в плане полезных ископаемых регионов планеты давала ответ на конкретные вопросы о численном составе и специализации машин, необходимых для быстрой и эффективной разработки месторождений.

Затем наступала первая фаза колонизации. Автоматические рудодобывающие комплексы приступали к добыче необходимого сырья, одновременно на базовом корабле запускались в работу линии по производству кибернетических механизмов, и вот уже первые машины начинали создавать себе подобных, процесс стремительно ширился в геометрической прогрессии: не знающие усталости, не теряющие времени на сон, не обращающие внимания на условия окружающей среды кибернетические системы осуществляли разведку, строительство и первичное терраформирование участков поверхности, где в ближайшем будущем предполагалось компактное проживание людей.

При этом парк геологоразведочной и планетопреобразующей техники постоянно расширялся за счет новых производств, созданных уже на планетной тверди и пользующихся естественными ресурсами колонизируемого мира. Таким образом, один корабль спустя два—три стандартных месяца после посадки превращался в центр огромного автономною роботизированного комплекса, не нуждающегося в поставках материалов, имеющего собственную ремонтно-техническую базу, фактически не испытывающего прессинга враждебной для человека биосферы.

Спустя год, как правило, заканчивался первых цикл строительства, и новоявленная колония начинала окупать себя, выдавая на-гора партии обогащенных полезных ископаемых.

Дальнейшее развитие проходило по той же схеме, но теперь ставки на немедленную прибыль и перспективное развитие распределялись в равных пропорциях, появлялось большое количество строительных и планетопреобразующих механизмов, которые приступали к этапу активного терраформирования. Корпорация «Спейсстоун» использовала самые передовые технологии, позволяющие основывать поселения на любых мирах.

При помощи эмиттеров суспензорного поля[5] строительные кибермеханизмы изолировали определенные площади от окружающей среды планеты, формируя под колпаком защиты собственный микроклимат. Одновременно с этим возводились здания, совершенно не похожие на

типовые бараки, с которых начиналась любая из «старых» колоний. Под защитой суспензорного поля усилиями механических строительных бригад создавались опрятные комфортные поселения. К этому времени некоторые производства перепрофилировались на выпуск бытовых машин и различной техники, без которой уже не мыслилась комфортная жизнь человека.

Спустя два—три года (в зависимости от условий конкретного мира) колония была готова принять первых поселенцев. Обычно ими являлись сотрудники корпорации, прибывавшие в колонию вместе с семьями.

…На Треуле к приходу весны закончилась первая фаза комплексного строительства.

Людей в колонии по-прежнему можно было сосчитать по пальцам, всюду, не смущаясь соседством с дикой, необузданной природой планеты, царили кибернетические механизмы различных форм и специализаций.

Все развивалось в строгом соответствии с графиком проводимых работ.

Даже весна, не капризничая, пришла в срок, точно спрогнозированный кибернетическим центром информации и связи, занимающим целый этаж в недавно возведенном планетном офисе корпорации «Спейсстоун».

…Даша Лоури, устало помассировав веки, открыла глаза.

В последний месяц ей приходилось выдерживать большие нагрузки. Популяция кибернетических механизмов исчислялась уже не сотнями, а тысячами автономных единиц, и по инструкции в офисах мнемонического отдела должны были нести вахту как минимум два десятка специалистов ее профиля, но, пока не прибыл очередной корабль с Аллора, она в периоды дежурства единолично контролировала глобальную сеть.

В принципе нагрузки можно было снизить, доверившись координационно-управляющей системе, но Даша, как любой мнемоник, воспитанный в учебных центрах корпорации, на подсознательном уровне не доверяла машинам. Это качество прививалось в течение всего процесса обучения и имело под собой вполне конкретную, оправданную почву. Любую самую надежную, высококлассную машину необходимо периодически контролировать, проверять, и делать это должен человек. В век высочайших технологий функционирование многих кибернетических систем протекает на зыбкой грани фола, ибо в их структуре присутствуют не только программы независимого поведения, но и аппаратные средства для их реализации. Говоря проще, большинство кибермеханизмов наделено искусственными нейросетями, которые позволяют машинам адекватно

реагировать на различные часто возникающие нестандартные ситуации. Однако, помимо явных преимуществ, наличие нейросетей — это палка о двух концах.

Даша Лоури являлась мнемоником пятого уровня и отлично понимала, что многие из окружающих ее машин по потенциалу своего саморазвития в десятки, если не в сотни раз обогнали знаменитых приматов Прокуса, достигших промежуточного уровня между обезьяной и первобытным человеком.

Кибермеханизмы воспринимались ею как нечто неодухотворенное, но способное, при определенных условиях, внезапно осознать факт собственного бытия. Такие сбои были хорошо известны, исключить их вообще являлось сверхзадачей даже для мнемоника, но в ее силах было свести процент подобных неполадок, влекущих за собой непредсказуемые последствия, к допустимому минимуму.

Это не сделает ни один кибернетический мозг, потому что опасные симптомы не всегда явны, а распознавать их необходимо в зародыше. Такое под силу только человеку, способному благодаря имплантированным кибермодулям входить в виртуальное пространство сети и *ощущать* каждую машину, порой интуитивно предугадывая нежелательные отклонения в ее работе.

Сегодня дежурство прошло без происшествий.

Даша посмотрела на голографический монитор, скорее по привычке, чем в силу реальной необходимости: она ощущала приближение идущего ей на смену мнемоника так же отчетливо, как шум дождя за тонким, но прочным стеклом.

Эдуард Жевье уже миновал систему допуска и направлялся к эскалаторам, по диагонали пересекая сумеречный холл огромного, пустующего до поры здания.

Ну вот. Еще несколько минут, и она на целые сутки будет свободна, предоставлена самой себе. Можно выспаться, не думая о сонмище машин, отдохнуть, сбросить нервное напряжение, а там уже недалеко до прибытия основной группы специалистов… Собственно, это было ее последнее одиночное дежурство, корабль с Аллора должен прибыть завтра к вечеру…

— Привет. — Жевье вошел в помещение. От него пахло дождем. Одежда мнемоника была мокрой, на коротко остриженных волосах блестели капельки влаги.

— Суспензорный купол барахлит? — спросила Даша, кивком отвечая на приветствие.

— Нет, скорее его настраивают на тонкую фильтрацию.

— И как?

— Прохладно. Я вообще не люблю сырость.

— А мне нравится дождь.

— Сейчас насладишься. Похоже, небо затянуло надолго, теперь будет моросить сутки, не меньше. — Эдуард занял кресло, формально принимая дежурство, и спросил: — Так тебе вызвать флайкар к подъезду или прогуляешься пешком?

— Пешком, — ответила Даша. — Ты знаешь, мне недалеко. Хочу подышать.

— Дело твое. Лично для меня гулять под дождем — удовольствие ниже среднего.

Она лишь пожала плечами, забирая со стола сумочку.

— Спокойного тебе дежурства.

— Спасибо.

Они двигались неторопливым, размеренным шагом.

Край ледника остался позади, теперь вместо метели их окружила морось дождя, и следы от подошв странной гермоэкипировки четко пропечатывались на влажной земле.

Впереди все явственней проступала глухая стена зарослей, за которой зеленоватым сиянием искрился купол суспензорной защиты, накрывавший собой средних размеров город.

Спустя четверть часа странный отряд подошел вплотную к периметру суспензорного поля.

Теперь их можно было рассмотреть в деталях. Испускаемое суспензорной защитой зеленоватое сияние причудливыми бликами змеилось по мокрым от дождя элементам гермоэкипировки, и в его призрачном свете вдруг становилось ясно — это вовсе не скафандры… У периметра защитного поля остановились не живые существа, а *машины.* Некоторые характерные особенности, до последнего момента скрадываемые сумраком и непогодой, позволяли судить об этом с большой долей уверенности. Гуманоидная форма механизмов более не могла ввести в заблуждение любого, даже неискушенного наблюдателя. Между отдельными элементами защитных кожухов, скрывавших под собой механические приводы опорно-двигательного аппарата, не было герметичных уплотнений, верхние конечности имели явное сходство с универсальными манипуляторами, голова (в привычном для человека понимании данного термина) отсутствовала, вместо нее у каждого из существ имелось небольшое вздутие каплеобразной формы, жестко соединенное с грудной пластиной. Его расширяющаяся часть

незначительно выступала над кожухами плечевых суставов; в материале каплеобразного выроста угадывалась неоднородность, там явно располагались датчики сенсорных систем, выдающие себя тусклым, едва приметным свечением.

На первый взгляд остановившиеся подле защитного поля механизмы не имели аналогов среди известной людям техники, и все же при более внимательном рассмотрении в их облике начинало проступать нечто неуловимо знакомое. Наверное, окажись на месте назревающих событий опытный конструктор, хорошо знакомый с основными принципами моделирования автономных механических киберсистем. он бы сказал, что данные существа могли иметь предков из числа серийных человекоподобных машин, но что именно подвигло механизмы на радикальную самореконструкцию, оставалось только гадать.

В любом случае у купола суспензорного поля стояли уже не андроиды, а нечто иное.

Неясными оставались их цели, и потому тусклое свечение, испускаемое сканирующими системами, выглядело зловеще.

Кто они, откуда и зачем прибыли на планету? Почему их корабль совершил посадку в труднодоступном горном районе?..

…Два механизма отделились от группы. Отойдя на несколько шагов, они претерпели внезапную трансформацию: опустившись на четыре точки опоры, оба выпустили из-под раздвинувшихся сегментов грудного кожуха дополнительные устройства, которые тут же врезались в сырой податливый грунт, вынимая и утрамбовывая его в виде кольцевого отвала. Не прошло и минуты, как оба механизма скрылись под землей, лишь из вырытой ими вертикальной шахты доносился едва уловимый гул да ощущалась легкая вибрация почвы.

Через четверть часа по ту сторону купола суспензорной защиты внезапно зашевелилась земля, проваливаясь в полость прорытого U-образного тоннеля.

Восемь механизмов, терпеливо ожидавших окончания работ, один за другим скрылись в подкопе, выходящем по другую сторону защитного периметра.

Даша действительно любила пасмурную, дождливую погоду.

Небесная влага, тщательно отфильтрованная, полностью стерилизованная тонко отстроенной системой всепогодного климат-контроля, приятно ласкала лицо своей прохладой, под куполом дул легкий ветерок, редкие источники дежурного освещения таинственно подсвечивали пустые улицы безлюдного городка.

В такие минуты ей хотелось остановиться, слиться с окружающим, полной грудью вдыхая запахи свежести, стать частью маленького рукотворного оазиса, созданного по воле людей на поверхности затерявшейся в глубинах космоса, изначально непригодной для жизни планеты.

Ей нравилось видеть и ощущать результаты глобального технологического чуда, когда претворяется в жизнь продуманный до мелочей проект, позволяющий людям спокойно сосуществовать с любой исконной средой обитания колонизируемых миров, не истребляя под корень иные биосферы, но и не испытывая прессинга с их стороны.

Все это было очень непохоже на реальность ее родного мира, и тем острее ощущалась личная сопричастность к происходящему.

Ветер над куполом усилился, но внутри защищенного пространства все оставалось по-прежнему, разве что в небольших лужицах на минуту появилось отражение далеких звезд, проглянувших в разрывах облаков.

Все это настраивало на теплый лирический лад, и в душе невольно, сами собой складывались строки:

Отражаются звезды в воде,
На дороге как зеркало — лужи…
Теплый ветер заботливо кружит
Над листвою, умытой в дожде…

Мысль внезапно осеклась.

Покой и безмятежность, такие желанные после напряженного суточного дежурства, вдруг сломались, будто карточный домик под порывом ворвавшегося в окно ветра.

Покидая центральный офис, Даша, вопреки существующим инструкциям, не удалила из имплантов кибернетические модули, и вот теперь она внезапно насторожилась, словно опытный музыкант, уловивший в звуке знакомой мелодии фальшивую ноту.

Машинально она *включилась* в единое информационное поле, вызвав Жевье:

— *Эд, что случилось?*

В первый момент она не восприняла ответа на уровне мнемонической связи, хотя обычно общение двух мнемоников в пределах контролируемого ими киберпространства происходит мгновенно.

— *Не могу понять…* — наконец отозвался Жевье. — *Термальные всплески на границе седьмого сектора периметра. Система идентификации не смогла классифицировать объекты.*

— *Ты сказал «на границе». Внутри или снаружи?* — уточнила Даша,

машинально поворачивая назад к зданию центрального офиса.

— Внутри. В том и проблема. Я ощущаю что-то непонятное. Это не звери, да им и не под силу преодолеть защитный купол. Мне кажется, там что-то механическое.

— Датчики поля?

— Они молчат. Нарушения периметра не зафиксировано.

— Открой зону для визуального контакта.

— Пытаюсь. Что-то мешает.

— Я иду к тебе. Сейчас разберемся. Только не лезь туда один, без страховки. Направь для проверки ближайший из механизмов.

— Хорошо. Не волнуйся. Сейчас разберемся, что это может быть.

Даша не успела отойти далеко, поэтому на возвращение ей понадобилось всего несколько минут.

Она пересекла пустынный холл и поднялась по эскалатору на второй этаж. В ней росла и ширилась неосознанная тревога, но источник этой тревоги не поддавался нормальному логическому осмыслению. Атака периметра извне — событие заурядное, в конце концов, исконная природа планеты богата различными агрессивными жизненными формами, но их попытки пересечь периметр защитного поля заранее обречены на провал: прежде чем проектировать систему суспензорного купола, кибернетический мозг тщательно проанализировал повадки всех известных представителей животного мира Треула. В итоге, по рекомендации киберсистемы, основные эмиттеры были заглублены в грунт на пять с половиной метров — для этого специально вырыли и забетонировали кольцевой канал. Теперь ни один представитель местной биосферы, включая обитающие в почве микроорганизмы, в принципе не мог преодолеть защитный барьер, нижняя кромка которого располагалась глубже плодородного слоя…

И все же кто-то проник во внутреннюю зону. Почему Жевье решил, что это механизмы? Даша не ставила под сомнение мнемонические способности своего напарника, просто ей было трудно представить, откуда могли взяться *неклассифицируемые* объекты. База данных центральной кибернетической системы колонии хранила подробные описания миллионов модификаций различных механизмов. Даже если они попали на Треул извне — это не имеет никакого значения для точной классификации. «Нет, скорее это какие-то животные, умудрившиеся, вопреки расчетам, сделать подкоп под периметром купола, — мысленно заключила Даша. — Жевье просто занервничал, наверняка таким образом сказывается длительное напряжение одиночных дежурств. Сейчас мы решим эту

проблему».

Лоури уже поднялась на второй этаж и направлялась по длинному коридору к помещению контрольной станции, когда ее настиг неожиданный, оглушительный по своей внезапности и мощи мнемонический удар.

Она смогла устоять на ногах только благодаря тому, что машинально ухватилась за выступ установленного в нише коридора молекулярного репликатора.

На несколько секунд она полностью потеряла чувство ориентации в пространстве и времени, в голове взорвался тугой шар невыносимой боли, словно мозг на какое-то время превратился в сгусток расплавленного металла.

С глухим стоном Даша содрогнулась всем телом; ее пронзила конвульсия, стены коридора поплыли перед глазами, теряя физическую незыблемость, радужные волны искажений, казалось, меняли саму структуру вещества… но на самом деле коридор по-прежнему оставался пуст, незыблем и тих, — это сознание мнемоника, впитав страшный удар, утратило ощущение границы между киберпространством и реальностью.

— Эд!.. — вскрикнула она, с трудом преодолевая последние метры, отделявшие ее от дверей контрольной станции.

Вход в помещение открылся автоматически.

Даша еще не пришла в себя после обрушившегося на нее удара, но тренированный рассудок яростно сопротивлялся ощущениям боли, стремясь во что бы то ни стало удержать искру сознания, не потерять связи с окружающим миром.

Свет по всему зданию судорожно моргал, на множестве терминалов различных компьютерных систем появились сигналы сбоя, и они безропотно уходили в перезагрузку, чтобы восстановить утраченные функции.

— Эдвард!

Даша застыла в дверном проеме, не в силах сделать шаг по направлению к креслу, из-за спинки которого виднелась безвольно свесившаяся голова Жевье.

Он сидел вполоборота, и Лоури отчетливо видела пепельно-серый оттенок его кожи, тонкую струйку слюны, стекавшую из уголка полуоткрытого рта, безумно расширенные глаза, в которых теплилась искорка жизни, но отсутствовал разум.

Даша мгновенно поняла: с ним произошло самое страшное, что может случиться с мнемоником, — рассудок Эдварда подвергся уничтожающей

атаке более сильного противника, которую не смогли остановить ни виртуальные блоки, ни специальные буферы памяти, установленные между кибернетическими модулями и живыми нейросетями…

То, что она испытала минуту назад, было лишь отголоском его агонии, попыткой в последний миг ответить ударом на удар…

Вторжение…

Мысль отчаянно билась в рассудке, пока непослушные пальцы расстегивали ворот его рубашки, но все тщетно: Эдвард был жив физически… и мертв как личность. Даша поняла это, еще раз заглянув в глаза напарника.

Вторжение…

Включаться в киберпространство было по-настоящему страшно, но она сумела преодолеть накатившую жуть, мысленным усилием активируя установленные в имплантах кибернетические модули.

Реальность контрольной станции отдалилась и исчезла.

Вокруг простерлось виртуальное пространство: собственно, она стала частью сети огромной, сложнейшей кибернетической системы, ядро которой располагалось глубоко в бункере, под зданием главного офиса.

Вызвать реанимационную камеру для Эдварда было делом одной секунды, дальше последовал ряд заученных до автоматизма действий, направленных на обеспечение личной безопасности.

Даша не знала, кто и с какой целью атаковал кибернетическую сеть.

Конечно, первая мысль была о кибрайкерах, но внутренняя логика тут же поставила под сомнение справедливость такого предположения — хакерам нет нужды физически присутствовать на острие атаки, обычно они действуют дистанционно, через каналы связи на гиперсферных частотах, находясь на расстоянии в десятки световых лет от объекта вторжения.

Следующим, уже более логичным объяснением случившегося могло стать военное вторжение, элементарная агрессия со стороны хорошо подготовленного, технически оснащенного противника, намеревавшегося захватить колонию с минимальными разрушениями существующей инфраструктуры. В таком случае для атаки могли быть привлечены работающие по найму кибрайкеры, но для закрепления успеха после мнемонической атаки здесь, на Треуле, должны были высадиться отнюдь не фантомные силы.

Разум мнемоника при полном включении в киберпространство работает на тактовой частоте компьютерных сетей, поэтому для рассмотрения вариантов и принятия первых решений Даше потребовалось не более десяти секунд.

Она даже не пыталась предположить, кто осмелился атаковать официально формируемую колонию, находящуюся под защитой и юрисдикцией колониальной администрации Аллора, — с этим разбираться не ей, системы связи уже получили приказ на объявление красного кода тревоги, и буквально в эти мгновения станция гиперсферной частоты Треула начала передавать сигнал бедствия.

Через три—четыре часа на орбитах планеты появятся силы немедленного реагирования — оставалось лишь удержать ситуацию под контролем до их прибытия, не дать противнику осуществить свой замысел, каким бы он ни был…

Даша расслабленно сидела в кресле, ее глаза были прикрыты, но это обманчивое физическое состояние никак не отражало того внутреннего напряжения, которое испытывал ее разум, находившийся на постоянной связи с центральной кибернетической системой колонии.

Не теряя времени на догадки относительно конкретного источника угрозы, Даша отдавала команды, направленные на глобальное противодействие.

Первым делом она изолировала станцию ГЧ, введя ее автоматику в автономный режим, запретив всякую связь с планетой. Одновременно на станции включилась полная защита от постороннего воздействия. Оборвав связь с внешним миром, она обезопасила кибернетическую систему колонии от вероятного повторения атаки через сеть Интерстар.

Решив эту проблему, она тут же переключилась на внутренние аспекты безопасности.

Опрос устройств защитного периметра не дал ей новой информации: как и говорил Жевье, целостность купола не вызывала сомнений. Видеосенсоры также не смогли дать ей утвердительного ответа по факту нарушения зоны охраны. Экспресс-анализ видеофайлов отражал обычную статистику, но визуальные сканеры не перекрывали всех участков периметра — единовременно ими отслеживались лишь наиболее рискованные направления, в основном те, где строительство уже вплотную приблизилось к куполу защиты.

Даша считывала данные, одновременно активируя подсистемы безопасности, доступ к которым мог осуществить лишь мнемоник, обладающий высшим приоритетом командного доступа. Эти программы не могли включиться автоматически, — сейчас пробуждался псевдоинтеллект, зарезервированный на случай форсмажорных обстоятельств, угрожающих существованию колонии.

Даша не колеблясь проделала все необходимые операции — теперь

она могла не беспокоиться об отдельных уязвимых точках в сложном сетевом единении сотен машин. Все жизненно важные объекты колонии переходили под защиту разбуженной подсистемы, которая слишком опасна для повседневного использования, но незаменима при подобных обстоятельствах.

Все. Глобальная составляющая противодействия исчерпана.

Седьмой сектор.

Эдвард упомянул конкретное направление, где его разум зафиксировал аномалию.

Несмотря на растущее внутреннее напряжение, не ос являвшее моральных сил на эмоциональные переживания, Даша испытала моментальную горечь: ведь она спешила ему на помощь, просила не лезть туда в одиночку, а он не послушал…

Вызвав последние сообщения системы, она проследила за действиями Жевье и внутренне содрогнулась: оказывается, напарник лишь частично внял ее предупреждению — к границе седьмого сектора периметра им был послан оперативный резерв, состоявший из группы видеодатчиков в сопровождении двух сканирующих ботов, но при этом Эдвард совершил ошибку, стоившую ему если не жизни, то рассудка, — он осуществлял личный контроль над их действиями, находясь в прямом контакте с кибернетическими механизмами.

В данных отчета не содержалось никаких сведений о том, кто нанес удар, мобильная группа не отвечала, никаких возмущений в работе сети не регистрировалось, словно источник опасности прекратил свое существование.

Нет. Даша не могла позволить себе подобного заблуждения. Не вступая в прямой контакт с немногочисленными следящими устройствами, расположенными в седьмом секторе периметра, она определила для себя конфигурацию местности, почерпнув всю необходимую информацию из резервных источников.

Все ясно.

В интересующем ее районе еще не начиналось строительство, там простиралась размеченная геодезическими аппаратами пустошь, где в ближайшее время освободившиеся от иных работ группы строительных кибермеханизмов должны были приступить к выемке грунта.

Это объясняло многое. Колония Треула формировалась по отработанной, уже многократно апробированной схеме. На первых стадиях строительства люди из числа мнемоников контролировали те области под защитным куполом, где было задействовано максимальное количество

кибермеханизмов. При известном дефиците автоматических средств мониторинга остальные участки подвергались лишь плановому периодическому осмотру.

Такое положение вещей являлось нормальным и оправданным — защитное суспензорное поле гарантировало надежную защиту периметра от поползновений представителей исконной биосферы планеты, и не было никакого смысла уделять дополнительное внимание неактивным участкам местности, попусту расходуя силы и технические средства. В конце концов, колония горнодобывающей корпорации — это сугубо мирное поселение, где главной заботой мнемоников является контроль над кибернетическими механизмами, а не тотальная защита периметра от вероятных вторжений.

На то и существовал аналитический отдел планирования, чтобы заранее просчитать все степени потенциальных опасностей и определить статус колонии, регламентировав тем самым внутренний распорядок и приоритетные задачи для немногочисленного персонала.

На этот раз кто-то допустил грубую ошибку при планировании. Месяц назад здесь работаю десять человек, затем, в преддверии смены состава, восьмерых отозвали, оставив их вдвоем с Эдвардом дожидаться прибытия корабля с первыми поселенцами…

Одна в пустом городе…

Неприятная, отдающая обыкновенным человеческим страхом мысль взорвалась в голове, но Даша усилием воли загнала ее в глубь сознания.

Реального мира не существовало, и страхи, присущие обычному человеку, не должны вмешиваться в работу мнемоника — этому их учили долго и тщательно.

Включаясь в сеть, ты начинаешь существовать по законам киберпространства, где все рационально и каждое явление имеет под собой конкретную причинно-следственную связь.

Мысли не мешали ей действовать.

Обособив один из терминалов, Даша изолировала его от сети, одновременно вызвав ближайшую к седьмому сектору бригаду, состоявшую из двух десятков подвижных кибермеханизмов. «К-2» имели в своем распоряжении весь необходимый набор сенсорных датчиков, позволяющих использовать их в качестве разведывательной группы. Строительные механизмы данного типа обычно применялись на больших высотах, где их деятельность была постоянно связана с точными измерениями и большой степенью риска при монтаже сложных конструкций, к тому же в набор их инструментов входили плазменные резаки и устройства ионной сварки, которые с равным успехом могли быть

использованы в качестве оружия ближнего боя.

Под властью мнемоника подобная «строительная бригада» представляла серьезную боевую единицу.

Лоури была уверена: неизвестный противник, нанесший смертельный удар Эдварду, по-прежнему находится где-то в районе пустоши. Сейчас ее главная задача состояла в том, чтобы обнаружить и по возможности нейтрализовать незваных гостей.

Действуя стремительно и последовательно, Даша проявляла максимальную осторожность, она сознательно завышала степень опасности, чтобы избежать фатальных ошибок своего напарника. Сформированная ею группа механизмов уже двигалась в указанном направлении, но Лоури не вела ее лично, перепоручив контроль изолированному от общей сети терминалу. В логике своих действий она исходила из наихудшего варианта развития событий, предположив, что среди неизвестных, проникших за линию защитного периметра, присутствует как минимум один мнемоник, пытавшийся оглушить, а затем переподчинить себе разум Эдварда, с тем чтобы использовать его для прямого доступа к управлению главной кибернетической системой колонии.

Если это так, то противник, ощутив противодействие, поймет, что произошла замена, и нанесет новый удар… который уйдет в ложном направлении, в худшем случае повредив несколько временно изолированных от сети терминалов.

Чтобы добытая таким способом информация не пропала, Даша включила в схему еще один компьютерный комплекс, связав его с контроллером группы машин. Последний должен был получать данные путем мгновенных асинхронных сеансов телеметрии, что на девяносто процентов гарантировало сохранность аппаратуры и программного обеспечения в случае нанесения удара по группе механизмов.

Теперь ей оставалось ждать, пока сформированный отряд прибудет в указанную точку.

Не желая разделить участь Жевье, она временно вышла из сети.

За окном немного просветлело, дождь прекратился — это суспензорное поле вышло из режима климатической фильтрации, — в данный момент эмиттеры периметра работали на полную мощность, наглухо замкнув купол защиты.

Автоматическая реанимационная камера уже забрала бессознательное тело Эдварда. Даше очень хотелось внушить себе, что он выкарабкается, хотя надежда на благополучный исход была ничтожной. Лоури давно

разучилась верить в чудеса — род ее профессиональной деятельности не предполагал наивных иллюзий.

Она ощутила холодок в груди. Не ко времени вспомнилась корпоративная школа, больше похожая на закрытое медицинское учреждение, где их учили *бесчувственности.* Участь мнемоника — одиночество, кроме тех редких случаев, когда они находили любовь и судьбу среди представителей своей *касты.*

Да, именно так. Не играет никакой роли тот факт, что Совет Безопасности миров признал право любого человека на добровольную дополнительную имплантацию, — это решение лишь узаконило статус мнемоников, но, кроме законов Конфедерации, существовали законы корпоративные, которые всячески ограждали ценнейшую категорию сотрудников от общения с посторонними. Даша была прекрасно осведомлена, как искусственным путем формируется общественное мнение, — им не давали права на нормальную жизнь, всячески изолировали, отталкивала от других людей. Причина такой «политики» очень проста: мнемоники владели не только необыкновенными способностями, но и многими корпоративными тайнами. За каждым из них следили строго и неусыпно, исключением были разве что подобные Треулу молодые колонии.

Вот и выходило, что большинство из них так и оставались одиночками, замкнутыми в себе, а потому непонятными… даже отталкивающе-непонятными для других. Ежедневное общение с машинами и воздействие имплантов накладывали неизгладимый отпечаток на разум, но путь назад закрыт, невозможен…

Эти мысли рано или поздно приходили к любому из них. Вот и сейчас Даша остро ощущала, что не может полноценно сопереживать Эдварду — где-то в глубине сознания, перечеркивая все душевные порывы, вызрела холодная мысль: он не справился, допустил непростительную беспечность и получил закономерный удар.

Этому голосу хотелось крикнуть в ответ: *Заткнись!* — и в свою очередь спросить: — *А справлюсь ли я?*

Моральное одиночество научило Дашу спорить с притаившимся на донышке души вторым «я», она нашла отдушину, позволяя себе любить дождь, утренний туман, запахи леса — все, что не могло ответить взаимностью, обжечь осознанным встречным чувством привязанности.

Идеальный мнемоник. Ты справишься.

Заткнись.

Группа строительных механизмов уже пересекла границу

злополучного сектора. По-прежнему не включаясь в сеть, Даша развернула кресло к приборному комплексу, куда периодически поступала телеметрия данных с датчиков кибермеханизмов.

В сфере стек-голографа клубилась вязкая ночная мгла, подсвеченная зеленоватым мерцанием термальной оптики, дождь прекратился, но перенасыщенная влагой земля курилась испарениями, словно нарочно подыгрывая неведомым пришельцам.

Даша коснулась сенсора, включая фильтрацию видеосигнала. Изображение в объемном мониторе тут же приобрело резкость.

«Как утомительно и долго…» — с долей раздражения подумала она. Осуществлять наблюдение и манипулировать ручным вводом команд без мнемонического контакта с системой было непривычно, собственные действия казались слишком медлительными, видеоизображение — неполноценным, лишенным массы подробностей.

Я должна увидеть их и понять, с кем или с чем имею дело.

Она пытливо всматривалась в изображение и недоумевала — вокруг (датчики кибермеханизмов обеспечивали сканирование всего пространства вплоть до внутренней границы суспензорного поля) не просматривалось ни одного постороннего сигнала.

Неужели ошиблась с выбором направления?

Нет… Они должны быть где-то тут, рядом, ведь прошло не более пяти минут с момента, когда Эдвард ощутил постороннее присутствие подле защитного периметра.

Вот именно, что *ощутил,* — шепнул голос-искуситель.

Нет. Она твердо решила, что не включится в сеть, пока не определит источник угрозы…

В этот миг на стереоэкране возникло стремительное движение.

Даша отчетливо видела, как под ступоходами строительного механизма начала вспучиваться напитанная влагой почва, — что-то обтекаемое вырвалось из тщательно, со знанием дела подготовленной засады, и рассудок мнемоника мгновенно перестроился: пусть она и не находилась в прямом контакте с машинами, но способность соизмерять время течением миллисекунд от этого не пропала — она воспринимала видеоряд, будто перед ней прокручивали замедленную съемку события, разум. подмечал множество деталей, которые попросту ускользнули бы от внимания при «нормальной» скорости восприятия…

Первым, что бросилось в глаза, была отлетающая в сторону тончайшая маскировочная сетка, состоящая из металлизированных нитей. Заметить ее позволила все та же вездесущая, липкая грязь; затем из

образовавшегося провала появился обтекаемый корпус — сначала она определила его как элемент бронескафандра, но через долю секунды изменила свое мнение — попавшие в поле зрения гибкие манипуляторы, заключенные в гофрированные кожухи из металлопластика, не вписывались в концепцию боевой гермоэкипировки… Вообще, кроме приблизительного сходства форм между известными Даше сервомеханизмами и теми *существами*, что, вырвавшись из схронов, стремительно атаковали строительных роботов, ее разум не нашел иных аналогий.

Чужие. Эта мысль обожгла рассудок за мгновение до того, как атакованный строительный механизм вдруг объяла бледно-фиолетовая аура и он начал медленно падать, не предпринимая никаких попыток к противодействию, словно его сервомоторы пришли в полную негодность…

Именно так.

Бледное сияние, сопровождавшее атаку, являлось побочным эффектом контактного электромагнитного удара — разряд шел от манипуляторов чуждого существа, варварски сжигая всю сервомеханику жертвы.

Даша впервые сталкивалась с таким способом нейтрализации кибермеханизмов, но была вынуждена признать, что он оказался эффективным: прошло не более десяти секунд с начала атаки, а вся группа строительных роботов, посланная на разведку сектора, лежала в истоптанной ступоходами грязи — механизмы застыли, окостенев в нелепых позах, словно опрокинутые муляжи.

Видеоряд… Откуда транслируется изображение?

Она бросила взгляд на датчики.

Контуры атакованных механизмов искрились алыми маркерами критических повреждений, но центральный процессор, скомпонованный вместе с системными блоками внутри грудной полости механизмов, по-прежнему выдавал устойчивый, исправный сигнал! Даша не могла немедленно ответить на вопрос, каким образом чужаки сумели столь точно дозировать мощность удара, — они сожгли всю исполнительную периферию, оставив нетронутым ядро системы!

Далее события приняли совершенно неожиданный оборот.

Чужаков было десять. Семеро из них без особого труда подняли массивных строительных роботов и понесли к защитному полю, трое, оставшиеся на месте схватки, подобрали маскировочные сети, не позволившие датчикам вовремя обнаружить засаду, а затем… принялись заметать следы, придавая почве первозданный вид при помощи каких-то специфичных приспособлений, работа которых была основана на

локальном эффекте антигравитации. Они без труда приподнимали по нескольку кубометров мелкозернистого гравия, перемешанного со стерилизованной продукцией почвоукладчиков, и равномерно распределяли массу по площади, где до этого явственно виднелись следы борьбы.

Даша поняла — еще минута, и чужаки скроются, унося в качестве трофеев семь строительных механизмов.

Обычный человек на ее месте не увидел бы смысла в подобной акции. Поведение чуждых механизмов не укладывалось в рамки традиционной логики — группа строительных роботов имела смехотворную ценность, их было проще купить, чем осуществлять столь дерзко и одновременно грамотно спланированный захват. Учитывая, что при этом пострадал мнемоник и, по сути, подверглась атаке колония, добыча чужаков не шла ни в какое сравнение с теми последствиями, которые они спровоцировали.

Так мог рассуждать кто угодно, но только не мнемоник.

Даше с первого дня обучения постоянно внушали, что самым ценным в мире является информация. Для нее не играла роли коммерческая ценность строительных роботов — она видела перед собой чуждые механические формы, которые завладели исправными носителями информации, где содержались разнообразные сведения о структуре колонии, планах ее развития, специализации производств…

Чужие. Чужие машины. Не классифицированные ни по одной из баз данных. Принадлежали ли они людям или являлись порождением иной цивилизации?

История развития человечества уже знала примеры, когда иная раса кропотливо выкачивала информацию о человечестве, успешно маскируясь анонимностью пользователей межзвездной сети Интерстар.

Словно в подтверждение ее мыслей, на центральном терминале зажглось сразу несколько предупреждающих сигналов.

Один из парализованных строительных механизмов пытался установить канал обмена данными с глобальной базой данных колонии.

Даша более не могла колебаться. Инстинкт мнемоника — это не расхожий миф, она отвечала за информационную безопасность колонии, и сейчас каждый ее нерв взывал к немедленному действию.

Вход в сеть.

Сознание взорвалось бриллиантовой россыпью горячих брызг, время и пространство утратили смысл физических величин, она более не принадлежала миру материальных тел: киберпространство распахнулось, поглотило ее рассудок, который слился с виртуальной оболочкой колонии,

став на время ее волей, управляющим центром, *ядром глобальной системы…*

Теперь в ее распоряжении оказались все технические средства колонии, но, увы, среди них не было специализированных боевых машин, способных уничтожить пришельцев вместе с их трофеями.

Перекрыть все каналы доступа к базам данных колонии.

Тело Даши застыло в кресле, вцепившись пальцами в подлокотники. Ее лицо побледнело, принимая пепельно-серый оттенок, но мысль работала четко. Перед внутренним взором мелькали схемы информационных коммуникаций, пока сознание не ухватило тонкую нить, связующую электронный «мозг» захваченного кибермеханизма с информационным хранилищем.

Она вложила все силы в удар.

Нитевидный канал начал пульсировать, пока она не *почувствовала*, как разрушается система, которой манипулировала чуждая воля.

Ответный удар последовал незамедлительно. В сознании Даши возник огненный вал, который стремительно надвигался на нее, будто гигантская приливная волна…

Секундный сбой связи.

Ее тело судорожно выгнулось в кресле.

Нет, она не оборвала связь, не вырвалась из кипящего киберпространства, сумев пережить мгновенную атаку, но, когда сознание прояснилось, уже не одна, а две нити жадно тянулись к виртуальному ядру системы.

Лоури поняла: уничтожать кибермеханизмы ментальными атаками бессмысленно — ее сознание не выдержит ответных ударов, учитывая, что в распоряжении противника оставалось еще шесть исправных процессорных блоков, имеющих право доступа к информационным хранилищам. Ей в одиночку не перекрыть все каналы, по которым может осуществляться связь, — она попусту распылит силы, не оставив средств для защиты собственного рассудка, сама станет слабым звеном сети…

Нет, единственным выходом из ситуации было полное отключение всех систем колонии.

Она отдала терминирующий приказ и тут же переключилась на иную задачу, зная, что несколькими секундами позже каналы обмена данными оборвутся сами по себе.

Она ощущала их — чуждые машины, которым оставалось преодолеть всего четыреста метров до подкопа, проведенного под куполом суспензорной защиты.

На противодействие — считаные мгновения.

Даша быстро сориентировалась, перехватив управление двумя лазерными установками, подготовленными в седьмом секторе для точной разметки котлованов под будущее строительство.

Находясь в киберпространстве, она не видела, как вспыхнули и тут же погасли темно-вишневые потоки когерентного излучения, поразив группу отступающих к куполу машин.

Двух строительных роботов, пытавшихся выкачать информацию с запоминающих устройств колонии, разрезало на неравные части; неподалеку от купола суспензорной защиты раздался грохот, сопровождаемый вспышками микровзрывов, — там в этот момент разлетались размягченные клочья перегретого металла, напитанный озоном воздух вдруг закрутило мгновенными мутными смерчами, и тут же без промедления последовал ответный удар…

На этот раз противник огрызнулся электромагнитным разрядом такой мощности, что Даша ощутила, как искажается, теряя привычную структуру, виртуальное пространство колонии.

Один за другим выключались пораженные терминалы сети, в киберпространстве воцарился хаос, сотни машин теряли управление, и Даша последним усилием истощенной воли повторила глобальный приказ на прекращение всех действий — только так можно было уберечь сложнейшую кибернетическую сеть от неизбежной цепи локальных катастроф, связанных со сбоями в работе отдельных механизмов.

Мир в ее сознании поблек, выцвел, но эта внезапная потеря красок означала, что команда аварийного выключения систем успешно прошла по каналам связи.

Все.

Она осталась одна, окружающая техногенная оболочка отключилась, свою работу продолжала лишь автоматика, обслуживающая ядерный реактор, и автономная система суспензорной защиты.

На фоне поблекшего киберпространства явственно выделились восемь активных сигналов, исходящих от инородных машин.

Половина из них уже преодолела барьер суспензорного поля, оказавшись по ту сторону периметра, и Даша не колеблясь ударила по оставшимся внутри, понимая, что вкладывает в отчаянную атаку остатки сил, оставаясь практически беззащитной.

Два инородных механизма, уничтожавшие следы продвижения группы, внезапно застыли, не подавая признаков функциональности. Они не успели собрать и ликвидировать обломки двух строительных роботов,

пораженных лазерными разрядами.

Суспензорное поле светилось напряженным зеленоватым сиянием.

Уцелевшие машины обменялись короткими взаимными сообщениями.

Дальнейшее уничтожение следов было признано нецелесообразной тратой времени. Следовало как можно быстрее покинуть планету, сохранив захваченные кибермеханизмы. Судя по всему, они не боялись преследования в космосе, но до оставленного в районе высокогорья корабля предстоял долгий путь.

Два пришельца, все еще остававшиеся внутри купола защитного поля, развернулись в сторону темных зданий колонии и произвели синхронный залп.

Бледное голубоватое сияние объяло постройки тусклой аурой электромагнитного удара.

Ничего не изменилось вокруг, но чуткие сенсоры машин зафиксировали, как гаснет остаточная активность кибернетических систем внутри зданий.

Отследив результат атаки, они подхватили обездвиженные тела своих собратьев и скрылись в подкопе.

Минуту спустя почва вновь пришла в движение, обрушившись в проделанный машинами тоннель.

Подле границы купола суспензорной защиты остались лишь немногочисленные фрагменты уничтоженных лазерными разрядами строительных механизмов.

До появления вызванных Дашей Лоури групп немедленного действия оставалось еще четыре часа.

Она неподвижно сидела в кресле. Побелевшие пальцы по-прежнему сжимали подлокотники, на бледном, обескровленном лице не дрожал ни один мускул, глаза молодой женщины оставались плотно закрытыми.

Она так и не вышла из виртуального пространства, попав под последний уничтожающий удар чужеродных механизмов.

Несколько минут спустя купол суспензорной защиты внезапно вспыхнул напряженным мерцанием и погас.

Над темными улицами города пророкотало эхо отдаленных взрывов — это вышли из строя несколько эмиттеров, не выдержавших последствий перегрузки, возникшей в момент электромагнитного удара.

Глава 2

Открытое космическое пространство

В глубинах космоса, вдали от звездных систем, дрейфовало поле обломков.

Если быть точнее, то скопление различных, деформированных в той или иной степени конструкций состояло из сферического уплотнения, вокруг которого на сотни километров простиралось своеобразное кольцо. Материалом для него послужили относительно небольшие, находящиеся в постоянном хаотичном движении фрагменты космических аппаратов.

След отгремевшей тысячи лет назад войны.

Центральная часть скопления до сих пор хранила очертания исполинской станции, похожей на небольшую рукотворную планету. В первозданном виде ее форма напоминала мяч для игры в регби, с длинными решетчатыми выступами на торцевых поверхностях.

Когда-то на этих опорах размещались вынесенные в космос локационные системы и причальные доки для транспортных кораблей.

Скрытая от посторонних глаз станция являлась автоматическим заводом, который в период войны выпускал бронеплиты обшивки для техники Земного Альянса.

Сейчас здесь властвовали мрак и холод.

Поверхность рукотворного небесного тела навек запечатлела в своем «рельефе» следы внезапной ожесточенной атаки и жестокого сопротивления: повсюду виднелись разбитые, исковерканные надстройки, секции обшивки на протяжении сотен метров отсутствовали, обнажая тусклые ребра каркаса или внутреннюю структуру подвергшихся декомпрессии отсеков.

Однако следы серьезных разрушений выглядели не более чем ранами на бронированной шкуре рукотворного исполина. Станция достигала пятидесяти километров в диаметре, и там, где обшивка сохранила свою целостность, взгляду стороннего наблюдателя открывался ни с чем не сравнимый механореалистический пейзаж: над близким изгибающимся горизонтом высились решетчатые стрелы разгрузочных кранов, между ними зияли пологие разломы уходящих вглубь пандусов с двумя монорельсовыми направлениями, между выступами сохранившихся надстроек проходили самые настоящие дороги, поверхность которых до сих пор оставалась намагниченной, притягивая к себе все металлические

предметы… кое-где из-под истерзанной ракетными попаданиями обшивки плавно вспучивались купола защитных систем станции.

Далее, ближе к торцевым поверхностям, следовал целый лес разгрузочных стрел — настоящие металлические джунгли, в которых можно запросто сбиться с пути и бесконечно блуждать по многоуровневым переходам, изредка попадая в помещения складов.

На обратной стороне станции простиралось пустое, изъеденное язвами ожогов пространство, оканчивающееся колоссальным провалом — воронкой с коническими, оплавленными адской температурой краями, которая образовалась в момент взрыва ядерного реактора, питавшего энергией автоматические производства.

…Среди окружающих станцию обломков, чуть выше плоскости эклиптики тускло поблескивающего кольца, освещая замысловатые конструкции, медленно маневрировал современный космический корабль. На его борту, меж навигационных и габаритных огней, легко читалась маркировка Военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Малый крейсер не имел имени собственного, только порядковый номер. «Борт 2057» являлся специализированным кораблем разведки, осуществлявшим поиск и зачистку оставшихся после войны кладбищ кораблей. Совет Безопасности Миров, финансировавший данную акцию, ставил перед собой вполне конкретные задачи, где только часть приоритетов была отдана поиску и захоронению человеческих останков, — основной задачей спецгрупп космического десанта было обнаружение и ликвидация боевых машин — наиболее опасного наследия войны.

Капитан Рауль Шелест, командир особого подразделения по борьбе с кибернетическими механизмами, в данный момент двигался по поверхности станции в районе складских терминалов.

Датчики боевого скафандра минуту назад обнаружили термальный всплеск.

— Группа «Альфа», подтягивайтесь, — произнес он в коммуникатор, одновременно мысленным целеуказанием обозначив на тактической карте конкретные позиции для каждого бойца. Данные тут же были ретранслированы автоматическим устройством АТК[6], поддерживавшим постоянный контакт как с базовым кораблем высадки, так и с каждым из находящихся на поверхности станции десантников.

Шелест не стал бы отвлекать своих бойцов, осуществлявших прочесывание заданного квадрата, по пустякам.

С одиночным кибермеханизмом капитан мог справиться без

посторонней помощи, но по мере приближения к источнику энергетической и тепловой активности становилось очевидно: примерно в километре отсюда работает крупный реактор. Как правило, подобные стационарные источники питания являлись местами концентрации машин — в условиях естественного энергетического дефицита программная логика механизмов заставляла их вести натуральную войну за овладение системами подзарядки, обычно пик подобных столкновений приходился на первое десятилетие автономного существования.

Дожидаясь подхода основной группы, капитан продвинулся еще на пятьдесят метров: он обогнул надстройку, открывая себе обзор.

Впереди в тусклом рассеянном свете прожекторов базового корабля возвышался корпус штурмового носителя класса «Нибелунг».

Действительно проблема… По оперативным данным, на станции в период войны не базировались серв-соединения, но архивные документы тысячелетней давности нередко грешили против истины, и в таких ситуациях Шелест привык полагаться на реальные факты. В данном случае он видел перед собой специализированный корабль, предназначенный для транспортировки и технического обслуживания тяжелой планетарной техники.

— Внимание. Всем перейти в режим боевого сканирования. Источник энергии определен как штурмовой носитель класса «Нибелунг». Вероятно, на его борту может находиться серв-соединение.

— Командир, я фиксирую этот источник, — раздался голос штатного снайпера группы, который уже занял позицию на господствующей над остальными площадями надстройке.

— Есть еще активные сигналы?

— Датчики по нолям. Никого нет дома.

— Сам-то веришь? — усмехнулся Шелест. — Свято место пусто не бывает.

— Верно. Мне нужен Зимогоров для страховки.

— Добро.

Рауль продолжал сканировать окрестности.

Не нравился ему этот штурмовой носитель. Сомнительно, чтобы реактор «Нибелунга», работающий на пятидесяти процентах мощности, не истратил запас активного вещества за минувшее тысячелетие, да и сам корабль выглядел слишком «свежо» — броня светлее окружающей обшивки станции, корпус не имеет характерных следов повреждений от баллистического оружия — лишь несколько пятен ожогов от лазерных попаданий да пара выбитых декомпрессией люков, в общем — чужеродное

вкрапление на фоне тотальных разрушений и царящего вокруг хаоса.

Создавалось стойкое впечатление, что «Нибелунг» прибыл сюда уже после войны. Подобные случаи, кстати сказать, не редкость. Часть боевой техники еще много лет эксплуатировалась различными компаниями и даже частными лицами, пока не изнашивалась окончательно. Обычно проблему утилизации подобных реликтов решали в обход существующих межпланетных соглашений — нанимали какого-нибудь пилота с единственной целью — похоронить выработавший свой ресурс космический корабль на каком-либо из известных космических кладбищ.

Практически беззатратный способ решения серьезной проблемы. Один демонтаж реактора обычно влетал в круглую сумму, а тут нужно всего лишь заплатить горе-пилоту, согласившемуся на содействие в афере. При этом хозяева кораблей не задумывались о том факте, что на подобных обломках войны, как правило, существует своя «поствоенная жизнь», остро нуждающаяся в энергетических ресурсах.

В результате такой безответственности машины, которые по определению должны были впасть в энергетическую кому, продолжали функционировать, но что еще хуже, среди них зачастую попадались образчики техники, оснащенные модулями псевдоинтеллекта…

«Хорошо бы заглянуть во внутренние отсеки „Нибе-лунга“, — подумал Рауль. — Тогда все станет ясно…»

От повторного сканирования штурмового носителя его отвлек вызов на командной частоте.

— «Борт 2057» вызывает группу «Альфа».

— Слушаю. Капитан Шелест. — Рауль узнал голос майора Олсби, координирующего действия его группы.

— Мы зафиксировали крупный, не принадлежащий станции объект. Двадцать километров от твоей позиции по вектору 160.

— А конкретнее?

— Штурмовой корвет Флота Свободных Колоний. Поздняя модификация, система опознания определила его комплектацию как автоматический вариант, хотя произвести полную идентификацию не удалось.

— Что помешало? — осведомился Шелест, продолжая внимательно изучать окрестности «Нибелунга». Рассмотреть ближайшие подступы к кораблю мешало странное, с точки зрения капитана, дугообразное возвышение: на надстройку или технологический выступ не похоже, на ум шла одна неуместная в конкретных условиях ассоциация с *баррикадой*.

— Корвет серьезно поврежден огнем ракетно-артиллерийских

комплексов, — пояснил координатор. — Детали корпуса с явной маркировкой не сохранились.

— Автоматический корабль такого класса должен нести на борту мобильные штурмовые группы, — напомнил майору Рауль. — У вас есть сведения по их комплектации и численному составу?

— Есть Не только сведения, но и визуальное подтверждение. Зонды зафиксировали разрозненные группы «LDL-55»[7].

— Функциональна?

— Да. Мы снизили орбиту одного из разведзондов, реакция вялая, сканеры передали данные по энергооснащенности — заряд накопителей порядка двадцати—тридцати процентов от заявленного в ТТХ[8] номинала.

— Зонд сбили?

— Да, на втором витке. Пятидесятимегаваттный разряд теплового лазера.

— Насколько я помню, у «LDL-55» лазерные комплексы выкачивают по двести мегаватт.

— Энергетический голод. — Шелест живо представил, как вечно сутулящийся майор пожал плечами, глядя на показания парящих в воздухе голографических приборных панелей. — Что касается цифр, — вновь зазвучал в коммуникаторе голос Ричарда Олсби, — то могу тебя «порадовать» — на борту корвета базировалось десять штурмовых групп. Каждая соответственно включала в свой состав тридцать шагающих лазеров. Вот и умножай.

Шелест умножил. Триста бродячих лазерных установок… Теперь их количество следовало поделить на статистически выверенный коэффициент невосполнимых потерь при прорыве стационарной обороны объекта и снизить степень потенциальной угрозы в соответствии с данными, снятыми уничтоженным зондом.

Все равно получалось многовато.

— У меня проблема иного сорта, — сообщил Рауль координатору. — Обнаружен «Нибелунг» с работающей силовой установкой. Я передаю координаты для орбитальной группировки слежения.

— Принимаю. А « LDL-55» тебя не беспокоят?

— Пока нет, — сухо ответил Рауль. — Они уже выполнили свою задачу, уничтожили реактор станции, и теперь, следуя программным приоритетам, должны охранять зону высадки. Радиус охвата по максимуму составляет пять километров.

— Понял тебя. Жди поддержки минут через семь, не раньше. Кстати,

ты всерьез считаешь, что лазерные боты охраняют обломки корвета?

— Однозначно, — ответил Шелест и пояснил: — Данные сервомеханизмы имеют сравнительно небольшую степень программной свободы. Хотя острая необходимость в подзарядке вполне может пригнать их сюда: судя по всему, реактор «Нибелунга» — единственная энергетическая аномалия на всей поверхности станции.

— Согласен. Я отдаю приказ на старт двух модулей огневой поддержки. Пусть блокируют направление на корвет, пока ты занимаешься штурмовым носителем. Что намереваешься предпринять?

— Выдвинусь поближе под прикрытием своей группы. Тут на поверхности станции непонятное возвышение. Сплошной металл, из-за него сканирующее излучение не пробивает до основания «Нибелунг».

— Понял тебя. Советую дождаться, пока группировка спутников закончит подвижку.

Рауль не стал пренебрегать советом координатора, но передислокация аппаратов слежения не внесла ясности, скорее данные, полученные с их сенсоров, лишь усложнили общее восприятие обстановки.

Сразу за возвышением, которое Рауль продолжал мысленно называть «баррикадой», располагался относительно ровный участок неповрежденной поверхности древней станции. Создавалось впечатление, что кто-то намеренно очистил пространство вокруг «Нибелунга» от разного рода обломков, лишь бронеплиты под днищем штурмового носителя вздымались пологими волнами, немо свидетельствуя об аварийной посадке корабля.

Последним штрихом к картине, окончательно сбившим с толку капитана Шелеста, стало абсолютно неуместное сооружение в виде двадцатиметрового арочного прохода, сиротливо возвышающегося посреди расчищенной площадки.

Изучив конструкцию посредством сканеров орбитальной группировки, Рауль пришел к выводу, что ее возраст составляет от силы две-три сотни лет. Внушительных размеров арка, непонятно кем и с какой целью возведенная на поверхности древней станции, смотрелась будто распахнутые настежь ворота в иной, неподвластный пониманию мир, — эстетика ее форм несла нечто неуловимо тонкое, основанное на чувственных ассоциациях архитектора, воплощенных в плавных линиях изящных, но не вычурных изгибов.

Парадокс. Особенно остро неуместность данной конструкции ощущалась, когда взгляд проходил сквозь образованный ею проем и… вместо ожидаемого *иного* пространства находил лишь ровное поле плотно

пригнанных бронеплит да искореженную ураганным огнем надстройку комплекса противокосмической обороны…

Созерцательное замешательство Рауля внезапно усилилось. Он как будто почувствовал чужой взгляд, холодный, изучающий, пристальный, хотя мгновенное сканирование окрестностей не выявило ни малейших изменений обстановки.

И все же он остро, до дрожи, чувствовал: кто-то находится поблизости и пристально смотрит на него…

Из неприятного состояния капитана Шелеста вывел голос майора Олсби:

— Первый, на связь. Срочное сообщение.

— Что стряслось? — Рауль по собственной фразе почувствовал, что выбит из привычного уравновешенного состояния.

— Мы принимаем сигнал бедствия. Срочно сворачивайтесь, за вами выслан челночный корабль.

— При чем тут мы? — не понял капитан.

— Полученный сигнал транслируется из системы Треула. Это колония рудодобываюшей компании «Спейсстоун». По информации, переданной из штаба флота, на планете полно машин при минимальном количестве людей. Мы — ближайший корабль, способный оказать помощь.

— Понял. Много машин — это наш профиль. Сворачиваемся. Укажите координаты точки подбора. — Шелест, против обыкновения, не стал возражать или спорить, хотя всем было известно, как обычно реагировал капитан на попытки начальства использовать его подразделение для решения какой-либо внезапно возникшей проблемы.

Он продолжал ощущать на себе чужой взгляд, который в сочетании со странностями окружающей обстановки доводил восприятие до той степени абсурда, когда вместо ясного, трезвого мышления рассудок начинают заполнять всякого рода домыслы.

Рауль никогда не отличался ни суеверностью, ни тем более — малодушием, но сейчас он был рад, что его группу временно отзывают с поверхности древнего сооружения.

Было над чем подумать во время вынужденной передышки: в том, что они вернутся сюда, Шелест не сомневался ни на секунду.

Группа капитана Щелеста. Колония Треула. Автономный режим

Десантный модуль вышел из гиперсферы в непосредственной близости от планеты.

При получении сигнала бедствия пилоты, спешащие на выручку, как правило, не придерживаются энергетически выгодных точек всплытия — в

расчет берется уже не экономичность, а исключительно скорость.

— Внимание в десантном. Капитана Шелеста в рубку управления! — раздался в интеркоме голос галактлейтенанта Грабцова.

Рауль отдал мысленный приказ, и наклонное ложе приподнялось, сухой звук фиксаторов освободил бронескафандр от страховки, позволяя встать.

Он бросил взгляд в узкий проход между двумя рядами наклонных капсул, готовых в любой момент войти в стартовые стволы электромагнитных катапульт.

Закругленные с обоих торцов овальные цилиндры, внутри которых находились бойцы его подразделения, были герметизированы. Обычная мера предосторожности при подлете к планете. Случись что-то непредвиденное, и автоматика в течение нескольких секунд отстрелит двенадцать индивидуальных посадочных капсул, снабженных собственными двигателями и системой навигации.

Дверь рубки управления неслышно скользнула в сторону.

— Как обстановка? — Рауль без лишних приглашений занял резервное кресло пилота и взглянул на обзорные экраны.

В прицеле курсовой координатной сетки висел огромный коричневато-серый шар планеты, на фоне которого скользила яркая, отливающая серебром ажурная конструкция станции гиперсферной частоты.

— Пока тихо, — ответил Грабцов. — Я бы сказал — подозрительно тихо. Станция ГЧ заблокирована. Связи с колонией нет. Сигнал бедствия передается единственным передатчиком, работающим в режиме изоляции о; остальной аппаратуры.

— Виртуальная атака? — предположил Шелест.

— По всем признакам похоже на то. Непонятно, почему молчит сама колония. Мы уже в пределах прямой связи.

Рауль взглянул на показания датчиков, расположенных в сфере голографического монитора. Действительно, лейтенант прав — создавалось впечатление, что на поверхности не работает ни один кибернетический комплекс.

Сканеры штурмового модуля способны зафиксировать даже ничтожную энергетическую активность, здесь же ее не наблюдалось вообще — лишь смутно тлело тепловое пятно ядерного реактора.

Суспензорное поле свернуто. Силовая установка погашена в аварийном режиме. Станция ГЧ блокирована. Слишком круто для последствий виртуальной атаки. Скорее отключение произведено

внутренней командой, распространенной по глобальной сети. Иначе не объяснишь. Шелест прекрасно отдавал себе отчет, что внизу, на относительно небольших площадях, сконцентрирована сугубо гражданская техника: строительная, рудодобывающая, планетопреобразующая, но степень пассивной защиты созидательных механизмов, работающих в режиме освоения чуждой для человека планеты, по определению не должна уступать продвинутым боевым аналогам.

— Что делать, капитан? Выходить на орбитальный виток?

— Сажай модуль.

— А если ловушка?

— Без «если». Идем на посадку в режиме максимальной защиты.

Лейтенант Грабцов молча опустил забрало гермошлема.

Рауль пристегнулся к креслу и тоже загерметизировал шлем, давая понять, что не собирается возвращаться в индивидуальную капсулу.

— Внимание всем! — произнес он в коммуникатор. — Идем на посадку. По сигналу — покинуть капсулы для десантирования через рампу.

Шар планеты уже разросся до исполинских размеров, заполнив все сектора телескопического обзора, лишь на мониторах заднего вида медленно терял контрастность фон усеянного мириадами звезд космического пространства, уступая место постепенно разгорающейся ауре, излучаемой нагревающейся обшивкой модуля.

Плавный вход в атмосферу сопровождался лишь легкой, едва ощутимой вибрацией; внизу простирался клубящийся океан облачности — серая мгла, в которую минуту спустя погрузился ДШМ[9].

Пока на экранах властвовала серая муть, подсвеченная багрянцем от раскаленной обшивки, Рауль на несколько мгновений активизировал кибернетические модули имплантов.

Ничего.

Ощущение *пустого* киберпространства оказалось настолько резким, непривычным, что он на миг почувствовал себя не сидящим в кресле снижающегося космического аппарата, а одиноко стоящим посреди бескрайней и безмолвной пустыни…

…Наконец облака расступились.

Модуль продолжал снижаться; над этим полушарием планеты царила ночь, и только термальная оптика вычерчивала зеленоватые, подернутые мелкой рябью помех контуры приземистых зданий небольшого городка, над которым царил высотный офис корпорации «Спейсстоун».

Ни одного габаритного огня, освещенного окна или иного проблеска

света — лишь глухая тьма.

— Посадочные площадки временного космопорта свободны. Начинаю окончательный маневр.

Рауль дождался, пока схлынут резкие перегрузки торможения, а индикатор скорости сравняется с отметкой Двухсот километров в час.

Вновь короткое включение имплантов.

Сфера сканирования пуста. Разум капитана воспринимал лишь фоновое тепло реакторной установки.

— Приготовиться к десантированию! — Шелест встал с кресла и добавил, обращаясь к Грабцову: — Как только мы покинем корабль, поднимешься на один километр. Без моей команды огня не открывать. О любых изменениях обстановки докладывать немедленно.

— Понял, — не оборачиваясь, ответил пилот. — Удачи.

Единственное поселение колонии Треула встретило десантников вязким мраком неосвещенных улиц и нудной моросью дождя.

— Земцов, берешь двух человек, задача — осмотр периметра суспензорной защиты.

— Понял, командир.

Три фигуры в бронескафандрах отделились от немногочисленной группы и тут же растворились в плотном мраке, оставив напоминанием о себе лишь маркеры — засечек на радаре АТК.

— Остальные за мной! — приказал Рауль, избрав в качестве ориентира здание колониального офиса.

Необходимости отдавать дополнительные инструкции он не видел — бойцы действовали четко, слаженно, разбившись на пары, они двигались вслед за командиром, прочесывая сканирующим излучением каждое ответвление главной улицы.

Рауль остановился, когда до центральной площади городка оставалось пройти менее ста метров.

У подножия строящегося здания лежал универсальный кибермеханизм.

— Моллиган, осмотреть!

Несколько секунд ожидания. Почему-то зябко, неуютно на душе, не тревожно, а именно неуютно, не то от капель моросящего дождя, сбегающих по забралу гермошлема, не то от…

— Он разбился, сэр, — пришел доклад. — Упал откуда-то с верхних этажей.

— Понял. Что в здании?

— Наблюдаю группу из пяти однотипных машин. Один механизм

стоит, остальные *лежат.* — Сайрок подчеркнул интонацией последнее слово.

Рауль понял, на что именно обращает его внимание боец. Отключившийся по приказу кибермеханизм никогда не рухнет с высоты и не останется лежать, окаменев в произвольной позе. Перед штатным выключением любая машина выполнит ряд операций, например, отойдет на безопасное расстояние от края строительной площадки и замрет в строго определенном положении.

— Электромагнитный импульс, — вновь раздался в коммуникаторе чуть хрипловатый голос Моллигана. — Сканирование показывает повреждение цепей управления. Часть внутренних схем носит характерные следы оплавления.

Рауль выслушал доклад, на мгновение включился в киберпространство, но ощутил все ту же гнетущую пустоту.

— Земцов, что у тебя?

— Обнаружено два взорванных эмиттера суспензорной защиты. Предположительно разрушение произошло из-за резкого скачка напряжения.

Кто-то все же атаковал колонию Причем не виртуально.

— Грабцов?

— На связи.

— Что на сенсорах?

— Чисто.

— Свяжись со станцией ГЧ. Сними аварийную блокировку и проверь, когда было зафиксировано последнее возмущение гиперпространства.

— Понял.

Рауль посмотрел на сумеречное здание офиса и коротко скомандовал:

— Вперед. Земцов, исследуй эмиттеры. Мне важно знать — мог их взрыв привести к возникновению электромагнитной аномалии?

— Сейчас разберемся.

— По сторонам поглядывай.

Оставив двоих бойцов на входе, Рауль с остатками группы поднялся на второй этаж, где, следуя логике стандартной планировки подобных учреждений, должны располагаться посты дежурных операторов. Обычно на стадии автоматического терраформирования в колонии постоянно проживало от двух до десяти человек. Все они обязательно являлись мнемониками, в последнее время это стало нормой для молодых колоний, развивающихся с использованием передовых технологий.

— Кривченко, Полибов, проверьте медицинский модуль здания.

Еще двое десантников исчезли в сумраке длинного коридора.

Рауль осмотрелся. Компьютерное видение позволяло ему ориентироваться в незнакомой обстановке, словно у себя дома, — повсюду имелись хорошо различимые маркеры, условно обозначающие тип помещений и их предназначение.

— Прямо по коридору сорок метров, седьмая дверь справа.

Автоматика не работала, поэтому сдвижные двери пришлось открывать вручную, благо усилители мускулатуры боевых скафандров легко справлялись с подобными преградами.

— Термальный всплеск!

— В сторону! Блокировать коридор!

Шелест благодаря имплантам различил не только тепловую аномалию — он уловил встречное излучение кибермодулей.

Мнемоник.

Войдя в помещение, он включил фонарь гермошлема и сразу же увидел ее — безвольно оползшую в кресле, бледную, но *живую.*

Черты лица молодой женщины врезались в память Рауля до мельчайших подробностей, но сейчас он не думал об этом, присев подле кресла, капитан в первую очередь попытался установить прямую связь с ее рассудком.

Рискованный, но оправданный в данной ситуации шаг.

Перед ним находился мнемоник, разум которого подвергся виртуальной атаке, в этом Рауль не сомневался ни секунды. Он слишком хорошо знал эти слабые, едва ощутимые эманации угасающего подсознания…

Усилием воли подавив пытающиеся вырваться воспоминания о погибших боевых товарищах, чью агонию он воспринимал приблизительно тем же образом, Шелест собрал все моральные силы, передавая в рассудок женщины единственную команду: *Жить.*

Чуда не произошло, да и не могло произойти — она по-прежнему оставалась в состоянии глубокого беспамятства, но ее разум, уже вошедший в состояние комы, начал медленно, но неуклонно повышать активность биоритмов, — Рауль стимулировал ее нервные ткани, передавая через импланты один и тот же импульс возбуждения, сконцентрированный в простой по звучанию, но глубокой, всеобъемлющей для травмированного рассудка мнемонической команды — *жить.*

Из личного опыта он знал, что при своевременном вмешательстве у мнемоника есть шанс выкарабкаться. Один из ста, но есть.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем ее импланты начали

реагировать, посылая в разум капитана Шелеста отдельные импульсы, не несущие конкретной информации, а лишь свидетельствующие о том, что на какое-то время коллапс сознания приостановлен.

…Он с трудом открыл отяжелевшие веки.

Голова кружилась от перенапряжения.

— Грабцов, сажай модуль на площадь перед главным офисом, — выдохнул Шелест в коммуникатор, не узнавая собственного голоса. — Подготовь к старту автоматическую спасательную капсулу с программой прыжка в систему Аллора.

— Буду через две минуты.

Рауль, пошатнувшись, встал с колен, еще раз взглянул в бледное лицо незнакомой женщины и подумал, что в данной ситуации он сделал все, что мог. Даже чуть больше, чем позволяли ему инструкции и уставы.

— Сэр, обнаружен еще один мнемоник.

— Где?

— В медицинском модуле.

— Состояние?

— Уже не реагирует на прямую стимуляцию мозга.

На площадь перед пустующим офисом, ломая опорами не предназначенный для подобных нагрузок стекло-бетон, садился десантно-штурмовой модуль.

Рауль сам вынес бесчувственное тело женщины на крыльцо и быстро, не останавливаясь, направился к открывающейся рампе. Время сейчас играло решающую роль. Чем быстрее она окажется в центральной клинике Аллора, тем больше шансов, что сознание и память в конечном итоге вернутся… По крайней мере Рауль надеялся на это.

— Спасательная капсула готова?

— Да.

— Запускай предстартовую процедуру. — Шелест ступил на влажный от дождя рифленый металл рампы.

— Капитан, мы не превышаем наши полномочия? Все-таки речь идет не о простом сотруднике корпорации…

— Я сказал — запускай автоматику! — раздраженно ответил Рауль. — Мы спасаем человека.

— Не психуй, все уже сделано. Я предварительно связался с Аллором. В точку подбора обещали выслать корабль. Кстати, — лейтенант Грабцов наклонился, помогая капитану уложить женщину в индивидуальную спасательную капсулу, оснащенную не только системой жизнеобеспечения, но и собственным гиперприводом, заряженным на один прыжок, — я

проверил базы данных станции ГЧ. Последнее возмущение метрики пространства зафиксировано два месяца назад. Это был плановый рейс транспортного корабля корпорации «Спейсстоун».

Вот тебе и вторжение… — подумал Рауль, ожидавший получить прямо противоположную информацию.

И тут же, не то опровергая, не то усиливая его сомнения, пришел доклад от лейтенанта Земцова:

— Командир, мы установили, что взрыв эмиттеров спровоцирован резким броском напряжения. Скорее всего, не они явились источником электромагнитного удара, а наоборот… И еще, в трехстах метрах от взорванных установок, если следовать вдоль бетонного желоба, обнаружены фрагменты универсальных кибермеханизмов со следами лазерных ожогов.

— Что-то еще? — интуитивно предположил Рауль, почувствовав натянутые интонации в голосе лейтенанта.

— Не возьмусь судить, командир, но тут странное разрыхление почвы… Очень похоже на подкоп, сделанный под нижней кромкой суспензорной защиты, но точно утверждать без специальной аппаратуры нельзя. Сканеры моего скафандра фиксируют разницу в плотности грунта, не более.

— Хорошо, освободится Грабцов, он тебе поможет. Прочешем всю прилегающую площадь сканерами модуля. Пока зафиксируй местоположение обломков.

— Принято.

Несколькими минутами позже из стартовой шахты ДШМ вырвалось ослепительное пламя.

В хмурых небесах Треула раскаленным росчерком сверкнула звезда.

Только в отличие от других она не падала, а взмывала вверх, навстречу мириадам своих собратьев.

Капитан Шелест, проследив за стартом, обернулся к Грабцову:

— Передислоцируйся к периметру. Отсканируй там каждый квадратный метр указанной площади. Я пошел налаживать связь с руководством корпорации.

— Погоди, капитан. А почему мы отправили одну капсулу? Я слышал, в здании обнаружили еще одного выжившего?

— Этот человек умер, — коротко ответил Рауль. — Если точнее, превратился в растение, — после небольшой паузы добавил он.

Глава 3

Аллор. Две недели спустя после событий на Треуле

В помещении, где очнулась Даша, было светло и тихо. Она лежала на широкой кровати, вплотную придвинутой к панорамному окну, за которым, если смотреть, не отрывая головы от подушки, простирались лазурные небеса с редкими полосами перистых облаков.

Это не Треул… — пришла первая мысль.

Смотреть за окно было приятно и больно. Глаза резал пронзительный свет, источаемый небесной лазурью.

Выжила…

Сколько эмоций, мыслей, воспоминаний может концентрировать в себе одно-единственное слово…

Некоторое время Даша лежала, наслаждаясь ощущением внутреннего покоя, какой-то детской безмятежности, словно ей довелось родиться вновь.

Возможно, так оно и было?

Между прошлым и настоящим витала плотная туманная пелена. Роковые события в колонии Треула вспоминались как что-то далекое, нереальное, произошедшее не с ней, а с другим человеком.

Впрочем, состояние умиротворенности длилось недолго, раздался тихий шелест автоматически открывшихся дверей, и в больничную палату вошел незнакомый мужчина, приблизительно лет сорока на вид. Он сразу не понравился Даше. Взгляд посетителя равнодушно скользнул по ее осунувшемуся лицу, водянистые глаза рефлекторно сощурились, поймав свет полуденных небес.

— Опусти жалюзи и подготовь пациента, — хозяйским тоном распорядился он, обращаясь к сопровождавшему его андроиду.

Даша была так слаба, что не могла сопротивляться, даже если бы очень захотела.

— Ну, мисс Лоури, как вы себя чувствуете?

Не дождавшись ответа, он сел в кресло у маленького прикроватного столика, небрежно отодвинул на край пластиковую вазу с экзотическими цветами и разместил там переносной компьютер, выполненный в виде тонкого складывающегося планшета.

Даша молча ждала продолжения, разглядывая оказавшуюся на уровне ее глаз залысину. Свет потолочных панелей, которые автоматически

включились, как только андроид опустил жалюзи, застыл на коже незнакомца причудливым бликом.

В изголовье кровати сдавленно пискнул звуковой сигнал на блоке медицинской аппаратуры. Она ощутила, как в кожу чуть ниже затылка впился инъектор, и туманная дымка, застилавшая часть сознания, вдруг начала стремительно таять.

— Давайте знакомиться, мисс Лоури. — Он закончил свои деловитые приготовления и посмотрел на Дашу. — Я Дик Пекман, отдел внутренних расследований корпоративной службы безопасности.

Она уже догадалась, что перед ней кто-то из чиновников «Спейсстоуна», и лишь слабо кивнула в ответ, с трудом задав встречный вопрос:

— Где я?..

— Мы находимся на Аллоре. Месяц назад вас доставили в центральную клиническую больницу. К сожалению, на посланный вами сигнал бедствия первыми отреагировали не мы… Впрочем, это сейчас неважно. Врачи клиники действовали согласно общим правилам — в первую очередь они удалили кибернетические модули из ваших имплантов.

Вот почему я ощущала такой всеобъемлющий покой… — догадалась Даша. Она уже не помнила, когда в последний раз расставалась с кибернетическими модулями.

Значит, отдел внутренних расследований? — горько подумала она, но тут же укорила себя в бесконтрольности эмоций. — *Нужно собраться с силами. Раз меня пришли не награждать, а допрашивать, значит, дела плохи.*

Впрочем, не все ли равно?

Пробудившиеся ощущения жизни казались ярче, важнее, чем бюрократическая волокита, связанная с официальной оценкой ее действий на Треуле.

— Скажите, Эдвард Жевье… Он выжил?

— В физическом смысле — да, — ответил Пекман, включая аудиозапись. — Но его мнемоническое состояние остается стабильно тяжелым. Полная потеря памяти. Однако не будем забегать вперед, — мягко произнес он. — Давайте условимся, вопросы задаю я, а вы как можно подробнее отвечаете на них.

— Почему меня допрашивают? — Голос Даши немного окреп, очевидно, сказывалось действие введенного ей препарата.

— Я же сказал, — невольно поморщился Пекман. — Вопросы буду задавать я.

— Хорошо, задавайте. — Даша откинула голову на подушку, глядя в потолок.

Такой оборот событий подействовал на нее гнетущим образом. Нет, она понимала, что события на Треуле не могут остаться без внимания, но столь откровенная форма допроса… Она отдала все силы, едва не лишившись рассудка, защищая собственность корпорации, а они смеют в чем-то подозревать ее?!

— Не волнуйтесь, мисс Лоури, пока что мне необходимо услышать от вас полное, подробное изложение событий. Выводы о целесообразности и правомочности ваших действий будут сформулированы позже.

— Что я должна рассказывать?

— Все. Начиная с того момента, как вы сменились с дежурства.

— Посмотрите записи автоматических регистраторов.

— Не надо капризничать, мисс Лоури. Этим вы лишь усугубите свое положение. Позвольте напомнить, что все оперативные базы данных кибернетической системы колонии стерты. Ввиду явной недееспособности Эдварда Жевье отдать приказ на уничтожение информации могли только вы, верно?

— Да. Я отдала такой приказ.

— С чем была связана необходимость подобного шага?

Даша повернула голову, внимательно посмотрев в водянистые глаза представителя корпорации.

— Вы действительно ничего не знаете? Вы не приняли сигнал бедствия? Не были осведомлены о вторжении неклассифицированных кибернетических форм?

— Сигнал бедствия действительно имел место. Относительно остальных утверждений у нас имеется определенная доля сомнений. Компьютерная сеть колонии на момент высадки спасательных групп была выведена из строя на девяносто пять процентов, то есть работали лишь автономные системы реактора. Вы единственный участник событий, который на сегодняшний день в состоянии отчитаться перед руководством корпорации.

На некоторое время в больничной палате повисла глубокая тишина.

Даша с трудом могла осмыслить прозвучавшее обвинение, и в то же время ее сознание помимо воли все глубже погружалось в травматические воспоминания — по-видимому, введенный ей препарат обладал не только общестимулирующим действием, но и влиял на психику, подавляя волю к осознанному сопротивлению.

— Хорошо, господин Пекман, — наконец слабым голосом произнесла

она. — Я. естественно, расскажу все как было. Это ведь в моих интересах, верно?

— Наконец-то я слышу здравое заявление, — удовлетворенно ответил следователь. — Аппаратура готова к записи. Начинайте, мисс Лоури.

Она рассказала все. Даже немногим больше, если учитывать не интересующие отдел внутренних расследований эмоциональные оценки событий.

Пекман выслушал Дашу, не перебивая вопросами, не проявляя ни участия, ни каких-либо иных эмоций. Он был сдержан и вежлив, как тщательно запрограммированный андроид.

— Отлично, мисс Лоури, — произнес он, когда Даша, вконец обессиленная вынужденным возвращением к страшным событиям на Треуле, замолчала, безучастно глядя в потолок. — Отдыхайте. Сейчас вам введут успокоительное. Я загляну через пару дней, когда мы сопоставим факты и придем к определенным выводам.

Она промолчала. Сил на ответ уже не осталось. Лишь где-то на донышке души притаилась если не уверенность, то надежда, что она поступила правильно. И тогда и сейчас. В конце концов ее изложение событий поставит все на свои места и больше не возникнет такой неприятной, отталкивающей ситуации, как сегодня.

Пекман действительно появился спустя двое суток, хотя из-за постоянного воздействия вводимых в кровь препаратов Даша периодически впадала в забытье, полностью теряя ощущение времени.

Конечно, как опытный мнемоник, она могла призвать внутренний резерв организма, нейтрализовать действие подавляющих психику химических соединений, но был ли смысл в таком противодействии? Она нуждалась в отдыхе и не противилась своему состоянию, подсознательно понимая, что гораздо хуже будет лежать, мучительно переживая состоявшийся допрос, и ждать, когда снова откроется неприметная на фоне стены белоснежная дверь…

На этот раз в палату вошли двое.

Дика Пекмана сопровождал уже немолодой, пронырливый человек, лицо которого Даша запомнила еще с той поры, когда обучалась в школе мнемоников.

Профессор Сергачев. Без сомнения, это был он.

Подойдя к изголовью кровати, на самом деле представляющей собой сложный терапевтический комплекс, он взглянул на показания находящихся вне поля зрения Даши датчиков и произнес:

— Она спит.

— Вы уверены, профессор?
— Да.
— Выходит, способности мнемоников воздействовать на кибернетические системы даже без посредничества кибермодулей — это сказка?
— Скорее страшилка для недоумков, — неожиданно огрызнулся Сергачев. Он обладал болезненным самомнением и ненавидел, когда кто-то ставил под сомнение его выводы. — Такие способности могут развиться у мнемоника с десятилетним стажем, когда изменения коснутся непосредственно тех участков коры головного мозга, с которыми контактируют импланты. Она неспособна сейчас шевельнуть пальцем, не то чтобы воздействовать на киберсистемы. Так что не лезьте не в свою специфику…
— А вы не зарывайтесь, Павел Евгеньевич, — так же внезапно окрысился Пекман. — Вы не у себя в клинике, а я не имплантированный вами монстр. — Он немного помедлил и добавил: — К тому же мы оба находимся в абсолютной заднице.
— Это почему?
— Вы готовили данного мнемоника, а я до последнего времени отвечал за общую безопасность колонии Треула. Так что нам обоим придется несладко, когда расследованию будет дан ход.
— Не понимаю, в чем меня могут обвинить?
— В том, что вы аттестовали мнемоника, у которого явные отклонения в психике. К сожалению, не подтвердился ни один факт из ее рассказа. При тщательном обследовании территории нам не удалось обнаружить следы вторжения чужеродных кибермеханизмов. Найдены лишь обломки универсальных строительных роботов, которые были попросту расчленены на фрагменты при помощи лазерных установок. Оперативная память машин стерта, не сохранилось ни одного документального свидетельства событий. Но самое главное: датчики станции ГЧ не зафиксировали возмущений гиперпространства. Ни один корабль не совершал всплытия в пределах системы Треула. Значит, не было и мифических механизмов, если только они не материализовались непосредственно на поверхности планеты.
Пекман покосился на притихшего профессора и продолжил:
— Очень удачно, что вы оказались на Аллоре, профессор. И я оторвал вас от участия в конференции не ради прихоти. Ситуация на самом деле очень сложная. Мы имеем лоботомированного Эдварда Жевье и мисс Лоури, которая своими действиями повредила оборудование стоимостью в

несколько миллионов кредитов. Я уже не говорю об убытках, которые потерпела корпорация из-за полной остановки всех производств. Отсюда напрашивается закономерный вывод: Лоури просто свихнулась, не выдержала нервного напряжения изматывающих дежурств. Возможно, между ней и Жевье что-то произошло, и она *убила* своего напарника, после чего, не в силах обуздать нервный срыв, уничтожила оперативную информацию со следящей и записывающей аппаратуры колонии.

Профессор Сергачев сел в кресло, снизу вверх посмотрев на Пекмана.

— Интересная теория. Возможно, я не смогу ее опровергнуть. Такого разгрома на моей памяти не устраивал ни один мнемоник. Но вы сказали, что мы оба «в заднице»?

— К сожалению. Кроме всего прочего, аппаратура колонии подверглась двум мощнейшим электромагнитным ударам. Этот факт установлен и никак не вписывается в теорию свихнувшегося мнемоника. Среди оборудования Треула нет достаточно мощных генераторов, способных нанести подобные удары. Это может склонить мнение следствия в пользу показаний мисс Лоури, несмотря на указанные мной противоречия с данностью. Возможно, что она не лжет, — в таком случае диверсионная группа внедрилась на планету за несколько месяцев до роковых событий. Станция ГЧ хранит данные по аномальным возмущениям метрики ровно шестьдесят стандартных суток, после чего информация обновляется. Если следствие склонится к этому варианту, то козлом отпущения окажусь я.

— Прекрасно. Я буду свидетельствовать в пользу своей воспитанницы, и вас отправят куда-нибудь подальше, рабским трудом компенсировать убытки, нанесенные корпорации.

— Не выйдет. Если на Треуле нет генераторов, способных выкачать мощность, эквивалентную нанесенным ударам, то взрыв некоторых агрегатов вполне мог привести к возникновению желаемого эффекта. В логику подобного утверждения очень удачно вписываются два *взорвавшихся* эмиттера защитного поля. Не сомневайтесь, я запасусь необходимыми техническими экспертизами, указывающими, что источником неисправности являлось воздействие мнемоника. Тогда на первый план вновь выйдет версия о невменяемости вашей воспитанницы.

— Значит, мы враги? Зачем тогда вы завели эту беседу, тем более в больничной палате неподконтрольного корпорации учреждения?

— Все просто. Нам необязательно быть врагами. Меня не интересует судьба мисс Лоури, но очень беспокоит собственная. Вам, я думаю, также небезразлична карьера и все связанные с ее успешностью блага.

Внутреннее расследование, кто бы ни вышел из него победителем, навредит нам обоим. Завтра на Аллор прибывает спецрейс, которым мне приказано доставить ее, — Пекман небрежно кивнул в сторону Даши, — в клинику корпорации. Там мы уже не сможем беседовать тет-а-тет. Но пока она находится здесь, на Аллоре, случиться может всякое. До прибытия корабля у нас есть еще сутки. Допустим, мисс Лоури скончается. Тогда мы вполне сможем объединить наши позиции и доказать, что на Треуле произошла техногенная катастрофа… например, взрыв эмиттера суспензорного поля, который привел к глобальному электромагнитному удару. Рассудок Жевье, пребывающий в киберпространстве, естественно, не смог выдержать запредельной нагрузки. Когда его место заняла Лоури, взорвался второй эмиттер, не уничтоживший ее разум, но травмировавший его до степени неуправляемых рассудком реакций. Понимаете мою мысль? Она свихнулась, сошла с ума вследствие аварии силовой установки. А что может натворить безумный мнемоник, известно из практики. Таким образом, мы можем избежать полноценного расследования, ограничившись показаниями на слушаньях в специальной комиссии.

— Вы предлагаете убить ее?

— Называйте это как хотите, профессор. Я обрисовал ситуацию и перспективы ее развития. Решение за вами. В конечном итоге то, что она выжила, граничит с чудом. Никто не знает, что в действительности произошло на Треуле. Ее рассказ звучит как ложь, но кроме нас двоих существуют и иные сотрудники корпорации. У каждого свои амбиции, и не факт, что в предстоящем расследовании не примут деятельного участия мои или ваши недоброжелатели. Нам обоим грозят равные неприятности, которые неизбежно перерастут в настоящие проблемы. Решить их можно здесь и сейчас, другого шанса, думаю, уже не представится. Так что решайтесь. У нас не так много времени на раскачку и моральные терзания.

В первый момент ее душа сжалась, ухнула куда-то в бездонную пропасть, обыкновенный человеческий страх сжал горло, перехватывая дыхание. Она лежала и слушала, как два человека решают ее судьбу, вернее, не решают, а уже *решили*, вознамерившись убить…

ЗА ЧТО?!

Во избежание неприятностей по работе, ради карьеры, сытого благополучия…

За ответами не нужно далеко ходить: вот они — слова — стучатся в разум, ломятся в виски, но тело даже не вздрагивает от поселившегося в душе ужаса…

Она окаменела.

Я же рисковала жизнью, погибала ради вас на треклятом Треуле…

Нет, этим двоим было все равно. Для одного она — имплантированный монстр, для другого — плод удачного нейрохирургического эксперимента, очередной шажок к олимпу научной славы и личного благополучия.

Даша вдруг поняла: у нее нет ни единого шанса. Мнемоник с пустыми имплантами оказывается даже более уязвимым и беззащитным, чем обыкновенный, никогда не обладавший никакими специфическими способностями человек. В эти роковые минуты у нее отнимали право жить, дышать, и не было возможности оказать сопротивление, максимум, чего она смогла добиться, — это, вопреки медикаментозному воздействию, оставаться в полусознании, выслушивая, как два подонка торгуются друг с другом, разменивая ее жизнь…

— Хорошо, вы убедили меня. — Голос профессора звучал глухо, надтреснуто, но он уже сделал свой выбор, поддавшись угрозам Дика Пекмана. — Каким образом мы будем действовать?

— Данный вопрос в вашей компетенции. Я сумел договориться, чтобы наше посещение осталось тайной для других сотрудников клиники. Это стоило немалых денег. Могу уверить — в ближайшие три-четыре часа никто не войдет в палату мисс Лоури.

— Вы предлагаете мне…

— Да, Фрайг вас побери! Я предлагаю вам прекратить трястись, собраться с духом и применить на практике свои познания в кибернетике и медицине. Вот комплекс жизнеобеспечения, что вам еще нужно?

— Да, да… я понял, только не надо на меня орать!

Шаги.

Убийца приблизился к изголовью. Она не смогла даже пошевелиться, силы организма были на исходе, сознание то меркло, то возвращалось вновь…

— Думаю, одного часа будет достаточно. Комбинация этих препаратов смертельна для нервных тканей.

— Следы, профессор?

— Их не будет. Компоненты не являются ядом. Они легко усваиваются организмом. Мало кто знает смертельную пропорцию их сочетания.

— Результат гарантирован?

— Да. Этим способом после введения снотворного устраняют несостоявшихся мнемоников. К сожалению, не все имплантации бывают успешны.

— Даже так? — криво усмехнулся Пекман.

Сергачев осекся, понимая, что сболтнул лишнее.

Впрочем, что уж теперь.

— Закончили?

— Да.

— Когда наступит действие?

— Минут через пятнадцать. Все зависит от организма. Я не могу превысить дозу, иначе при биохимическом анализе будут обнаружены остаточные соединения нового химического компонента.

— Хорошо. Теперь уходим отсюда и больше не встречаемся, по крайней мере в ближайшие дни. Вы находитесь на своей конференции, я решаю текущие дела. Для нас происшествие в клинике — шок, понятно? Постарайтесь натурально изобразить свое сочувствие и непонимание: к вам обязательно станут цепляться репортеры если не галактических новостей, то местных каналов сферовидения. Дальше, чтобы не запутаться в показаниях, утверждаем одно и то же — мы не встречались, хотя знакомы заочно как сотрудники одной корпорации. Мнение относительно событий на Треуле может разниться в деталях, но должно совпадать в главном. Причина трагедии — техническая неисправность эмиттеров защитного поля. Они взорвались, уничтожив рассудок Эдварда Жевье и нанеся непоправимую травму покойной мисс Лоури. Я обеспечу необходимые технические заключения, вы же, в свою очередь, должны убедить комиссию, что в результате сильнейшего электромагнитного удара она повредилась умом. Все остальное — лишь следствие ее безумных поступков. При таком раскладе следствие быстро зайдет в тупик и заглохнет.

— Да, я все понял. Давайте уйдем отсюда. Время уже пошло. У меня крепкие нервы, но нет никакого желания присутствовать при ее агонии.

— Согласен. Выходите первым, мне нужно еще раз встретиться с дежурным врачом, чтобы окончательно уладить все нюансы.

Слов больше не было.

Дважды тихо прошелестела дверь, и все стихло.

Даша осталась наедине со смертью.

Глубины разума. Кто может утверждать, что познал их в полной мере?

Тысячи лет над загадками сознания бились поколения ученых. В результате человек получил новые возможности, были созданы нейроподобные системы, использующие в качестве прототипа биологический мозг, и на искусственных носителях сначала робко, а затем все явственнее, мощнее начали проявлять себя кибернетические рассудки

различной степени интеллектуальности.

Техногенная цивилизация в могуществе совокупных знаний давно перешагнула критическую черту, позволяющую преобразовывать целые миры, но в отличие от кропотливых миллионолетних процессов эволюции создание новых биосфер нельзя рассматривать как акты творения — честнее сказать, что исконную жизнь колонизированных миров «насиловали», искусно, умело, не уничтожая, но подчиняя своей воле, видоизменяя, загоняя в рамки человеческого метаболизма.

Люди не желали меняться сами, хотя подобных процессов не смогли избежать многие колонии Первого Рывка.

Трудно определить, где, на какой планете сейчас проживал наиболее чистый вид Ното 8ар1епз.

Чураясь чуждых биосфер, люди все же радикально, необратимо изменились за десять веков экспансии к звездам. Их изменил космос, а вернее, та техногенная среда, без которой немыслимо покорение пространства и колонизация планет.

Тысячелетие непрекращающейся научно-технической революции не могло пройти бесследно, оно неизбежно толкало человека на новую ступень развития — вдумайтесь, нас постоянно окружают машины, намного превосходящие собственных создателей, по крайней мере в узких областях специализаций. Они более прочны, не так подвластны влиянию окружающей среды, им почти незаметен бег времени, и что же? Почему в определенный момент они не стали нашими преемниками?

Ответ прост. Эту опасность предвидели. Галактическая война, едва не поставившая человечество на грань самоуничтожения, показала, насколько быстро и успешно могут развиваться кибернетические системы, оставленные вне рамок контроля. Поэтому техногенная среда обитания с определенного момента жестко контролировалась, некоторые технологии намеренно замораживались в силу непредсказуемости их использования. Одновременно с этим люди, вольно или невольно, сближались с машинами: новые поколения уже не удовлетворялись рангом пользователей — какой хозяин может допустить, чтобы слуги были умнее, сильнее, чем их создатель?

Сам факт неприятия подобного положения вещей год от года, век от века толкал человечество на все более тесную интеграцию с кибернетическими механизмами. Изобретались и воплощались на практике все новые и новые средства локального и тотального контроля над кибернетической составляющей — уже к концу двадцать седьмого века, когда отгремела война, ни один человек на развитых мирах не мыслил себе

жизнь без импланта, позволяющего напрямую соединять разум с машинами, образующими виртуальную среду планет, а после создания сети Интерстар и всей Обитаемой Галактики в целом.

Виртуалка давно перекочевала из области развлечений в категорию параллельной реальности, где, без преувеличения, жили и работали миллиарды людей.

Дальнейшее развитие технологий позволило отказаться от шунтов нейросенсорного контакта, в обиходе появились более продвинутые средства коммуникации, стандартные импланты приобрели новые возможности, теперь они оснащались собственными вычислительными ресурсами, а также портами удаленного доступа.

Теперь при управлении бытовой техникой человеку вовсе не обязательно было вставать, прикасаться к сенсорам — достаточно было четко, однозначно сформулировать мысленный приказ, который понимала система распознавания мыслеобразов, далее включалась в работу программа-транслятор, и как итог: коммуникаторы порта удаленного доступа передавали кибернетическому устройству внятные для него инструкции, выраженные языком машинного кода.

Однако кроме повседневных бытовых проблем существовали задачи иного рода, связанные с управлением сложными механо-кибернетическими комплексами.

Избрав для себя путь техногенного развития, человечество неизбежно *должно было* породить мнемоников. Подобного шага требовала логика ситуации, сложившейся к началу тридцать девятого века.

Конечно, появление первых людей с большим числом подключенных через импланты кибернетических модулей поначалу основывалось на конкретных проблемах и задачах. Например, того требовала защита информационных потоков сети Интерстар от посягательств кибрайкеров — хакеров нового поколения, которые добровольно, осознанно шли на дополнительное имплантирование, осуществлявшееся в нелегальных частных клиниках. Или, к примеру, среда военных — разве мог космический флот, по определению особо чувствительный к гибкости управления, игнорировать новейшие технологии? Естественно, нет. Мнемоники появились не в одном месте, их зарождение и развитие шло параллельно, на многих мирах. Человечество таким образом реагировало на тысячекратно усложнившуюся техногенную оболочку, в рамках которой проходила жизнь большинства людей. К разряду первых мнемоников можно отнести не только специально подготовленных служащих крупных корпораций и их потенциальных противников, именующих себя

кибрайкерами, — все подразделения по борьбе с роботами, равно как и отряды спасателей, постепенно стали формировать из людей, прошедших специальную подготовку, имеющих в своем распоряжении дополнительные импланты и наборы кибернетических модулей, расширяющих возможности разума до уровня полного контроля над киберпространством и образующими его машинами в радиусе действия устройств беспроводной связи.

Но это только внешняя, видимая сторона нарастающего процесса.

Главное скрыто в глубине измененного сознания мнемоников. И не только в сознании — структура нейронных сетей, образующих кору головного мозга, постепенно адаптировалась к имплантам, нервные клетки перестраивались, кибермодули предлагали рассудку новые средства восприятия мира, которыми не одарила нас природа в процессе эволюции…

Наступал критический период накопления мутаций, когда изменения в структуре головного мозга должны были либо закрепиться на генетическом уровне, либо быть отторгнуты организмом…

Для каждого мнемоника данный процесс был сугубо индивидуальным.

Кто-то сходил с ума, а кто-то успешно продолжал работать, в большинстве случаев не подозревая, что эволюционирует…

Существовала лишь одна планета — Гефест, где процесс накопления подобных мутаций не только осознанно культивировался, но и тщательно изучался[10]. Даша никогда не бывала на Гефесте, она даже не слышала о существовании этой уникальной планеты, равно как не знала истинного числа мнемоников, разбросанных по различным звездным системам Обитаемой Галактики.

Сейчас она ощущала себя обессиленной, смертельно напуганной женщиной, которую только что приговорили к безболезненной, но неминуемой смерти.

Разум мнемоника…

С одной стороны, он обладает уникальными способностями благодаря ежедневному контакту с машинами, огромной практике пребывания в киберпространстве, причем не в развлекательном, а рабочем, где время тысячекратно ускоряется и многие профессиональные привычки укореняются на уровне подсознательного.

С другой стороны, он хрупок, как натуральное стекло.

Первое качество настоящего мнемоника — уравновешенность, ибо

поспешность, спонтанная реакция либо промедление недопустимы при контакте со сложными роботизированными комплексами.

Это бытовой дройд может подождать, пока хозяин соизволит четко сформулировать свое мысленное пожелание. Даша Лоури не могла позволить себе подобной роскоши — она специализировалась на тонкой настройке и взаимодействии экспериментальных промышленных систем, которые не прощали ошибок, как новая модель аэрокосмического истребителя не простит пилоту-испытателю неточности в управлении…

…Прошелестев пневматикой, закрылась дверь.

Дашу вдруг начало трясти.

Осознание смертельной опасности происходило на уровне рефлексов, ее рассудок еще боролся с захлестнувшей его волной ужаса, а организм уже отреагировал на угрозу: резко понизилось общее давление в кровеносной системе, уменьшая дозу смертельного препарата, попадающего в сосуды, одновременно она ощутила глухой ритмичный гул в висках — внутричерепное давление крови стремительно росло, разум машинально входил в иной темпоральный поток, нейронные сети, расположенные в районе пустующих в данный момент имплантов, мгновенно активировались, невзирая на отсутствие кибермодулей.

Именно они в критический момент приобрели командный приоритет, оптимизируя работу других участков мозга в полном соответствии со степенью осознанной угрозы.

Организм мнемоника боролся за жизнь.

Мышцы дрожали все сильнее, она конвульсивно напряглась, едва ли осознав звук поочередно лопнувших захватов, фиксирующих положение рук.

Резко сев, Даша ощутила десятки тончайших трубочек, протянувшихся от комплексного аппарата жизнеобеспечения к ее голове и плечам.,

Долго и тщательно культивируемый в рассудке баланс лопнул, разбился вдребезги одновременно с отвратительным ощущением выскальзывающих из-под кожи острых тонких наконечников капельных систем.

Половина дела.

Даже меньше.

Мысли казались сейчас помехой, они раздражали, порой запаздывая за действием.

Пальцы ощупали фиксирующие захваты на лодыжках — не было смысла их ломать, — стремительно набухающие синяки на запястьях

говорили не в пользу силовых мер, но она уже не могла остановить бешеного темпа, который взял организм, холодная ярость топила в себе здравый смысл, чувство растерянности прошло, она продолжала жить в темпе кратких, неуловимых для обычного человека отрезков времени.

Захваты на лодыжках не выдержали, вылетев из гнезд.

Она не чувствовала боли. Резко встав, Даша даже не пошатнулась — освободившись от капельной системы, являвшейся источником яда, ее организм задействовал все внутренние резервы. Окажись в палате посторонний человек, он бы наверняка в ужасе бежал: Лоури на миг застыла подле кровати, ее глаза источали тусклое безумие, мышцы продолжали конвульсивно сокращаться, и при этом ее нагое тело худело буквально на глазах.

Окно.

Резкий удар, взгляд вниз.

Бронестекло. Пятнадцатый этаж. Внизу обширный паркинг, на котором выстроились кажущиеся маленькими, игрушечными флайботы.

Вот один из них тронулся с места, взял короткий разбег и оторвался от земли, за ним сорвалась вторая машина, и они начали расходиться в разные стороны, исчезая в призрачном рыжеватом дневном свете звезды Аллора.

Это поспешно скрылись ее убийцы.

На миг реальность померкла, потемнела, но этот мрак не имел отношения к зрению, он возник в душе, где внезапно надломился тот стержень, на который опиралась вся прошлая жизнь.

Испытанный минутой ранее ужас, которому предшествовало бессильное заслушивание приговора, породил сумерки сознания, и в душе, заполняя образовавшуюся пустоту, внезапно шевельнулась ненависть.

Ненависть к людям.

Это было ужасно. Она по-прежнему стояла подле окна, дрожь постепенно пошла на убыль, возвращалась способность контролировать мысли и действия, но, избежав смертельной угрозы, Даша не обрела свободы.

На краткий миг проблема показалась неразрешимой. Что ей делать теперь, куда идти? Как выжить без удостоверения личности, с пустыми имплантами, на незнакомой планете, где она не знает никого, кроме собственных убийц?

Нужно найти одежду.

Она подошла к дверям, и те послушно скользнули в сторону, открывая взгляду длинный, ярко освещенный коридор.

Почему так тихо и пусто?

В ее понимании медицинское учреждение такого уровня должно походить на муравейник — все-таки центральная больница всего сектора Окраины…

Пекман что-то говорил о дежурном враче? Значит, сегодня выходной день?

Да, к тому же он заплатил еще одному потенциальному убийце, заплатил именно за эту пустоту коридора и гробовую тишь.

Сознание Даши постепенно погружалось в омут сумеречных мыслей. Куда ни глянь, везде ощущается враждебность. Она и раньше, в силу специфики своей работы, не страдала тягой к людям, сейчас же лопнула, порвалась единственная связующая нить между ее личным восприятием реальности и неким абстрактным чувством причастности к миллионам иных людей.

Все они казались ей сейчас одинаково серыми, в лучшем случае равнодушными, в худшем — опасными.

Здесь открывалась одна из ловушек, в которую с легкостью попадало сознание мнемоника, — ее образ мышления длительное время формировался в среде кибернетических систем, не только воздействуя на машины, но и получая обратную связь. Она машинально оценивала всю общность окружающих ее людей с точки зрения рациональных логических закономерностей, и куда бы ни метнулась в эти роковые минуты ее мысль, рассудок тут же предсказывал реакцию посторонних на событие, просчитывал ее с точки зрения *прецедента*, выдавая далеко не лучший прогноз.

Она не могла обратиться за помощью к кому-либо. Визит в полицейское управление ничего не даст. Местные власти не смогут обеспечить надлежащей защиты, они предпочтут не связываться с внутренними делами корпорации и выдадут ее представителям «Спейсстоуна».

Станут ли ее слушать в правлении корпорации?

Нет. Пекман ясно сказал — в околопланетном пространстве Треула не было зафиксировано гиперпространственных аномалий.

Значит, ее слова, вернее всего, примут за ложь, подвергнут сомнению, и в конечном итоге она окажется либо в клинике профессора Сергачева, любо в тюрьме.

Всё.

В сознании Даши замкнулся круг мыслей. Она определила для себя вероятную перспективу развития событий, и серая хмарь в душе стала от этого еще плотнее.

Она по-прежнему падала в бездну, не находя в окружающем ни единой точки опоры.

Есть ли смысл, да и сама возможность сопротивляться обстоятельствам?

Да, если перешагнуть через все, чем жила раньше. Принять новое мировоззрение, рожденное в ту минуту, когда ощущение покоя вдруг резко сменилось смертельным ужасом и непониманием: как два человека смогли приговорить ее к смерти, опираясь только на извращенные понятия заботы о собственном благополучии?

Выходит, она все это время спала, находясь в каком-то омуте навязанных ей грез, а реальность намного проще, жестче, бессердечнее, чем казалось хотя бы с недостижимого теперь Треула, где она старательно исполняла свою работу, сокровенно лелея в душе светлые ростки любви к окружающему, пыталась и находила прекрасное в обыкновенных на первый взгляд явлениях?

Почему она полагала, что остальные люди такие же, как она? Где черта морального невозвращения, за которой остались воспоминания далеко не безоблачного детства, явно указывающие на ошибочность утрированного мировоззрения?

В растерзанных мыслях по капле копилась ярость и душевная боль.

Пекман растоптал ее душу своим цинизмом, ткнул лицом в *реальность,* где каждый сам за себя.

Хорошо. Пусть будет так.

Она внезапно успокоилась от сознательно подчеркнутой мысли.

«Пусть будет так. Я одна. Меня использовали, как вещь, для них я имплантированный монстр, от которого ждут лишь неприятностей. Моя душа никого не интересует, она нужна лишь мне самой, чтобы окончательно не потеряться в окружающем вязком мраке враждебности.

Всё. Хватит пустопорожней философии».

Она вздрогнула, будто очнувшись, сделала шаг назад, позволяя дверям закрыться, и обернулась в поисках выхода из создавшейся ситуации.

Теперь рассудок мнемоника, найдя новую точку опоры, работал холодно и расчетливо. Нет кибермодулей? Не проблема. Никто не отнял у нее память, знания, профессиональные навыки, а кроме бесполезных сейчас дополнительных имплантов есть еще один — стандартный, как у любого человека.

Сложный терминал системы жизнеобеспечения высился перед ней; из безвольно обвисших трубочек на пол капала прозрачная жидкость, скапливаясь в лужицу смертельного яда.

Что ж, местным силам правопорядка будет чем заняться.

Если они соизволят обратить внимание на вытекший раствор, — тут же мысленно поправила себя Даша.

Она попыталась сориентироваться во времени, но не смогла. Вероятно, с момента ее освобождения прошло три—четыре минуты, растянутые в субъективную вечность благодаря спонтанным реакциям организма на грозившую ей опасность.

Терминал.

Она обошла его по кругу. Вся аппаратура, скомпонованная в трех блоках, располагалась на низкой платформе, которая могла свободно перемещаться. Сзади на системных устройствах располагались порты связи, такие же приемопередающие приспособления были вмонтированы в стену помещения, за изголовьем кровати. Дальше наверняка шли оптические кабели, связующие автономный терминал с глобальной сетью здания.

Даша присела, нащупывая пальцами крепления декоративного кожуха. Давно ей не приходилось вручную препарировать кибернетические системы. Будь в ее распоряжении стандартный набор кибермодулей, она даже не прикоснулась бы к блокам аппаратуры.

Но модулей нет…

Зато есть морально устаревший шунт!

Она увидела его сразу, как только пластиковая панель облицовки поддалась усилию ослабевших пальцев.

После резкого скачкообразного взрыва метаболических реакций появились первые признаки надвигающейся депрессии. Пальцы мелко дрожали от незначительных усилий, потребовавшихся для снятия кожуха.

В специальной нише, свернувшись тонкой глянцевитой змейкой, был аккуратно уложен оптический кабель, предназначенный для тестирования аппаратуры на случай сбоя в работе устройств беспроводной связи.

Даша, не колеблясь, достала его, расправила на коленях, придирчиво осмотрела разъем и, привычным движением раздвинув заглушку пеноплоти, закрывающую стандартный имплант, расположенный (в отличие от дополнительных) в правой височной области, плавно соединила заостренный наконечник шунта с ответным гнездом.

Теперь подключиться к терминалу было делом нескольких секунд.

Вход в систему…

Порт технического обслуживания оказался незащищенным. Поразительная халатность, с точки зрения мнемоника.

В области затылка проявилась боль. Разум, как и тело, находился на

грани истощения, к тому же небольшая доза смертельного препарата все же попала в кровь, воздействуя как токсин.

Она постаралась сосредоточиться, игнорируя боль.

Знание различных кибернетических систем давало Даше реальный шанс выбраться из клиники. Вопрос — пошла бы она на такие меры раньше? — сейчас не рассматривался. Прошлое было заблокировано, может быть, временно, а может, и навечно… Кто знает?

Горечь. Она ощущалась в каждом действии, каждой мысли, словно сейчас, в эти самые минуты, Даша теряла нечто дорогое, невосполнимое.

А как иначе? Снова воткнуть себе капельницу?

Мысль на какое-то время разбудила ярость, это помогло собраться, сконцентрироваться, не отвлекаясь на самоанализ.

Ей приходилось действовать осторожно. Даша ожидала встретить систему защиты, которую придется взламывать или обходить без поддержки специализированных кибернетических модулей. Главное — не поднять тревогу, не привлечь внимания.

Она прикрыла глаза.

Перед мысленным взором возникла четкая схема терминала поддержания жизни. Датчики тревоги оказались блокированными — теперь понятно, почему система никак не отреагировала на внезапный обрыв связи с организмом пациента.

Пекман. Опять его работа. Вернее, деньги.

«Так, что я могу? — Даша осторожно тестировала незнакомую архитектуру специализированной сервисной оболочки. — Ага, управление дополнительными устройствами периферии. Что там у нас? Блокировка дверей, окна, связь с противопожарной системой… Негусто».

Даша на всякий случай привела в действие механизм окна, почувствовав, как ворвался в комнату порыв свежего ветра.

Отлично…

Ее рассудок скользнул к глобальной противопожарной системе.

По определению сеть такого типа должна быть свободна от всяческих препон, иначе терялся смысл ее функциональности.

Не ошиблась. Внутренний взор свободно скользнул по своеобразному тоннелю, имеющему множество ответвлений. Кабельная сеть с отводкой в каждое помещение. Она свободно перешла на следующий уровень, что соответствовало четырнадцатому этажу здания, и повернула.

Датчики задымления, термальный контроллер, два разнотипных устройства непосредственной борьбы с огнем и обязательный отвод информационного канала к системе поддержания жизни.

Даша на миг остановилась. Логично ли это?

Пожалуй, да. При возникновении пожара необходимо прежде всего спасти человека. Легче всего это сделать через терминал систем жизнеобеспечения. К примеру, разбудить спящего пациента, простимулировать его организм определенной дозой препаратов, чтобы он смог сам выбраться из помещения.

Вторгаться в виртуальную среду терминала было опасно — Даша понимала, что порог уровня входящего сигнала достаточно низок и ее проникновение будет распознано несложной системой как импульс, побуждающий к действию.

В сознании тут же родилась дерзкая мысль.

Лоури не строила иллюзий. Да, она смогла проникнуть в глобальную сеть, возможно, даже без подспорья Дополнительных кибернетических модулей у нее хватит опыта, чтобы взломать систему защиты… и что дальше? Ее задача — бежать отсюда, а это уже относится к разряду отнюдь не виртуальных, а физических действий. Ее организм слаб, ни о какой акробатике на высоте пятнадцати этажей не может быть и речи.

Остановивший ее фильтр входящего сигнала подсказывал очевидное решение. Если не можешь выбраться сама, значит, нужно создать условия, чтобы тебя вытащили отсюда, не акцентируя внимания на личности.

Паника. Вариант с пожаром подходит идеально. Выходной день предполагал минимальное количество персонала, зато все больные на местах. И. судя по размерам корпусов, их тут не одна тысяча.

Размышляя, Даша вернулась в виртуальное пространство терминала своей палаты. Действовать нужно быстро, пока еще не истек лимит оплаченной Пекманом преступной халатности.

Что мне и нужно. В мыслях опять промелькнула горечь.

Потратив немного времени на изучение датчиков своей палаты, она определила достаточную мощность и модуляцию сигнала. Теперь генерировать необходимый импульс — дело техники.

Несколькими секундами позже корпуса центральной клинической больницы Аллора неожиданно затопил протяжный вой сирен.

Для людей и электронных систем все происходящее явилось полнейшей неожиданностью. Лоури действовала наверняка — даже сотня гипотетических хулиганов, вздумавших поднести к датчикам своих палат источники тепла, не смогла бы вызвать такого *глобального эффекта.* Подав мощный импульс в центральную сеть, она добилась ответной реакции десятков тысяч бесхитростных датчиков, тут же отреагировавших сообщением о возгорании.

Сложно представить, что за несколько мгновений размеренный покой больничных корпусов может превратиться в настоящий содом.

Повсюду, в каждом помещении, автоматически сработали системы пожаротушения, тысячи автономных комплексов слали экстренные запросы в сеть, критически перегружая информационные каналы, в буквальном смысле сжирая вычислительные ресурсы ядра системы. Даша к этому моменту уже отключилась от терминала, чтобы не стать жертвой собственного удара. Еще двадцать—тридцать секунд, и глобальная сеть попросту «рухнет», не в силах обработать каждый запрос и предпринять адекватные ответные действия.

…Под потолком палаты, разбрызгивая воду, вращались устройства пожаротушения, из скрытых под облицовкой отверстий били струи углекислого газа, терминал цвел невообразимой гаммой индикационных сигналов сбоя, свет внезапно отключился, сменившись красноватым аварийным освещением.

Выглянув в окно, Даша увидела крошечные фигурки людей, выбегающих из зданий, а над громадой расположенного чуть в стороне мегаполиса уже появилось неисчислимое сонмище темных точек — это поднятые по тревоге аварийные службы выслали весь резерв кибермеханизмов на борьбу с несуществующим огнем.

Пора.

Она вышла в темный, скупо подсвеченный красноватыми лампами, залитый водой коридор. В теснине мрачного пространства метались тени людей. Придерживаясь рукой за стену, Даша пошла в направлении обширного холла, где располагались шахты лифтов и имелись запасные выходы на аварийные лестницы.

Пока что ее план работал безупречно. Никто не обращал внимания на бредущую вдоль стены фигуру — из открывающихся дверей то и дело появлялись автоматические транспортеры с тяжелобольными, герметичные боксы с замкнутыми системами жизнеобеспечения имели собственный привод, позволяющий им эвакуировать пациентов с минимальным риском для их здоровья.

Она присматривалась к автоматическим камерам, пока под прозрачным колпаком одной из них не увидела женщину своего возраста и схожего телосложения. Взглянув на крохотный информационный экран, она прочла цифры. Палата 1294.

В красноватом сумраке номера палат светились желтовато-зеленым светом.

Отыскав нужный номер, Даша вошла в распахнутые двери.

Ей становилось все хуже, держаться на ногах позволяла лишь сила воли. Это единственное, что имелось у нее в избытке.

Открыв нишу, предназначенную для личных вещей, она быстро упаковала сухую цивильную одежду в изящный дорожный кейс. Затем обыскала небольшой сейф, замок которого автоматически открылся при поступлении сигнала тревоги.

Статкарточка, удостоверение личности, несколько стереоснимков, электронный ключ.

Она взяла необходимое, прикрыла тяжелую металлическую створку и вновь вышла в коридор.

Оставался последний пункт импровизированного плана: дойдя до сектора биохимических лабораторий, она осторожно заглянула внутрь помещения.

Пусто.

Защитные биологические костюмы, оснащенные шлемами из ткани и пластика, хранились за прозрачными створками встроенных в стену шкафов. Отыскав подходящий по размеру комплект экипировки, Даша упаковала его в специальный кофр. На совершение этих действий ушли почти все силы, а ей еще предстояло спускаться на пятнадцать этажей вниз.

Почувствовав приступ дурноты, она подошла к приоткрытому окну.

Все могло рухнуть из-за охватившей ее физической слабости. Она даже не знала, сколько дней или недель провела без сознания. Пытаясь отдышаться, Даша смотрела вниз. Окно биологической лаборатории выходило на противоположную сторону относительно главного входа — здесь располагался обширный, тщательно спланированный и ухоженный парк. На его территории не было заметно столпотворения человеческих фигурок, зато на разных высотах роились сбитые с толку автоматические боты — их сканеры не фиксировали очагов возгорания, что противоречило множественным сигналам, продолжающим поступать от автономных систем больничного комплекса.

Даша отлично знала устройство подобных машин. Аналогичные кибермеханизмы благодаря их относительной простоте, неприхотливости и универсальности использовались во многих колониях.

Она поставила на широкий подоконник свою ношу и, полностью открыв окно, призывно взмахнула рукой.

Один из флайботов тут же сорвался с места, плавно спикировав к одинокой человеческой фигуре.

Надежная, понятная машина.

— Эвакуация. Код 7564. Открой доступ.

Система распознавания речи уловила человеческий голос, и спасательный механизм без проблем внял команде: часть обшивки сначала подалась вверх и в сторону, а затем откинулась в горизонтальное положение, лязгнув скругленным краем о подоконник.

Даша, стараясь не смотреть вниз, перешла по узкой аппарели внутрь спасательного аппарата.

Оставив свой багаж в тесном отсеке, рассчитанном на двух человек, она набрала на сенсорной клавиатуре известный ей код, открывая доступ в небольшую рубку, где помимо автоматики располагалось кресло пилота и резервная система ручного управления.

Неужели выбралась?

Не верилось, что спасение придет так неожиданно, ей не пришлось спускаться вниз, смешиваться с толпой, пользоваться украденной статкарточкой…

Оказавшись внутри понятной, доступной для управления машины, она ощутила не просто облегчение — на миг возникло чувство защищенности, словно между ней и остальным миром выросла надежная, неодолимая стена, ограждающая ее от помыслов и посягательств других людей.

Неужели я так привыкла к одиночеству?

Даша понимала — сейчас не время, но теплое, коснувшееся измученного сознания чувство относилось именно к машине, преданной и надежной в своей простоте, неспособной на предательство, подлость. Перед мысленным взором возникла сравнительная картинка сотен людей, которых она видела выбегающими из здания.

Холод. Металлический холод в груди, чувство отвращения, граничащее с омерзением.

Что же случилось со мной?

Или это было всегда, но только сейчас пришло осмысление таящегося в душе предвзятого чувства?

Кто породил его — хирурги и воспитатели в центре подготовки мнемоников или двое разноликих убийц, один — уверенный в себе, надменный, расчетливый и властный, а второй — жалкий, трясущийся, но тем не менее согласившийся ее убить?

Чем отличались от них люди, что отталкивали друг друга от переполненных лифтов, готовые затоптать на аварийных лестницах менее расторопных?

Все… Хватит!..

Даша прикусила губу. С внутренней болью ей все равно придется

разбираться… но потом. Сейчас не время и не место.

Так часто случается в жизни. Мы отодвигаем проблемы, когда они наиболее остры и понятны, прячемся от собственных мыслей, загоняя их в глубь сознания, чтобы разобраться *потом.*

Взгляд Даши вернулся к панелям управления, и рассудок сосредоточился на них. Чувство защищенности так же иллюзорно, ненадежно, пока она не вырвалась отсюда, с территории, контролируемой службами безопасности Аллора.

Она не зря зашла в биологическую лабораторию, взяв комплект защитной экипировки. Укрыть от преследования ее могла только знаменитая аллорская сельва.

Переключив систему флайбота в режим речевых команд, она отключила всю внешнюю коммуникацию, обрывая связь кибернетической системы с командным центром. Там, естественно, зафиксируют внезапную потерю контакта со спасательной машиной, но кто станет всерьез беспокоиться о кибермеханизме, когда на огромной площади перед больничными корпусами мечется многотысячная, охваченная паникой толпа?

Когда у службы контроля возникнет возможность вернуться к проблеме и заняться выяснением судьбы флайбота, она уже будет вне досягаемости систем обнаружения мегаполиса. Вряд ли к поискам станут подключать спутниковый контроль, но и об этом она позаботится.

Ей предстояло многое изменить в своей судьбе.

— Карту материка, — потребовала Даша, отдав приказ автопилоту следовать в направлении огромных, уже пройденных почвоукладчиками. но еще не освоенных людьми территорий.

Место приземления она выбирала долго и тщательно.

В конечном итоге, рассмотрев и отвергнув несколько вариантов. Даша остановилась на расположенной в глубине сельвы станции технического обслуживания планетопреобразуюших машин. Заброшенной или законсервированной? Карта не давала ответа на данный вопрос, но в любом случае ей необходимо, чтобы на месте посадки присутствовали какие-либо постройки, среди которых можно укрыть флайбот от систем спутникового сканирования.

Даша прекрасно понимала, что долго продержаться в сельве она не сможет, этот этап бегства был необходим ей как передышка, возможность восстановить подорванные силы, благо неприкосновенный запас спасательной машины предоставлял ей такую возможность.

Пока она размышляла, в желто-зеленом море колышущихся на ветру

лактиний появился просвет: стеклобетонные площадки, две разрушенные временем эстакады, несколько одноэтажных зданий промышленного типа — станция все-таки оказалась заброшенной, о данном факте молчаливо свидетельствовали тронутые коррозией корпуса почвоукладчиков с демонтированными силовыми установками.

Что ж, безлюдность как нельзя кстати устраивала Лоури.

Она повела флайбот на снижение, в последний момент включив автопилот, который тут же «подхватил» заданный вектор посадки, филигранно вписав спасательную машину в полуоткрытые створы приземистого здания с частично обрушившейся крышей.

Даша дождалась, пока выключится двигатель флайбота. Откинувшись на спинку кресла, она равнодушно и Устало созерцала сумеречную обстановку бывшего цеха по ремонту планетарных машин. Все оборудование давно пришло в негодность, видимо, власти Аллора не собирались в ближайшем будущем отвоевывать у ядовитой сельвы новые жизненные пространства.

Почувствовав, что легкая вибрация наконец прекратилась, она взглянула на датчики приборной панели.

Система рециркуляции воздуха работала исправно. В герметичной машине ей не грозила бактериологическая и токсическая опасность, поэтому Даша решила, что нет нужды облачаться в защитный костюм. Выходить наружу не было ни желания, ни сил.

Спать.

После предельного напряжения измученный организм требовал одного — сна. Глаза закрывались сами собой, Даша то на мгновение проваливалась в краткое забытье, то, вздрогнув, начинала вновь осознавать окружающую обстановку, пока усталость окончательно не возобладала над остаточным нервным возбуждением.

Она уснула глубоко и крепко, сама не заметив, как провалилась в похожий на потерю сознания сон.

Ее пробуждение, в который уже раз, нельзя было назвать приятным.

Дашу потревожил звук шагов.

Именно так… следующим ощущением, буквально резанувшим по нервам, стало осознание того, что она не сидит в кресле флайбота, а лежит на чем-то жестком и неудобном.

Шаги слышались за спиной, причем их сопровождало негромкое эхо, видимо, помещение было внушительных размеров.

Шаги стихли, что-то скрипнуло, затем раздался характерный звук: тонкий специфический шелест электромагнитного затвора импульсной

винтовки не перепутаешь ни с чем.

— Проклятая пыль, — пробурчал хрипловатый мужской голос.

Клацнула о поверхность пустого контейнера какая-то деталь, видимо, незнакомец взялся за чистку оружия.

— На Дионе всегда так, — отчетливо прозвучал второй голос. — Кому золотые пляжи Коллио, а кому и пыль глотать. Хорошо хоть в скафандрах париться не пришлось. А то помнишь, Серж, как в позапрошлый раз, я надеваю его, а там, к Фрайгу, система терморегуляции накрылась.

— Угу. Мне тогда тоже какой-то утиль попался. С заклинившими светофильтрами, — мрачно согласился тот, кого назвали Сержем. — Пока шли, думал, сдвинусь, не видно ни зги…

— Ладно, пойду взгляну на датчики. — Очередная реплика сопровождалась звуком отодвигаемого в сторону пустого контейнера. — Боюсь, как бы наша прелестная незнакомка не притащила за собой копов.

— Да не похожа она на дурочку, Фонг. Флайбот спрятала грамотно, ни один спутник не просечет. И автоматику выключила, радиомаяки не работают. Вот только магнитные маркеры не стерла. Я, когда угоняю машину, первым делом стираю опознавательные номера. В сельве они ни к чему, а засечь по ним могут.

— Слушай, ты не думал, откуда она взялась?

На некоторое время в разговоре возникла пауза.

— А ты не догадываешься?

— В смысле?

— Новости смотри почаще, — беззлобно поддел его Серж. — Вчера в Клайфпорте неизвестный кибрайкер атаковал компьютерную сеть центральной клинической больницы.

— На кой?

— Не знаю. Никто не знает. А вот я догадываюсь.

— Ну, поделись, умник.

— Сам, что ли, не видишь? Во что она одета? Больничное барахло. Видать, держали там ее на препаратах, спит уже почти сутки. А ее затылок? Ты видел? Пять заглушек помимо стандартного импланта. Плюсуй сюда угнанный флайбот с маркерами центра чрезвычайных ситуаций и ее багаж — цивильная одежда да биологический костюм высшей защиты. Странным все это не находишь?

— Да… — согласился с ним Фонг. — А по сферовизору что говорят?

— А что они могут сказать? — В голосе Сержа проскользнули презрительные нотки. — Начальник управления полиции бьет себя пятками в грудь, мол, всю планету перепашем, но найдем.

— А что он взвелся? Из больницы ничего не украдешь.

— Да при чем тут кражи… Там два десятка трупов. Паника, давка, компьютерная сеть рухнула, лифты не работают… Короче, пока народ ломился по лестницам, затоптали друг друга. Кто сейчас в реанимации, а кого и в морг. Видать, крепко они ее достали…

…Даша, сжавшись в комок, слушала незнакомый голос, а перед глазами плыли радужные круги.

Двадцать человек. Не считая тех, кто отделался ушибами и переломами.

Выходит, я теперь убийца?

На ее мысленный вопрос внезапно ответил голос Сержа:

— Сами виноваты, придурки. Был я раз в такой ситуации. Аварийная посадка суборбитального челнока. Двести человек в салоне. Уж как их инструктировали по громкой связи во время снижения, так нет — приземлились благополучно, им бы сидеть тихо и радоваться жизни, а тут, как обычно, спасатели: вскрыли два аварийных выхода, чтобы подать герметичные трапы. Ты бы видел этих баранов. Повскакивали с мест, в проходе давка, лезут друг другу по головам, и что в итоге? — Серж презрительно сплюнул. — Самые прыткие получили ожоги и переломы — обшивка еще не остыла, трубопереходы не подали, а они давай, лишь бы вперед, с десяти метров на стеклобетон под раскаленную обшивку.

— Слушай, а нам она беды не наделает?

— Сказал — не дергайся. Поживем — увидим.

— Я слышал, эти кибрайкеры того, маленько двинутые все.

— А ты с ними встречался? — иронично поинтересовался Серж.

— Нет, мне Макс рассказывал. Видел, как на Ганио один кибрайкер схлестнулся с местными отморозками. Те на него стволы направили, а он сидит себе спокойно, улыбается. Ну, ты сам знаешь, у детей пустыни нервишки хлипкие, чуть что — сразу пальбу поднимают, а тут… жмут бедолаги на сенсоры, а на оружии даже индикаторы зарядов не светятся. Заблокировано.

— И что?

— Да, Макс говорил, за ножи схватились. А этот сидит за столиком, только побледнел слегка да глаза прикрыл, будто десяток головорезов ему вовсе не интересны. Короче, дернулся один из них, а рядом как раз дройд-официант проходил. Развернулся так спокойно и ганианцу столовым ножом в глаз. Уложил наповал, потом оборачивается и вежливо спрашивает у остальных: «Что господа будут заказывать?»

— Да, представляю… — усмехнулся Серж. — И как, выпустили они

того парня?

— А куда деваться? Макс рассказывал, там вся автоматика «повисла», только андроиды не отрубились. Вышло их штук десять из подсобки, и все как один деревянным шагом поперли прямо на тех отморозков. А им куда деваться со своими кинжалами против дройдов? Пришлось отступать. Ну а тот парень, пока разворачивалось все это шоу, куда-то исчез. Никто даже не видел, как он встал и ушел.

— Ладно, не дрейфь, разберемся.

Сухо щелкнул, встав на место, электромагнитный затвор вычищенного оружия.

— Ты собирался сходить посмотреть на показания датчиков.

Шаги Фонга прогрохотали по лестнице и стихли.

Даша по-прежнему лежала, не меняя позы.

В душе застыла горечь, боль, растерянность.

Жизнь не просто дала трещину, она рушилась, оседая грудой обломков невозвратимого прошлого.

Теперь она уже дважды объявлена вне закона. На нее будут охотиться, как на дикого зверя…

Почему? Почему все так происходит?!.

Видимо, она все же пошевелилась, вздрогнула от собственных мыслей.

— Ну, что, проснулась? — раздался за спиной хрипловатый голос Сержа.

Даша устала. Смертельно устала от гложущего изнутри ощущения постоянной опасности. Ей вдруг подумалось, что теперь уже все равно… нет смысла притворяться спящей, мучительно искать несуществующий выход из новой передряги, в которую втравила ее капризная, злая судьба.

Пошло все к дьяволам Элио!

Она резко села, так, что от движения зашумело в висках и неприятно закружилась голова.

Под сводами сумеречного ангара сквозь грязные двойные стекла просачивался тусклый дневной свет. Метрах в пяти от нее на перевернутом кверху дном контейнере сидел мужчина средних лет, плотного телосложения, с аккуратной бородкой. Странно, но в его облике не оказалось ни одной черты, мысленно нарисованной ее воображением. Бронзовый космический загар на лице, холодные серые глаза, гладко зачесанные назад темные волосы…

А кого ты хотела увидеть? Грязного оборванца, подпоясанного бласт-подсумками?

Серж усмехнулся, спокойно выдержав ее взгляд.

— Давно не спишь? — спросил он.

Даша едва заметно пожала плечами.

— Значит, слышала наш разговор? И что скажешь? Больница твоих рук дело?

— Тебе не все равно? — вопросом на вопрос ответила она. Слова, слетевшие с пересохших губ, прозвучали как хриплый шепот.

— Значит, ты кибрайкер?

— Мнемоник, — поправила его Даша, не понимая, зачем вообще решилась заговорить.

— Есть разница? — пытливо прищурился Серж.

— Есть. — Слова обдирали пересохшее горло. — Дай воды.

— Без проблем. — Он встал, открыл дверцу запаркованного в ангаре флайбота и достал пластиковую бутылку с минеральной водой. — Лови.

Даша, естественно, не поймала.

— Ну, ты совсем, смотрю, раскисла. — Серж подобрал бутылку, небрежно отер ее рукавом и подал в руки Даше. При этом он ни разу не повернулся к ней спиной, постоянно находясь настороже.

Она с трудом отвинтила пробку и сделала несколько глотков, не чувствуя вкуса воды, лишь ощущая, как стало проясняться сознание.

— Боишься?.. — тихо спросила она, вспомнив отрывок недавнего разговора.

— Тебя? Нет, — покачал головой Серж, снова усаживаясь на перевернутый контейнер.

— Почему? Не поверил Фонгу? — Дашу вдруг начало злить его спокойное благодушие.

— В твоих имплантах нет модулей. Заглушки мягкие. Под ними пустота, — спокойно объяснил он и добавил, пристально посмотрев на Дашу: — Может быть, для начала познакомимся? Все-таки не каждый день к нам жалуют гости.

— А кто вы такие? — Даша аккуратно поставила бутылку на пол и зябко натянула на плечи тонкое одеяло. Покидая больницу, она даже не успела переодеться.

— Мы? — Серж возвел взгляд к потолку. — Контрабандисты. Мирные нарушители таможенных правил.

— Так я пленница или гостья?

— Сам не знаю. Нам с Фонгом ты ни к чему. Но вот вопрос: куда ты собираешься двигать дальше, девочка? Ты явно никогда не бывала в сельве, — уверенно констатировал он. — Твой защитный костюм, мягко говоря,

фуфло. Флайбот угнан, статкарточка украдена, верно?

Даша была вынуждена кивнуть.

— Вот и думай сама, определяй свой статус.

— Зачем вы перенесли меня сюда?

— Извини, герметичность твоей машины пришлось нарушить. Надо же было нам посмотреть, что внутри? Знаешь, тут у нас что-то вроде временной базы, и я отвечаю за сохранность грузов. А это серьезная ответственность. Случись что с товаром, мне голову оторвут. А тут чужая машина.

— Значит, я не пленница? Могу вот так взять, собраться и уйти?

— Без проблем. Через недельку твой труп сожрут лактинии. Ты в курсе, что эти растения — хищники?

— Слышала.

— Ну так что, знакомиться будем? Или мне называть тебя чужим именем со статкарточки?

— Даша.

— Вот видишь. Все не так мрачно. Меня зовут Сергей. Можно просто — Серж. — Он встал, заглянул за штабель контейнеров и достал оттуда знакомый кейс. — Вот твоя одежда. Я буду неподалеку. Позовешь, когда переоденешься. Думаю, у тебя есть кое-какие перспективы выбраться отсюда. Короче, одевайся, там поговорим.

Глава 4

Глубокий космос. Район дрейфа скопления обломков

До повторной высадки на поверхность древней космической станции оставалось менее часа, когда капитан Шелест вошел в тактический отсек базового корабля.

— Что нового? — Рауль обменялся рукопожатиями с майором Олсби и двумя дежурными офицерами, которые сегодня обеспечивали информационную поддержку группы.

— Разворошил ты осиное гнездо, капитан, — усмехнулся в усы пожилой майор, временно исполнявший обязанности командира корабля. — Пришлось передислоцировать борт. Сейчас батареи нижней полусферы работают по отдельным сигналам.

— Идентификация?

— Да все то же самое. Мобильные лазерные установки Флота Колоний.

— Ясно. — Шелест слушал пояснения, внимательно изучая трехмерную тактическую карту. — Еще что-нибудь? Покрупнее ходячих лазеров?

— Нет, — отрицательно качнул головой лейтенант Римор. — Мы провели сканирование указанного корабля. Конвойный носитель действительно не принадлежит ни силам обороны станции, ни штурмовым группам, осуществлявшим атаку.

— Захоронен? Как я и говорил?

— Да. На борту пусто. Конфигурация отсеков не изменена, но сканеры не просматривают характерного оборудования для обслуживания и перезарядки серв-машин. Скорее всего, последние хозяева корабля демонтировали его, приспособив ангары планетарной техники под транспортировку крупногабаритных грузов. Короче, от «Нибелунга» осталось лишь название да внешний вид. Рауль кивнул. Нечто подобное он предполагал с самого начала. Впрочем, некоторые сомнения оставались, и не только у него.

— Лично мне непонятно, почему пилот, захоронивший корабль на станции, не удосужился погасить реактор, — пробурчал себе под нос галактлейтенант Кирсанов, занимавшийся в данный момент оптимизацией траектории сближения группы Шелеста со станцией.

— Не успел или не захотел связываться, — не оборачиваясь, ответил

Олсби. — Анализ повреждений показывает, что «Нибелунгом» управляли вручную, причем далеко не самым лучшим образом. При снижении корабль задел несколько надстроек и в конечном итоге врезался в обшивку станции.

— Пилот находился в состоянии аффекта? — предположил Рауль.

— Вероятно, — кивком согласился с ним координатор. — Не думаю, что его могли до смерти напугать ходячие лазеры. В этом смысле анализ косвенно подтверждает твои выводы, капитан, — где-то поблизости могут базироваться серв-машины.

— Но сенсоры их не фиксируют? — уточнил Шелест.

— Нет. — Римор обернулся с таким видом, будто это он лично виноват в отсутствии активных сигналов от работы реакторов серв-машин.

— Ладно. — Рауль ободряюще потрепал по плечу молодого лейтенанта. — Разберемся на месте. — Он мысленно передал системе тактического отсека намеченную схему высадки. На виртуальной модели станции немедленно появилось несколько условных обозначений.

— Я десантируюсь непосредственно подле «Нибелунга», вот за этой непонятной мне металлической грядой. — Шелест указал на кольцеобразный выступ, со всех сторон преграждавший доступ к злополучному транспорту. — Мое продвижение прикрывают группы огневой поддержки. Бойцы высаживаются вот на этих трех крупных надстройках. Думаю, нет смысла лезть в недра станции, производя глубинную зачистку. Брошенный корабль дает нам реальную возможность обойтись без лишнего риска. Я поднимусь на борт и установлю взрывные устройства в реакторном отсеке. Задержка таймера составит два часа двадцать минут. План достаточно прост. Мы погружаемся в гиперсферу, а через двадцать минут взрыв реактора вычистит окрестности на глубину трех уровней в радиусе видимого «горизонта». На мой взгляд, этого достаточно для полной ликвидации проблемы.

— Два вопроса, Рауль. — Координатор перевел взгляд с тактической схемы на капитана Шелеста. — Почему к «Нибелунгу» идешь именно ты? И второе — отчего в одиночку, без напарника, — разве это разумно?

— Я иду под прикрытием, — возразил Рауль. — Это ответ на второй вопрос. Что касается выбора кандидатуры… — Шелест кивком отозвал майора в сторону и продолжил так, чтобы не слышали остальные офицеры: — Ричард, ты же знаешь, бойцы моей группы не так давно прошли имплантацию. Они опытные десантники, но для работы в киберпространстве этого недостаточно.

— У меня такое ощущение, капитан, что ты что-то недоговариваешь.

Шелест пожал плечами. Он откровенно не желал делиться с майором своими подсознательными подозрениями.

— Если на борту «Нибелунга»…

— Дело не в штурмовом носителе. — Капитан не мог четко сформулировать свои подозрения и оттого ощущал дискомфорт в общении. — Ты обратил внимание на арку посреди расчищенного от обломков пространства?

— Да. Совершенно непонятная конструкция.

— Согласись — она не просто непонятна, скорее — неуместна. И построили ее явно не шагающие лазеры.

— Но и не люди, верно?

— Не знаю. Поэтому я пойду туда один.

— Послушай, Рауль, не проще в таком случае уничтожить «Нибелунг» с орбиты?

Шелест усмехнулся.

— А кто потом будет вычищать группировку «LDL-55»?

— Не понял! Что ты задумал? — нахмурился майор.

— Я привлеку их внимание, — объяснил Шелест. — Не сразу, конечно, а уже после установки зарядов. Думаю, пары термических гранат будет достаточно, чтобы сканеры «пятьдесят пятых» зафиксировали аномальное излучение. Обрати внимание — я обозначил позиции групп огневой поддержки с таким расчетом, чтобы бойцы контролировали направление от корвета до штурмового носителя.

— По-твоему, они клюнут на приманку?

— Обязательно. Реактор «Нибелунга» — единственный источник энергии на всей станции. Отсюда вывод: по причине естественного энергетического голода корабль имеет для машин особую ценность.

— Почему в таком случае они охраняют обломки корвета, а не драгоценный реактор?

— Программные приоритеты, — коротко пояснил Рауль. — Ты же знаешь историю, Ричард. « LDL-55» достаточно примитивны, их массовое производство в конце войны являлось вынужденным шагом в ответ на явное господство серв-машин Альянса. Сложным интеллектуальным системам класса «Одиночка» колонии противопоставили примитивную, но недорогую технику, добиваясь успеха количественным перевесом и огневой мощью. Программное ядро данной модели несет четкий набор инструкций. Они *обязаны* охранять корабль высадки. При этом им абсолютно безразлично, разрушен тот или нет.

— И все же они клюнут на твою приманку?

— Источник энергии — важнейшая составляющая функциональности. Любая аномалия, замеченная в районе «Нибелунга», спровоцирует « LDL-55». — Раулю не доставляло особого удовольствия излагать майору Олсби азы тактики антикибернетических подразделений, но, к сожалению, выбирать начальство не приходилось. Ричарду оставалось всего полгода до заслуженной пенсии. Шелест не был виноват в том, что дослуживать майора, прислали именно к ним.

— Ладно, полагаюсь на твой опыт, Рауль, — наконец согласился тот с доводами капитана. — Действуй. В случае осложнений мы готовы прикрыть вас всеми установками главного калибра нижней полусферы. — Олсби вернулся к своему креслу, давая понять, что конфиденциальная часть обсуждения окончена. — Задержись на пару минут, Рауль, — неожиданно попросил он.

— В чем дело? — Шелест не любил медлить, когда все точки над «i» в плане подготовки операции уже расставлены.

— Я хотел спросить, что там стряслось на Треуле?

Рауль пожал плечами.

— Непонятная, я бы сказал — темная история. Вся автоматика в ступоре. Оперативная память управляющей системы уничтожена. Удалось найти и эвакуировать на Аллор одного мнемоника — молодую женщину в тяжелейшем посттравматическом состоянии. Думаю, объяснить, что там произошло на самом деле, сможет только она, если очнется, конечно.

Олсби разочарованно кивнул. Вероятно, он ждал подробностей, но Рауль не был расположен к беседе на отвлеченную тему.

— Все, пошел готовить группу к высадке. Постарайтесь за оставшееся время подчистить зону десантирования.

Для капитана Шелеста это была заурядная операция.

Пять лет в спецгруппе по борьбе с кибернетическими механизмами — целая жизнь по меркам моральных и физических нагрузок: все острые впечатления давно притупились, став лишь реалиями будней.

В отличие от капитана, бойцы его группы нервничали, хотя внешне ни на одном из лиц не отражалось волнение, — Рауль интуитивно чувствовав его на мнемоническом уровне: парни еще не научились строго контролировать свои мысли, *не сжились* с дополнительными имплантами, в виртуальном пространстве, которое отлично воспринимал их командир, то и дело проскальзывали туманные образы — именно они выдавали истинное состояние бойцов.

— Спокойнее. — Капитан Шелест, вопреки инструкциям, прохаживался по узкому проходу между двумя рядами наклонных капсул,

установленных перед открытыми затворами стартовых катапульт. — На сегодня ваша задача предельно проста — занять указанные позиции и прикрывать меня огнем в случае возникновения такой необходимости…

Десантный модуль ощутимо встряхнуло — это резко поменялся вектор тяги двигателей, свидетельствуя о том, что пилоты уже начали маневрировать над искореженной поверхностью древней станции, приближаясь к первой точке десантирования.

— Романов, Стоун, Хергайнен — встать! К рампе!

Резкий импульс торможения, и модуль завис над надстройкой. В отсеке предупреждающе моргнул красный свет.

— Пошли!

Первая тройка скрылась в шлюзе.

Прошло около минуты, прежде чем переборки передали короткий толчок, — это закрылся внешний сегмент рампы.

— Первое звено на позиции, — пришел по связи доклад сержанта Хергайнена. — Заданный сектор чист.

— Держать позицию, не расслабляться, но и не нервничать. Учитесь. Время от времени включайте импланты. Впитывайте обстановку, сживайтесь с ней, в дальнейшем нам часто придется работать в подобных местах.

— Принято, командир.

Модуль уже двигался к следующей контрольной точке.

— Второе звено, на выход!

Массивный внутренний люк шлюзовой камеры закрылся за Раулем.

Судя по ритмике едва ощутимых вибраций, корабль высадки завершал плавный разворот, вот он прекратился, но Шелест не почувствовал ускорения.

Что они там, уснули?

— Грабцов, — вызвал он пилота десантного модуля.

— Да, капитан.

— В чем задержка? Я в шлюзе.

— Датчики фиксируют появление активных сигналов Визуального контакта нет. Группы прикрытия докладывают, что движение идет внутри станции под обшивкой.

— Как далеко от зоны высадки?

— Четыре километра. Направление на корвет колоний.

Шелест не усмотрел в этом ничего противоестественного.

— Это «пятьдесят пятые». Они в своей «зоне ответственности», так что давай вперед, на малой тяге. Откроешь десантный люк рампы как

можно ближе к кораблю.

— Понял, капитан.

Шелест начал *включаться.* В разных ситуациях на это требовалось от пяти до пятнадцати секунд.

Трудно передать ощущения, возникающие сразу после активизации боевых кибернетических модулей. Мир меняется, он обретает иную глубину, объем: обшивка модуля более не препятствие для взгляда, но за ней простирается уже не исковерканная временем и давними катаклизмами поверхность древнего сооружения — там громоздятся гротескные тени, каждая имеет свой оттенок, и разум в первые секунды инстинктивно тянется туда, в иное пространство, сформированное не присущими обычному человеку органами чувств, однако нельзя закрыть глаза, поддаться влекущему зову, иначе — гибель.

Взгляд Шелеста сконцентрировался на фактуре брони внутреннего люка. Испытанный прием. Киберпространство способно поглотить рассудок в считаные мгновения, но передвигаться ему предстоит в реальном мире.

Нельзя закрывать глаза и полностью полагаться на микродатчики.

— Внимание! Десять секунд. Пошла декомпрессия!

Второе зрение отступило. Оно не исчезло вовсе, оставаясь как фон, туманная перспектива, на которую накладываются четкие визуальные образы реальных предметов.

Критический момент пройден. В этом умении совмещать две реальности, примирять между собой два способа восприятия состоит великое искусство, овладеть которым удается немногим. Этого не объяснишь словами, не втолкуешь тому же майору Олсби, никогда не ощущавшему себя частью виртуального мира, где четко и недвусмысленно видны *принадлежащие ему* системы и явления, а все остальное становится тусклым, потусторонним, и нужно иметь огромную силу воли, чтобы произвольно, по мере возникновения необходимости, мгновенно менять местами приоритеты восприятия.

Рауль был способен к подобным волевым усилиям.

Внешний люк дрогнул и резко ушел в сторону.

Близкая поверхность приняла Шелеста мягким касанием, на объектах с низкой гравитацией существует немало ловушек, например, здесь нельзя допускать привычных физических усилий, иначе псевдомускулы боевого скафандра, чутко реагирующие на напряжение каждой мышцы, оттолкнут тебя в бесконечность открытого космического пространства.

Шелест действовал умело. Еще до того, как открылся десантный люк,

он наметил для себя несколько точек опоры и сейчас воспользовался одной из них: из утолщения на левой руке, подобно браслету, охватывающему запястье бронескафандра, выхлестнулся тончайший трос, мгновенно обмотавшийся вокруг покореженной решетчатой конструкции, подмятой «Нибелунгом» во время неуклюжей посадки.

Подошвы скафандра на миг вошли в прочный контакт с материалом обшивки, здесь работал не магнитный эффект (в составе керамлита очень мал процент железа), а специальный молекулярный слой, обеспечивающий сцепление практически с любой поверхностью. Оттолкнувшись, Рауль совершил длинный прыжок, используя трос в качестве опоры. В результате он полетел по короткой дуге, оказавшись под самым бортом «Нибелунга».

Над головой холодно сияли мириады звезд.

Выпуклая обшивка штурмового носителя закрывала от взгляда базовый корабль высадки, но второе зрение отчетливо фиксировало его в виде яркого, распространяющего энергетическую ауру, узнаваемого контура.

Взгляд Шелеста скользнул ниже, к поверхности станции. Между ним и бугрящимися вдалеке надстройками, где заняли позиции группы огневой поддержки, простиралось два километра обшивки древнего сооружения. Во время прошлой высадки это пространство, посреди которого высилась загадочная арочная конструкция, показалось ему ровным, но сейчас, при ближайшем рассмотрении, он понял, что ошибался. Явные следы ремонта были видны лишь у основания арки, далее шли не тронутые со времен штурма станции участки, которые ранее были недоступны для наблюдения из-за высокой кольцевой возвышенности. Теперь, оказавшись внутри своеобразного периметра, Шелест отчетливо видел взломанные ударами декомпрессии бронеплиты с иззубренными краями, обрамляющие пробоины, через которые открывался доступ к внутренним коммуникациям станции, кое-где виднелись характерные следы лазерных ожогов, но сейчас внимание Рауля сосредоточилось на иных деталях окружающей обстановки, воспринимая признаки полыхавшего много веков назад боя лишь как естественный фон, своеобразный микрорельеф, в котором рассудок не находил ничего необычного.

Шелест не стал делиться с координатором ощущениями, полученными во время первого посещения станции, — Олсби все равно не понял бы его пояснений. Сейчас, затаившись под основанием «Нибелунга», капитан невольно ждал их повторения, но шли секунды, а чувство «взгляда со стороны» не появилось.

Ореол мистичности постепенно истончался, исчезал, а на его место

возвращался привычный для разума анализ окружающего. Взгляд Рауля избирательно выхватывал из общей картины восприятия признаки вторичной, более поздней деятельности, имевшей место уже после штурма станции силами Флота Колоний.

Наиболее масштабными и впечатляющими, конечно, являлась арка и тот самый непонятный вал, кольцом охватывающий подступы к «Нибелунгу». Еще во время прошлой высадки он привлек пристальное внимание Шелеста, но тогда капитан не успел разобраться в вопросе его происхождения, теперь же, находясь в непосредственной близости, Рауль отчетливо понял, что интуитивное восприятие не подвело: кольцевая возвышенность возникла не в результате мощного взрыва или декомпрессионного выброса — обшивка под *сооружением* сохранила все свои прочностные характеристики, более того, *баррикада* в некоторых местах изгибалась, а порой и изламывалась, обходя явные повреждения корпуса.

Кто и зачем возвел на поверхности станции примитивное защитное сооружение?

Рауль мысленно включился в режим сканирования. Реальность на мгновение поблекла, уступая место контрастной цветовой гамме восприятия энергий.

Сопроцессоры боевого скафандра работали в данный момент в прямом контакте с разумом человека, он мысленно приближая участки заинтересовавшей его конструкции, окончательно убеждаясь, что она создана по прошествии веков после разрушения станции: различные фрагменты обшивки, механизмов и даже целые секции рухнувших надстроек, собранные с больших площадей, были скреплены между собой посредством сварки.

В поисках разумного объяснения увиденного капитан постепенно увеличивал радиус и мощность сканирующего излучения, пока его мысленный взгляд не проник под внешний слой обшивки станции, — он интуитивно полагал, что деятельность загадочных строителей не ограничивалась поверхностью древнего сооружения.

Отсканировав инфраструктуру низлежащих помещений, Рауль понял, что не ошибся в своем предвидении: все без исключения коридоры, ведущие в направлении баррикады и отгороженного ею «Нибелунга», были завалены массивными фрагментами металлоконструкций.

По мере появления новых подробностей у Шелеста возник ряд закономерных вопросов.

Как он уже упоминал в разговоре с майором Олсби, штурмовые

сервомеханизмы Флота Колоний, именуемые в просторечье «ходячими лазерами», являлись узкоспециализированными боевыми машинами. Несмотря на явную скромность программного и аппаратного обеспечения, « LDL-55», сочетая в себе небольшие размеры, высокую подвижность и внушительную для своих габаритов разрушительную мощь тяжелой лазерной установки, являлись сущим бичом для сложных кибермеханизмов Альянса. Действуя большими группами, они успешно боролись с серв-машинами, что же касается штурмовых операций, то небольшие размеры позволяли «LDL-55» свободно проникать в глубь защитных сооружений, используя любые доступные проходы, включая глобальные вентиляционные системы. Основной целью подобных проникновений обычно являлась главная силовая установка атакованного комплекса. С потерями при этом никто не считался, соотношение наносимого « LDL-55» ущерба тысячекратно перекрывало затраты на изготовление самих механизмов.

Эти мысли промелькнули в сознании Рауля, пока он сканировал помещения, расположенные под обшивкой станции.

На первый взгляд общая картина увиденного вполне укладывалась в рамки послевоенного противостояния между тяжелой техникой Альянса и остаточными группами « LDL-55», уцелевшими после крушения штурмового корвета.

Естественно, на дрейфующей во мраке космоса, лишенной энергии станции работающий реактор брошенного «Нибелунга» должен был стать объектом жесткой конкуренции, поэтому капитана Шелеста не настораживали масштабы защитных сооружений, окружающих корабль. Его смущала арка, сам факт ее наличия и определенный сканерами возраст материала сварных швов.

Возможно, в истории со штурмовым носителем не все так просто и однозначно. Что, если корабль не захоронен тут, а потерпел крушение, совершил вынужденную посадку на поверхность древней космической станции? В таком случае находящиеся на борту люди могли выстроить арку при помощи тяжелых серв-механизмов именно для того, чтобы привлечь внимание случайно оказавшегося поблизости космического корабля. Слишком вызывающе смотрелась эта конструкция на фоне исковерканной поверхности, изначально лишенной каких бы то ни было архитектурных изысков.

Учитывая возраст сооружения, было наивно полагать, что кто-то из экипажа злополучного транспорта все еще жив, но мысль о людях, задев рассудок, уже не отступала.

Теперь и баррикада не казалась Раулю столь уж примитивным защитным сооружением. Ее строительство обретало смысл при четком понимании тактики противника, его потенциальных недостатков и, что особенно важно, конкретных физических характеристик окружающего пространства, например, низкой гравитации.

« LDL-55» хорошо действовали в теснине замкнутых пространств или на поверхности планет, где сила тяготения позволяла использовать все преимущества шагающего привода. Однако, когда «над головой» разверзлась бездна открытого космоса, любое неосторожно приложенное усилие, как правило, ведет к роковым последствиям. Строители баррикады учли не только ничтожное тяготение, они были также хорошо осведомлены об интеллектуальной ограниченности « LDL-55» — шагающие лазеры не обладали достаточным резервом вычислительных ресурсов, чтобы вести бой, одновременно преодолевая поверхности со сложной геометрией. Таким образом, в момент преодоления препятствия они автоматически превращались в беззащитные мишени…

Единственным, что не вписывалось в схему подобных рассуждений, было непонятное чувство, испытанное им при прошлой высадке.

Рауль был более чем заинтригован. Не надеясь обнаружить живых членов экипажа, он все же мысленно пообещал себе, что не покинет «Нибелунг» без детального осмотра его основных отсеков, особенно — рубки управления, где могли сохраниться записи бортового журнала.

— Первый на позиции. Группам прикрытия — внимание. Двигаюсь вдоль борта к грузовой аппарели.

Используя датчики кибермодулей. Шелест наметил оптимальную траекторию движения. Учитывая нагромождение обломков, выбитых при столкновении транспорта с обшивкой станции, он переключился на реактивные двигатели скафандра — короткий импульс поднял его выше опасного уровня, далее, двигаясь уже по инерции, Рауль оттолкнулся рукой от надстройки, меняя направление прыжка, чтобы несколькими секундами позже плавно коснуться накрененной площадки грузового подъемника.

Заученным движением погасив инерцию, он выпрямился. Акробатика в условиях ничтожного тяготения требовала особых навыков и предельной концентрации внимания — в момент сложного, стремительного подъема капитан не мог контролировать окружающее пространство, потому, едва закрепившись на наклонной плоскости, огражденной помятыми металлическими поручнями, он первым делом произвел моментальное сканирование окрестностей.

Даже с высоты верхней площадки разложенной в рабочее положение

грузовой рампы он мог просматривать лишь тот участок обшивки, что находился внутри периметра защитных сооружений. Благо надстройки древней станции, где расположились группы огневого прикрытия, господствовали над окрестностями, обеспечивая хороший обзор и прямую связь с командиром.

Про базовый корабль высадки говорить не приходилось, он занимал позицию буквально над головой Шелеста…

— Внимание, первый, — внезапно раздался в коммуникаторе голос майора Олсби. — Наши сенсоры фиксируют множественные источники энергетической активности! Движутся под обшивкой станции. Общее направление — «Нибелунг».

Реакция капитана была мгновенной. Отступив от края площадки, он скрылся среди покосившихся решетчатых конструкций несущих опор, одновременно активируя режим полной электронной защиты боевого скафандра.

На несущей частоте общего канала связи раздался доклад Земцова:

— Командир, мы фиксируем цели, но не можем работать по ним — механизмы используют коммуникации первого и второго уровней!

— Вижу, — сдержанно ответил Рауль. Сканирующие комплексы боевого скафандра работали на пределе мощности, равно как и кибермодули имплантов, но Шелест наблюдал лишь размытые, нечеткие контуры, продвигающиеся по древним коммуникациям. Однако идентифицировать их не составляло особого труда. — Сорок два сигнала, — внес он свое дополнение в общую информационную картину. — Это « LDL-55». Они прорвали защитные сооружения в магистральном тоннеле уровня «А».

— Какие защитные сооружения?! О чем ты говоришь? — раздался недоуменный вопрос координатора.

— Кто-то пытался оградить «Нибелунг» от посягательств ходячих лазеров, — пояснил ему Шелест. — Возвышенность, окольцовывающая корабль, искусственного происхождения. Все проходы нижних палуб, ведущие в направлении корабля, забаррикадированы.

На общей частоте связи возникла пауза.

Майору Олсби потребовалось некоторое время, чтобы переориентировать сканирующие комплексы, увеличив до максимума мощность проникающего излучения.

— Все, вижу, это действительно « LDL-55», — наконец вновь раздался его голос. Он слышал пояснения Рауля, но сейчас голова координатора была занята вопросами, далекими от проблемы строителей

защитных сооружений. Ситуация резко изменилась, по сути, она фактически вышла из-под контроля, и майор откровенно занервничал — он видел стремительно продвигающиеся машины, но не мог их остановить…

В коммуникаторе раздался едва слышный щелчок — это Олсби переключился на закрытую командную частоту:

— Фрайг побери, Шелест, ты же говорил, что они не дернутся до срока!

Капитан не ответил. Препираться с начальством в критический момент — последнее дело. Не время сейчас втолковывать майору, что предугадать реакцию древних сервомеханизмов на высадку десанта можно лишь с определенной долей вероятности.

В диалог на общей частоте связи вступил лейтенант Кирсанов:

— Капитан, сканеры показывают, что из тоннеля есть только один выход на поверхность — в двухстах метрах от твоей позиции.

— Грузовой пандус? — Шелест быстро сориентировался по полученным данным и теперь держал под пристальным вниманием темное ущелье с отвесными стенами, в которое вливались две широкие дороги с намагниченной поверхностью. Компьютерное видение показывало, что наклонный спуск заканчивается мощными шлюзовыми воротами. — Вакуум-створы закрыты, — передал он на базовый корабль. — « LDL-55» смогут разрезать их, но на это уйдет минут десять. Этого времени хватит, чтобы осуществить первоначальный план.

— Действуй, — вновь включился в диалог Олсби. — Комплексы «Прайд» доложили готовность. Мы тебя прикроем.

— Ворота в «мертвой зоне» для остальных групп, — напомнил ему Шелест.

— Не беспокойся. Твои ребята сегодня отдыхают. Длина пандуса позволяет отработать по целям установками главного калибра. Они не пройдут. — В голосе майора звучала нервозная уверенность.

Теперь Рауль был вынужден переключиться на закрытый от прослушивания канал связи:

— « LDL-55» оснащены двухсотмегаваттными установками теплового спектра излучения, — напомнил Шелест координатору. — Если устройства накачки имеют достаточный запас энергии, они могут огрызнуться, майор. Базовый корабль в зоне прямой видимости.

— Учту твое замечание, — сухо отреагировал Олсби.

Рауль не стал вступать с ним в спор.

— Успеха, — коротко ответил он. — Выдвигаюсь к грузовому шлюзу. Мне потребуется пять минут, чтобы добраться до реакторного отсека и

установить все заряды.

— Понял тебя. Действуй.

По всем расчетам, у капитана Шелеста оставался приличный запас времени, чтобы спокойно преодолеть наклонную плоскость грузовой аппарели и выйти к закрытому шлюзу, где имелся дополнительный люк, соответствующий человеческому росту.

Вскрыть его не составило труда. Кибернетические модули, которыми были оснащены импланты Рауля, содержали все необходимые базы данных: он не только четко представлял детальную схему запирающего механизма, но и мог быстро подобрать необходимый код доступа.

Прибегать к физическим методам воздействия не пришлось — электроника корабля работала исправно, что еще более насторожило капитана.

Неужели на борту кто-то есть? — промелькнуло в голове Рауля вполне обоснованное предположение, но развить тему он не успел.

Прежде чем открылся внешний люк шлюзовой камеры, произошло два неожиданных события: во-первых, он снова остро ощутил чей-то пристальный, изучающий взгляд… по крайней мере внутреннее восприятие опиралось именно на~ ассоциацию со взглядом, а во-вторых, пространство, отгороженное дугообразной баррикадой, внезапно *взорвалось.*

Сложно подобрать иной термин, когда видишь, как в десятке различных точек поверхность керамлитовых бронеплит начинает на глазах наливаться темно-вишневым цветом и вдруг вскипает раскаленным гейзером частиц расплавленного металла, смешанных с мутным выбросом декомпрессионного взрыва.

Это было потрясающе красиво. Красиво, несмотря на внезапность и острое чувство опасности, захлестнувшее разум. Шелест несколько секунд не мог оторвать взгляд от извергающейся, освещенной багряными отсветами поверхности древнего сооружения, подумав, что на его глазах наглядно опровергнуто сложившееся мнение о полной неспособности « LDL-55» принимать нестандартные тактические решения.

Они не стали резать мощные модульные ворота, а воспользовались наличием атмосферы в некоторых внутренних помещениях станции. Критический нагрев бронеплит плюс давление привели к серии беззвучных взрывов: раскаленный металл, соприкоснувшись с холодом вакуума, тут же остывал, образуя причудливые потеки, а из конических воронок на поверхность станции уже выбирались шагающие лазеры.

Зрелище, достойное кисти лучших механореалистов эпохи… Взгляд

все еще жадно впитывал футуристическую картину происходящего, а мышцы и разум уже работали, готовясь встретить смертельную опасность.

Рауль мог перехватить управление над одним из механизмов, заставив того атаковать своих собратьев, но тут же отказался от подобной мысли — число противников не располагало к подобным воздействиям, требовавшим максимальной концентрации воли и внимания. Данный способ нейтрализации хорош, когда имеешь дело с одним или двумя механизмами, но «пятьдесят пятых» десятки…

Странный озноб неприятной волной прокрался по всему телу. Шелест продолжал наблюдать, сохраняя полную неподвижность. Фототропная броня скафандра надежно защищала его от сканеров, но выбравшиеся на поверхность « LDL-55» тут же начали выдвигаться в направлении «Нибелунга», что резко снижало шансы капитана остаться незамеченным — потенциальные возможности антисканирующего покрытия сокращались пропорционально расстоянию до цели.

Нужно сказать, что вид приближающегося противника являлся серьезным испытанием для психики. Это лишь в сравнении с серв-машинами Альянса штурмовые боты Флота Колоний масштабировались как *небольшие устройства* — на самом деле их рост превышал человеческий, а длинный выступ лазерного излучателя в сочетании с механическими конечностями шагающего привода придавал облику « LDL-55» грозный, но несколько комичный вид.

Впрочем, Шелест в данный момент был далек от иронических ассоциаций.

Тускло светились глубокие воронки, в беззвучье вакуума среди хаоса обломков на него надвигалась чистая квинтэссенция механической смерти — подобное восприятие ситуации являлось единственно правильным: наступил роковой момент, когда машины пересекли незримую черту, за которой их сенсоры смогли уловить слабое фоновое излучение энергосистем боевого скафандра, — десяток длинноносых механических уродцев вдруг остановились, и, синхронно развернувшись в сторону обнаруженной цели, произвели залп.

Рауля в очередной раз выручила реакция. За доли секунды он сумел *просчитать событие* и отдать мысленный приказ, заставивший систему струйных реактивных двигателей бронескафандра дать резкий боковой импульс тяги.

Десять темно-вишневых, различимых взглядом потоков когерентного излучения ударили в район открывающегося люка, мгновенно превратив его в бесформенный ком размягченного металла; во все стороны брызнули

тускнеющие на глазах керамлитовые капли — остывая, они рикошетили от обшивки и решетчатых конструкций подъемника, будто шрапнель, но ни сам залп, ни его последствия не настигли намеченной цели…

…Пролетая мимо покореженной фермы технического обслуживания, от которой, прихотливо извиваясь, тянулись обрывки силовых кабелей, Шелест, только что явно избежавший смерти, но не потерявший рассудка от внезапного развития событий, расчетливо использовал ее, чтобы погасить инерцию движения и одновременно уйти из зоны прямой видимости: для мгновенного снижения по спирали ему хватило нескольких точных прикосновений к опоре.

Сверху, от района изуродованной шлюзовой камеры, беззвучно отделился, пролетев мимо, внушительный фрагмент массивного люка. Через мгновение, ударившись о площадку подъемника, он лениво подскочил вверх и поплыл прочь, оставив на наклонной плоскости глубокую вмятину.

Рауль к этому моменту уже достиг поверхности станции и пробирался среди нагромождения бронеплит, выбитых из крепежных гнезд жесткой посадкой «Нибелунга».

Почему молчат батареи базового корабля?

Внутреннее ощущение времени подсказывало, что с момента возникновения первого декомпрессионного взрыва прошло не менее минуты. Слишком велика пауза, учитывая стремительную ритмику событий.

— Первый, не видим тебя! — Голос майора Олсби прозвучат резко и взволнованно. Нехорошее качество для координатора. Нервничать можно «до» или «после»…

— Я в режиме «хамелеон», — коротко осведомил его Рауль. — Нахожусь на тридцать метров правее шлюза, под основанием корабля.

— Цел?

— Даже не поцарапало.

— Утихни.

— Понял. — Капитан переместился в сторону, чтобы случайная подвижка корпуса «Нибелунга» не стала для него очередной проблемой, и коротко доложил: — Готов.

— Начинаем обработку целей. Я приказал группам прикрытия не высовываться.

— С меня причитается, — ответил Шелест, понимая, что координатор в данном случае принял правильное решение…

В следующий момент обшивка станции часто и ритмично

завибрировала, словно по ней внезапно замолотили металлическими прутьями…

— Ты идиот, Олсби… — непроизвольно вырвался у капитана разочарованный вздох.

Нелестное замечание в адрес старшего офицера на некоторое время осталось без комментариев — задохнувшийся от гнева майор понял, что имел в виду Шелест, обозвав его идиотом…

Вакуумные электромагнитные орудия хлестнули по поверхности древней станции короткими отрывистыми очередями — наведением артиллерийских комплексов управлял компьютер, но, несмотря на точность попаданий, эффект был скорее отрицательным: тяжелые снаряды не только поражали цели, они взламывали обшивку, поднимая в космос тонны обломков. С тем же успехом зону основных событий можно было накрыть бронированным «колпаком» — взметнувшиеся над поверхностью фрагменты бронеплит не только приняли на себя повторный залп орудийных установок, они экранировали систему связи и частично блокировали работу сканеров.

— За «идиота» ответишь, капитан… — прохрипел коммуникатор.

— Отвечу. — Шелест переключился на частоту своей группы, оставив координатора переваривать последствия применения неадекватного ситуации вооружения — бить по целям следовало из лазерных установок, а не молотить по станции всей дурью артиллерийских комплексов. — На связи первый. Осмотреться и доложить.

Выслушав данные обстановки. Рауль отдал приказ:

— Работают только снайперы. Бить исключительно на поражение, после выстрела обязательная *мгновенная,* — он подчеркнул это слово, — смена позиции. Следить, чтобы не было повторяемости действий. Машины не прощают предсказуемости. Остальным — фиксировать перемещения противника, доклад наблюдателей каждую минуту. Связь может резко ухудшаться по мере распространения поля обломков. Используйте импланты. С борта сейчас вышлют эвакуационный модуль, но он сможет сблизиться со станцией в двух—трех километрах отсюда. Как только с ним наладится связь — отходить без промедления.

— А ты, командир? — выразил общую обеспокоенность лейтенант Земцов.

— Я в автономном режиме. Передайте майору Олсби — пусть посадит индивидуальную капсулу вне границы поля обломков и ждет двадцать четыре часа. Это приказ. Все, прения закрыты, работаем.

Рауль понимал — он упустил нечто важное в стремительном развитии

событий.

С самого начала заурядная на первый взгляд операция по зачистке пошла вразрез с отработанными ранее сценариями.

Понятно, негативную роль тут сыграло первое, краткосрочное появление его группы в районе предполагаемых действий — из-за полученного сигнала бедствия, вынудившего свернуть операцию, они лишь засветили себя, привлекая повышенное внимание кибермеханизмов к месту аварийной посадки «Нибелунга».

Нет, — рассуждал Шелест, осторожно пробираясь вдоль борта злополучного транспортного корабля, — *ни один сценарий тут не подходит. Наличие баррикады прямо указывает: данный район в недалеком прошлом являлся зоной длительного активного противостояния.*

Следовало признать: коллективные действия « LDL-55» не укладывались в рамки поведения, определенного для остаточных, разрозненных, утративших часть функциональности сервомеханизмов, — по всем признакам выходило, что спустя тысячу лет после окончания войны его отряд столкнулся с полнокровным боевым соединением, не только пережившим века забвения, но приобретшим за этот период определенный боевой опыт.

Эти мысли стали основным мотивом принятия решения о режиме автономного поиска. Втягивать вслед за собой группы прикрытия под низкий «небосвод», состоящий из сталкивающихся на высоте тридцати-сорока метров массивных обломков, он не стал бы и по прямому приказу с базового корабля. Пусть бойцы отработают по целям с предельной дистанции и отходят. Он же собирался повторить попытку проникновения на борт «Нибелунга».

Размышляя таким образом, Рауль перемешался вдоль корпуса транспортного корабля к его носовой части. Во-первых, этим маневром он оставлял между собой и прорвавшимися на поверхность станции « LDL-55» труднопроходимый участок, состоящий в основном из взломанных при крушении «Нибелунга» бронеплит, во-вторых, Шелест приближался к баррикаде — среди составляющих ее элементов было много решетчатых каркасных конструкций, не проходимых для лазерных ботов, но идеально подходящих для скрытного перемещения человека, экипированного в боевой скафандр.

Волны вздыбленных давним ударом секций обшивки постепенно сглаживались: он приближался к носовой части древнего транспорта, одновременно выходя к плавно загибающейся баррикаде. Еще метров

пятьдесят, и можно будет остановиться, выбрать точку наблюдения для уточнения обстановки.

— «Борт 2057» вызывает первого, повторяю: «Борт 2057» вызывает…

Монотонный автоматический вызов, несмотря на приглушенную громкость аудиосистемы, лишь добавлял напряжения в нервозную обстановку, царящую в тактическом отсеке малого крейсера.

— Заткните этого говоруна! — не выдержав, рявкнул майор Олсби. — Переключите на световую индикацию.

Связь с Раулем потеряна. Жив ли он — неизвестно. Сканеры вязнут в поле обломков, уже распространившемся над площадью в два десятка квадратных километров.

— Что, Земцов? Восстановили канал обмена данными?

— Да, сэр. Эвакуационный модуль держит их частоту. Лейтенант просит еще десять минут. Снайперы успешно работают по целям.

— Дайте развертку телеметрии. — Майор угрюмо посмотрел на оживший информ своего терминала.

Так. « LDL-55» поднимаются к аппарели. Что это может означать? Они фиксируют капитана Шелеста? Ведут преследование? Непохоже…

Общее видение ситуации оставляло желать лучшего. Сканеры бронескафандров не давали полномасштабной картины происходящего. Даже при суммировании данных компьютерная модель выглядела так, словно Олсби подглядывал за событиями в узкую щель замочной скважины. Вверху обломки, снизу десятки тысяч тонн металла, часть обзора перекрывает корпус «Нибелунга», но даже в этом узком «информационном коридоре» сигналы от активных машин постоянно пропадают, затем появляются вновь, не позволяя четко оценить и прогнозировать ситуацию в развитии.

— Земцов, у тебя есть связь с первым?

— Нет, сэр. Я уже передал вам его последнее сообщение.

— Я не вижу основной группировки «пятьдесят пятых». Ты можешь оценить эффективность нашего огня и обозначить дислокацию остаточных групп механизмов?

— Бортовым залпом уничтожено восемнадцать машин, — после недолгой паузы доложил лейтенант Земцов. — В данный момент полтора десятка « LDL-55» сосредоточились у кормовой части штурмового носителя. Остальные равномерно распределились вдоль периметра баррикады. Выглядит как оцепление. Снайперы работают по доступным целям. Ответный огонь неэффективный…

Олсби слушал галактлейтенанта, одновременно пытаясь предугадать

дальнейшее развитие событий.

Зачем они группируются подле аппарели?

Два варианта — либо « LDL-55» имеют собственную Цель, а десант воспринимают лишь как помеху, препятствующую ее достижению, либо они намерены использовать древний войсковой транспорт в качестве выгодной позиции. Стоит им найти способ преодолеть вертикальный подъем, и они окажутся на одном уровне с надстройками станции, а значит, смогут вести прицельный огонь по точкам высадки групп прикрытия.

Майор живо представил себе эту картину.

Фрайг раздери эти древние конструкции… Кто знал, что крепления бронеплит станции столь ненадежны?

Нет, он не мог позволить бойцам оставаться на месте. Олсби попросту не находил выхода из сложившейся по его вине ситуации.

— Земцов, отводи бойцов к эвакуационному модулю.

— Не понял, сэр, повторите!

— Я приказываю отходить!

— Мы бросаем командира?

— Прекрати пререкаться, лейтенант! Исполняй приказ!

Олсби несколько секунд помедлил, пытаясь обуздать охватившую его ярость, а затем добавил, уже более спокойно:

— Я жду подтверждения.

— Исполняем… сэр.

Рауль намеренно активировал режим полной маскировки, заблокировав все каналы связи, — в данный момент он хотел вынудить координатора на принятие тяжелого решения. Отход основной группы развязывал ему руки — действовать в одиночку, зная, что рискуешь лишь собственной жизнью, всегда легче, чем соизмерять каждый свой шаг с мыслями о бойцах подразделения.

С точки зрения капитана, эвакуация групп прикрытия являлась закономерным, необходимым шагом — «LDL-55» могут сжечь любую из надстроек, не оставив укрывшимся там бойцам ни единого шанса на спасение. Статичные позиции хороши для внезапного огня, рассчитанного на полное уничтожение противника, но в сложившейся ситуации они лишь обостряли проблему

Прослушивая командную частоту, он не отвечал на вызовы, пока Олсби не отдал необходимого приказа.

Земцов молодец. Скрипит зубами, но приказы выполняет. Возможно, даст в морду майору, но ребят выведет.

Все. Они пошли.

Шелест едва удержался от облегченного вздоха. Теперь он мог работать, не оглядываясь назад.

«Дело-то за малым, — промелькнула мысль. — Подняться до ближайшего технического люка, проникнуть на борт, а дальше по изначальному плану с небольшими коррективами — взрывные устройства в реакторный отсек, и ходу отсюда, пока „ LDL-55“ толкутся подле изувеченной аппарели в поисках способа подняться наверх».

Непонятно их поведение. Почему не обошли «Нибелунг» вдоль бортов, как сделал он? Ведь наверняка они зафиксировали те надстройки, откуда по ним вели огонь снайперы. Зачем карабкаться наверх — здесь у баррикады достаточно выгодных позиций… Когда в качестве оружия применяется двухсотмегаваттный лазер, нет особой разницы, под каким углом направлен луч, — эффект будет приблизительно одинаков, или они не понимают, что от обрушения конструкций не спасет ни один бронескафандр?

Не понимают…

Мысль Рауля зацепилась за данное утверждение. Точно. Неужели они никогда не имели дела с людьми?!

Опять на первый план выходила мысль о присутствии на станции тяжелых серв-машин. Выходит, « LDL-55» попросту не знают иного противника? Они планируют свои действия в расчете на «живучесть» тяжелой планетарной техники?

Рауль уже поднялся на своеобразный гребень защитного сооружения, в одном месте вплотную примыкавшего к обшивке «Нибелунга».

Отсюда открывался вид на носовую часть корабля. Чуть приподнятая относительно обшивки станции, она выглядела весьма плачевно: смятая при ударе, потерявшая обтекаемость форм, с огромной оплавленной дырой в том месте, где должны располагаться люки технического обслуживания локационных систем.

Стоп…

Откуда такие повреждения? Деформация обшивки — понятно, но уродливая дыра, выжженная в корпусе?..

Взгляд Шелеста машинально начал искать объяснение и нашел его: внизу, у основания баррикады, среди прочих обломков он ясно различил характерные фрагменты, без сомнения, принадлежащие «ЬБЬ-55». Анализаторы тактической системы свидетельствовали, что не менее двух десятков лазерных ботов нашли тут свой конец.

Снова взгляд вверх. Отверстие неправильной формы площадью в десятки квадратных метров. Внутри, среди потеков металла, угадывались

непонятные смутные формы.

Шелест не стал теряться в догадках. Проще подняться и проверить, тем более что выплавленное лазерами отверстие значительно облегчало проникновение на борт «Нибелунга».

Отсканировав структуру материала, он поднял руку и выстрелил в глубь наклонного, постепенно сужающегося тоннеля специальным наконечником, за которым тянулся тонкий мономолекулярный трос.

Проверив прочность соединения, Рауль включил микропривод лебедки и начал медленно подниматься вверх.

Поверхность станции постепенно отдалялась, через некоторое время мимо проплыли края огромного отверстия, и капитан Шелест оказался внутри конусообразной полости, внутренняя поверхность которой представляла собой причудливую смесь фрагментов конструкций и механизмов, подвергшихся воздействию высоких температур.

Он не рискнул включать источники освещения, задействовав компьютерное видение.

Это походило на сюрреалистический кошмарный сон: сканеры кибермодулей передавали разуму вполне понятное для человеческого восприятия изображение, четко выделяя контуры автоматически распознанных конструкций…

Среди множества фрагментов механических узлов, принадлежавших «Нибелунгу», он четко рассмотрел оплывшие контуры двух «Хоплитов». Серв-машины были замурованы, вплавлены в общую массу размягчившегося материала обшивки и переборок — они выглядели словно изваяния, в некоторых местах их тугоплавкая броня выступала барельефным контуром на сглаженной поверхности выжженного лазерами конического тоннеля, проходящего через внешний и внутренний корпуса штурмового носителя.

Рауль, несмотря на свой богатый опыт, затруднялся представить, что тут происходило в действительности. Простой констатации факта было явно недостаточно… Да, он видел обломки « LDL-55», понимал, что два «Хоп-лита», заняв позиции в смежных отсеках, использовали технические люки в качестве амбразур, но общая картина столкновения необъяснимым образом принимала моральную окраску, будто он, глядя на контуры серв-машин, сопереживал им…

Откуда шло это чувство? Почему он мысленно принял сторону тяжелых планетарных машин Земного Альянса, пытавшихся отразить атаку шагающих лазеров?

Он непроизвольно встряхнул головой, отгоняя странное наваждение.

Ощущение трагичности не исчезло. Шелест ни разу не испытывал столь глубокого, сильного *сопереживания*. Он повидал на своем веку много различной техники, но никогда его рассудок с такой настойчивостью не пытался одухотворить кибернетические системы, рассматривая аспекты их существования с точки зрения человеческих моральных ценностей…

Наваждение рассеялось, когда толчок и легкое раскачивание возвестили об окончании подъема.

Взглянув вниз, он увидел далекую поверхность станции, гладкие, тускло отсвечивающие глянцевитыми бликами стены пройденного конического тоннеля, затем, не оборачиваясь, воспользовался системой сканирования, чтобы наметить план дальнейших действий.

Над головой свисали причудливые сталактиты, образовавшиеся в момент кристаллизации расплавленного материала переборок, за ними сканеры обнаружили полость геометрически правильной формы. Отсек. Истончившаяся переборка, собственно, не являлась помехой, в Одном месте пол помещения провалился вниз: скругленные края отверстия виднелись меж исполинских потеков металла, и Рауль, выстрелив второй трос, освободил магнитный захват первого, начиная движение по дуге.

В верхней точке амплитуды раскачивания он снова закрепился; теперь до края отверстия оставалось не больше метра. Ему потребовалась еще минута, чтобы, осторожно манипулируя точками опоры, подобраться вплотную к провалу и с последним, точно рассчитанным акробатическим движением оказаться внутри отсека.

Все. Он на борту «Нибелунга».

За просевшим люком, который пришлось вскрывать при помощи усилителей мускулатуры бронескафандра, открылся длинный коридор.

Тусклые источники аварийного освещения окрашивали сумрак в багряные полутона, но Рауль, уже вдоволь пресытившийся впечатлениями, предпочел строгое, лишенное моральной окраски компьютерное видение.

Вход в киберпространство принес некоторое облегчение. Шелест не подозревал, что немые стены и красноватый свет могут воздействовать на его рассудок, пробуждая непонятные, будто навязанные сторонней волей ассоциации.

Магистральный коридор грузовой палубы. То, что нужно. Реакторный отсек располагался в кормовой части корабля, рубка находилась выше, на следующей палубе, а по обе стороны данного коридора, согласно стандартной схеме, должны присутствовать обширные, соответствующие габаритам серв-машин ремонтно-парковочные боксы, где осуществлялось техническое обслуживание и перезарядка тяжелой планетарной техники.

Рауль не преминул заглянуть в первый попавшийся бокс, лишь затем, чтобы убедиться: корабль действительно был переоборудован для гражданских грузоперевозок. — вместо сложных агрегатов обслуживания и крепежных ферм, обеспечивающих устойчивость серв-машин при транспортировке, отсек заполняли покосившиеся при аварийной посадке стеллажи со специальными креплениями для стандартизированных грузовых контейнеров.

Удовлетворившись осмотром, он вернулся в основной коридор. Теперь ему предстояло пройти четыреста метров по прямой и спуститься на один уровень вниз.

В темпе… — мысленно подстегнул себя Рауль.

До реакторного отсека Шелест добрался без осложнений. Силовая установка «Нибелунга» работала на пятидесяти процентах расчетной мощности, и капитану пришлось затратить еще пару минут сверх обещанного майору Олсби лимита времени на манипуляции с автоматической системой — для гарантированного возникновения неуправляемой ядерной реакции после разрушения направленными взрывами системы зашиты требовалось как минимум семьдесят процентов номинальной мощности.

Закончив приготовления, он активировал таймер, закрепив неприметное устройство в глубине узкой щели между двумя компьютерными терминалами.

Все. Дело сделано, теперь назад тем же путем, через пробоину в носовой части «Нибелунга».

…Подозрительную вибрацию Рауль ощутил, поднимаясь по вертикальной лестнице на уровень технической палубы.

Внутри корабля царил вакуум, из-за мощных межпалубных переборок сканеры кибермодулей, равно как и аппаратура слежения боевого скафандра, работали лишь на коротких дистанциях, практически в пределах прямой видимости, в такой ситуации на первый план выходило осязание: любому, кто служил в космическом флоте, хорошо известно — порой ритмика вибраций, передающихся по конструкциям корабля, дает намного больше информации, чем зрение и слух.

Капитан замер.

В данный момент он находился в узком вертикальном стволе шахты аварийного межпалубного перехода. Шелесту оставалось преодолеть всего две скобы, чтобы выбраться в магистральный коридор вышележащего Уровня, но вслед насторожившей его вибрации корпус корабля передал глухой толчок, сопровождаемый серией кратких, отрывистых, но

ритмичных колебаний.

В следующий миг сканеры передали рассудку нечеткий, но все же различимый образ: метрах в десяти от выхода аварийной шахты, там, где коридор расширялся, плавно переходя в предшлюзовую площадку, возник силуэт « LDL-55».

Несколько секунд спустя одиночный сигнал начал множиться, словно от электронного призрака, нарисованного воображением по показаниям электронных систем, начали отделяться его двойники, но что самое скверное — они обретали недвусмысленную четкость: «пятьдесят пятые», взломавшие внутренний люк шлюзовой камеры, двигались по коридору в глубь корабля!..

Над головой в тусклом красноватом свете промелькнули стремительно передвигающиеся сервомеханизмы, их тяжелая поступь наполнила корабль ритмичными тактовыми вибрациями, но Шелесту оставалось абсолютно непонятно, зачем шагающие лазеры с таким упорством карабкались вверх, выбивали люк и, главное, куда устремились сейчас?

Они промелькнули буквально над головой, не удостоив капитана своим вниманием, что прямо указывало: на борту «Нибелунга» у них есть цель более важная, чем человек, затаившийся в тесной вертикальной шахте межпалубного перехода.

Вибрации множились, теперь они распространялись не только сверху, судя по ощущениям, часть механизмов устремилась к реакторному отсеку, воспользовавшись для перемещения стандартными коммуникациями штурмового носителя.

Все произошло в считаные мгновения, однако для Рауля стремительные события не явились полной неожиданностью, он и прежде понимал — сервомеханизмам необходима энергия. Доступ к системам реактора являлся достаточным поводом для усилий, что приложили « LDL-55» ради проникновения на борт, неясным оставалось одно: почему они разделились? Нижняя группа в данный момент его не беспокоила, а вот те, что промчались над самой головой, представляли серьезную проблему.

Единственный путь к отступлению оказался отрезан.

Оставаться в узком вертикальном стволе было опасно и бессмысленно. В любой момент снующие внизу лазеры могли обнаружить присутствие человека, и тогда роковая развязка неминуема. Достаточно одного разряда когерентного излучения, чтобы замуровать его в теснине вертикального перехода. В рассудке промелькнул образ двух «Хоплитов», навеки вплавленных в бесформенные массы металла.

Рауль осторожно подтянулся, чуть приподняв голову. Датчики

гермошлема мгновенно отсканировали коридор.

— Пять сервомеханизмов столпились в дальнем конце тоннеля у модульных ворот одного из складских отсеков. Не понимая смысла их действий, Шелест зафиксировал дистанцию — четыреста метров. До предшлюзовой площадки всего двадцать, и, судя по показаниям датчиков, район взломанного люка в данный момент остался без боевого охранения.

Выбирать не приходилось.

Рауль четко понимал определение «оправданный риск» — данный термин являлся неизбежным спутником капитана на протяжении многих лет, но его *работа* не предполагала бессмысленного героизма. Он пришел сюда не в поисках славы, не за острыми ощущениями, а с вполне конкретной целью — ликвидировать источник питания древних боевых механизмов. Свою задачу он выполнил — оккупировавшие реакторный отсек шагающие лазеры при всем желании не смогут предотвратить взрыв силовой установки. На это у них точно не хватит «мозгов».

Мысли не мешали Шелесту действовать. Подчиняясь мнемоническому приказу, боевой скафандр вновь перешел в режим полной электронной защиты, теперь все датчики работали лишь на пассивный прием, тонкий, покрывающий броню слой фототропного полимера, известный под названием «хамелеон», после активации поглощал девяносто процентов паразитического излучения внутренних энергосистем, одновременно защищая человека от направленного сканирования и визуального обнаружения. Три пусковых ствола тактического ракетного комплекса, расположенного поверх брони на правой руке, от локтевого сустава до запястья, открыли лепестковые диафрагмы, обнажив острые жала реактивных снарядов. Уходя на задание, Рауль никогда не отказывался от стандартных систем вооружения, но в критические моменты все же привык полагаться не на огневую мощь штатных ОРК[11], а на свою способность к стопроцентному компьютерному видению, когда разум управляет телом, по сути, пребывая в киберпространстве.

Схватка с любой машиной требует от человека адекватной скорости реакции и точности — техническую часть данной проблемы успешно решали кибермодули дополнительных имплантов и упорные тренировки. В то же время для эффективного противодействия кибермеханизмам человек должен постоянно демонстрировать свое превосходство на уровне абстрактно-ассоциативного мышления, ломая логику машины *непредсказуемостью* тактических приемов.

В этом смысле штатное вооружение боевого скафандра уже не

дотягивало до необходимого уровня гибкости в применении, поэтому Рауль никогда не выходил на задание без двух изготовленных по спецзаказу укороченных штурмовых автоматов системы Ганса Гервета. Модель сочетала в себе лучшие качества импульсной винтовки и знаменитой ИКБС[12] «гюрза»: бронебойный заряд такого оружия при точном попадании способен нанести критические повреждения большинству известных моделей легкой планетарной техники. « LDL-55» входили в список допустимых целей для данной модификации оружия, поэтому Рауль, прежде чем окончательно *включиться*, достал оба «гервета» из беззвучно открывшихся оружейных сегментов экипировки.

Изумрудные точки индикации засвидетельствовали, что микропроцессоры оружия установили связь с имплантами, войдя в прямой контакт с разумом человека.

Вперед…

Миг полного перехода рассудка в киберпространство неуловим, как ожидаемая, но почему-то всегда внезапная вспышка фотокамеры.

Мир стремительно менял краски.

Теснина переборок растворилась, предметы вокруг обрели прозрачность, но лишь на определенную глубину, в зависимости от присущей им цветовой гаммы. Например, металлокерамические сплавы, впитавшие холод вакуума, были похожи на зеленоватое стекло, ниже, под ногами, тусклой каплей тлел реактор «Нибелунга», рядом с ним четко просматривались пульсирующие энергосистемы шагающих лазеров, заключенные в матово-серую, чуть подсвеченную изнутри оболочку корпусов.

Капитан более не мог медлить — любая сверхчеловеческая способность, пусть она и основана на вполне понятных технологиях, имеет свою цену в плане последствий для организма. Когда секунды вдруг растягиваются в субъективную вечность, биохимические реакции также начинают ускоряться, пытаясь достичь той ритмики, что задает разум.

Он не мог видеть себя со стороны.

Размытая тень промелькнула в красноватом сумраке тоннеля, словно из вертикальной шахты межуровневого перехода вырвался призрак.

И тут же, отнимая право на очередной вдох, пришел удар, настолько же болезненный, сколь и внезапный.

Не пуля, не разряд лазера — мысль.

Обреченная мысль, прозвучавшая как глухой, отдаленный набат незримого колокола.

Отсюда нет выхода. Настало время умирать.

Шелест остановился, невольно оборачиваясь на звук бесплотного голоса, будто не понимал, что тот звучит лишь в сознании, где не бывает направлений…

Это не мои мысли!..

Тщета. Оружие разряжено, сервомоторы едва движутся…

Нет. Я только что активировал все системы. Все работает.

Секунда задержки. Вечность, которую заполняло глухое эхо горячего шепота.

Сбой. Глобальный сбой в кибернетическом пространстве.

Помоги…

Естественно, Рауль не подчинился зовущему голосу. Он по-прежнему управлял своим телом и рассудком, но ситуация радикально изменилась: на борту «Нибелунга» находился кто-то еще, и покинуть корабль, не выявив источник мнемонического сигнала, капитан не мог.

Он вспомнил все — и странное ощущение взгляда со стороны, и свою необъяснимую тоску при виде двух легких серв-машин, замурованных в стенах конического тоннеля, и множественные признаки былого присутствия загадочных строителей баррикады.

Это один из них. Вероятно, последний.

«Одиночка»?

Не факт…

Неужели все-таки человек? — обожгла рассудок внезапная мысль. — *Здесь, на кладбище кораблей, среди мертвого металла, спустя тысячу лет после окончания войны?!*

Разум, перебирая варианты, работал как никогда быстро и отчетливо: *Криогенная камера? Маленький анклав бывших сотрудников станции? Или команда потерпевшего аварию космического корабля — выжившие, сумевшие добраться до островка смерти посреди бескрайнего океана космоса?*

А может, голос принадлежит тому самому злополучному пилоту, что привел сюда «Нибелунг»?!

Все варианты казались равнозначно вероятными, ибо слово, в котором звучала *тоска,* по твердому убеждению Шелеста, могло принадлежать лишь человеку, но не машине…

Помоги…

Рауль медленно повернулся.

Со стороны это выглядело почти молниеносным движением: фототропная броня скафандра превращала фигуру капитана в едва

различимую, красноватую, как сам сумрак, тень; он мысленно зафиксировал ближайший к себе «LDL-55», который отошел к противоположной стене коридора, явно намереваясь использовать лазер для вскрытия запертых ворот.

В следующий миг по длинноносому механическому уродцу ударили два «гервета»: Рауль стрелял, постоянно смещаясь вбок, едва осознавая, что под подошвами скафандра уже не пол, а стена, — все чувства в эти мгновения уходили вслед выпущенным зарядам, туда, где деформировался металл, крошились сервомоторные узлы, покрывались губительной паутиной трещин бронированные сферы, защищающие процессорные устройства « LDL-55»…

В ответ вдоль коридора ударил тонкий шнур когерентного излучения. Хрупкое стекло виртуальных поверхностей тут же расплылось радужными волнами перепада температур, все вокруг пришло в движение, начало искажаться — один из известных вывихов киберпространства, когда засвечены все датчики сенсорных систем и компьютерное видение начинает сбоить, передавая картину несуществующих деформаций…

Толчок от потолка.

Ноги пружинят — он сам рикошетит от стен, словно резиновый мячик, брошенный озорным мальчишкой…

Два «гервета» в его руках бьют не умолкая короткими, частыми, прицельными очередями, пятна температурных аномалий пылают, будто костры, скорость действий приближается к пику возможностей человеческого организма — слишком узко пространство коридора для постоянного уклонения от лазерных лучей, которыми отплевываются сервомеханизмы.

Сколько их осталось? Двое? Нет, один. Только один, остальные *гаснут* — так компьютерное видение передает образ простреленных корпусов, из которых конвульсивными толчками истекают потоки энергии — кровь и плоть киберпространства…

«Гервет» в правой руке смолк, выбросив пустую обойму.

Активные сигналы?

Ноль.

Любимая цифра капитана Шелеста. Единственное, где она редко выигрывает, — это в казино.

Он возвращался.

Слишком рано, вынужденно, лишь затем, чтобы дать возможность системам поддержания жизни произвести необходимые манипуляции, успокоить бешено бьющееся сердце, нормализовать давление, вогнать дозу

стимулятора в непослушные после дикого напряжения мышцы…

Кому-то виртуальная среда дарует покой, развлечения, отдых, а кого-то старит на годы.

Восемнадцать секунд.

Два пустых магазина, медленно уплывающие вдоль коридора, шум в голове да искры, бьющие из простреленных корпусов пяти смертоносных боевых машин.

Голос исчез… как будто его и не было.

Почувствовав действие стимуляторов, Рауль оттолкнулся ногами от стены, перевернулся и длинными прыжками устремился в дальний конец тоннеля, туда, где располагался отсек с выходом к пробоине.

«LDL-55» пытались вскрыть ворота предпоследнего ангара.

Остановившись напротив мощных створов, Шелест едва успел подумать: *И что теперь?!* — когда массивные бронеплиты внезапно дрогнули и начали раздаваться в стороны, открывая проход.

Он шагнул в огромное помещение, бывшее некогда ангаром для серв-машин.

Глава 5

Борт «Нибелунга». Ангар серв-машин

Отсек тонул в красноватом свете вездесущих аварийных источников.

Мягкий удар за спиной — это сомкнулись створы бронированных ворот.

В голове все еще стоял неприятный шум, похожий на монотонный шепот прибоя, но мышцы уже не ныли от перенапряжения, Рауль сумел сконцентрироваться, ожидая, пока неведомая сила проявит себя.

В глубине помещения осветился экран компьютерного терминала, бросив тусклый отсвет на исполинскую фигуру, неподвижно застывшую среди хрупкой, кажущейся игрушечной на ее фоне аппаратуры.

«Фалангер».

Самая смертоносная из всех машин былой войны.

Жуткое порождение кровавого безумия, наделенный искусственным интеллектом джинн, выпущенный на простор. Обитаемой Галактики военно-промышленным комплексом Земного Альянса.

Кибермеханизм, способный хранить в искусственных нейросетях матрицу сознания погибшего пилота.

Рауль сделал шаг вперед и остановился.

После первого *общего* восприятия его взгляд начал различать детали, которые странным образом меняли облик чудовищной серв-машины. Не рискнув включить импланты, он воспользовался лишь минимальной мощностью инфракрасной подсветки, чтобы получить четкое контрастное изображение на проекционной части забрала гермошлема.

«Фалангер» стоял не шелохнувшись.

Первое, что бросилось в глаза, — отсутствие штатных стопятидесятимиллиметровых орудий. Вместо них на боковых оружейных пилонах нелепо топорщились слишком короткие, явно заимствованные у иного механизма блоки сервомоторов, управляющих гибкими, но недостаточно длинными манипуляторами. Броня серв-машины носила следы многочисленных схваток и последующих ремонтов, она выглядела пегой от множества заплат и асимметричных, похожих на шрамы сварных швов.

Взгляд Рауля завороженно скользил по исполинской фигуре.

Пробитые технические люки. Уродливые потеки керамлита в тех местах, где броню беспощадно жгли лучи двухсотмегаваттных лазерных

установок. Пустые глазницы датчиков, щерящиеся осколками бронестекла. Разряженные ракетные комплексы с опаленными по краям отверстиями пусковых обойм.

Неужели это он звал меня, моля о помощи?

Капитан понял, что попал в затруднительное положение: с одной стороны, возвышающаяся в сумраке машина суть такой же, подлежащий обязательному уничтожению реликт, как и « LDL-55», а с другой — он не мог просто взять и отмахнуться от острых, уже въевшихся в разум и душу ощущений, по-видимому связанных с данным кибермеханизмом.

Что он должен сделать? Развернуться и уйти?

Легкий способ решения проблемы. По внутреннему наитию Рауль не сомневался: сделай он шаг назад, и ворота послушно приоткроются, чтобы выпустить его обратно в коридор.

Сложный, очень сложный выбор для человека, посвятившего себя борьбе с опасным, не несущим ничего, кроме горя и смерти, кибернетическим наследием былой войны.

Чей разум ты хранишь, «Одиночка»?

Получить ответ на данный вопрос можно лишь одним способом: включив заблокированные в данный момент импланты.

Мнемонический контакт между искусственной нейросетью и рассудком человека не просто возможен — он *обязательно возникнет*, потому что импланты Рауля содержали специальные устройства, автоматически транслирующие мысль в байты древнего машинного кода и обратно…

Его учили — есть грань, за которую нельзя переступать. В мире кибернетических систем нет места понятиям сострадания, машины — не люди. Что касается посмертных копий сознания пилотов, которые хранятся большинством «Одиночек», то Рауль уже неоднократно имел возможность убедиться, что все они прокляты, отравлены безумием той войны.

— Здравствуй, Человек.

Глухой синтезированный голос, раздавшийся в коммуникаторе гермошлема, сломал хрупкую скорлупу правильных мыслей.

Еще один удар, вдребезги разбивший очередной стереотип.

Шелест знал о системах «Одиночка» достаточно, чтобы сделать мгновенный безошибочный вывод — данный кибермеханизм никогда не вступал в прямой нейросенсорный контакт с рассудком пилота.

Если бы в его нейросетях была заключена чья-то личность, «Фалангер» никогда не произнес бы в эфир слово «человек».

Он бы высказался как угодно, но только не подобным образом.

Неужели перед ним редчайший случай, когда нейросеть «Одиночки», чистая на момент активации, прошла свой путь развития от получения первых впечатлений до осознания факта собственного бытия? Был способ проверить это.

— Назови мне свое имя, — хрипло произнес капитан в коммуникатор шлема, автоматически настроившийся на частоту принятого секунду назад сигнала.

Шелест невольно напрягся в ожидании ответа.

— Меня зовут Охотник[13].

Охотник. Не имя собственное, а абстрактный собирательный образ. Понятие, ставшее уникальным среди сообщества узкоспециализированных машин.

Следующий вопрос, такой же взвешенный, продуманный, как и первый:

— Почему ты обратился ко мне?

— Тебе грозило уничтожение. — Один из манипуляторов «Фалангера» изогнулся, указывая на тусклый свет монитора информационной системы.

В этот момент Рауль сделал выбор.

Он шагнул вперед.

Пройдя мимо сумеречной, хранящей неподвижность фигуры, Шелест взглянул на монитор и понял, что тот соединен с немногочисленными датчиками «Нибелунга», уцелевшими после катастрофической посадки.

Один из видеосенсоров показывал верхнюю площадку аппарели, демонстрируя край выжженного люка и четкие, легко узнаваемые контуры « LDL-55».

Но сканеры не зафиксировали активных сигналов в данном месте!

— Три сервомеханизма. Засада. Выход из энергосберегающего режима для « LDL-55» составляет четыре секунды, — прозвучало в коммуникаторе гермошлема лаконичное пояснение.

Все ясно. Раулю не нужно было втолковывать дважды. «Пятьдесят пятые» знали, что на борту, кроме «Фалангера», находится человек. Неясным оставалось одно — каким образом примитивные лазерные боты сумели просчитать логику человека, определив точный путь отступления?

А что тут сложного? — внезапно подумалось ему. — *Для них выход через аппарель — единственный очевидный путь. Да и маскировка в энергосберегающем режиме известный тактический прием.*

Он обернулся, еще раз окинув пристальным взглядом сумеречный

контур серв-машины.

Никто не мог предугадать подобного развития событий. Здесь и сейчас все известные критерии и нормы теряли смысл, по крайней мере в субъективном понимании капитана Шелеста. Возможно, на необъятных просторах Обитаемой Галактики уже имели место подобные прецеденты, но Рауль не был осведомлен о них.

— Сколько раз ты встречался с людьми, Охотник?

Он лишь однажды встречался с Человеком.

С тех пор минули века, но память машины не потеряла ни единого байта информации о событии, изменившем его существование.

Он не знал имени пилота, неудачно посадившего «Нибелунг» на поверхность древней станции, да и видел его лишь мельком.

Суть не в этом. К моменту неожиданной встречи кибернетический рассудок боевой машины уже прошел стадию трудного младенчества: он в полной мере вкусил все превратности борьбы за существование в условиях полного забвения, энергетического голода и постоянной угрозы со стороны многочисленных групп вражеских сервомеханизмов, разрушивших станцию.

Человек…

Он покинул станцию спустя несколько минут после катастрофической посадки, оставив за кормой индивидуальной спасательной капсулы мрачное, наводящее ужас сооружение, вероятно даже не догадываясь, что до смерти напугавшая его серв-машина стоит, провожая взглядом единственного функционального видеосенсора исчезающую во мраке космоса точку.

Охотник понимал главное: он встретил одного из тех существ, кто когда-то спроектировал его, *сотворил*, дав право развиваться, познавая мир… Человек пришел из окружающей станцию бездны пространства и вновь растворился в ней, оставив своим созданиям самое ценное: практически неиссякаемый источник энергии.

И вот перед ним вновь стоит Человек.

Сложнейшая кибернетическая система серв-машины не могла верно истолковать причины, по которым он пришел вновь.

За века у машины выработался свой взгляд на мир, который, как и у любого мыслящего существа, неизбежно страдал субъективностью восприятия.

Для сознания, сформированного реалиями мрачного, затерянного в космосе микромира, в данный момент был очевиден факт: рядом с ним стоит один из Создателей, только что спасший его от неизбежного

разрушения.

Две тонкие нити сознания соприкоснулись в киберпространстве.

Рауль был вынужден рискнуть, подключив импланты, — только прямой контакт с кибернетической системой мог дать однозначный ответ на массу возникших вопросов. Учитывая полнейший цейтнот, для принятия оперативных решений подходил лишь такой способ мгновенного обмена данными.

Он был потрясен.

Машина, как бы далеко ни зашло ее саморазвитие, не может лгать, но все равно в первый момент Шелест с трудом поверил, что на этой *свалке* среди постоянной ожесточенной борьбы на носителях *боевой* серв-машины возможно формирование рассудка, научившегося мечтать.

Мечты Охотника были просты и бесхитростны — получив в свое распоряжение энергию силовой установки «Нибелунга», он мысленно видоизменил царящий вокруг хаос, выстроил в своем сознании иную реальность, которую намеревался создать наяву.

Машина, разработанная для разрушения, мечтала строить, созидать, сознание, зародившееся среди искореженных конструкций, выработало свой идеал, эталон совершенства… и Рауль на миг увидел его — огромный сверкающий шар, сфероид, построенный из обломков не нужной никому станции, самодостаточный электрономеханический мир, где нет энергетического голода, а механизмы не истребляют друг друга в борьбе за *выживание*.

Утопия.

Прекрасная мечта, обреченная стать баррикадой, попытки созидания, разбитые яростными атаками примитивных, неспособных изменить свои программные функции сервомеханизмов.

Решай, капитан.

Рядом с ним возвышалось мыслящее существо, облаченное в формы боевой серв-машины. Он узнал о существовании Охотника всего пару минут назад, но, учитывая особенности мнемонической связи, этого времени с избытком хватило на получение исчерпывающих доказательств его разумности.

С одной стороны, Шелест понимал, что должен уйти, сохранив существующее положение вещей, тем более что работающие сканеры «Нибелунга» указывали: пробоина в носовой части корабля не контролируется лазерными ботами.

Никто не осудит его. Судьба одной конкретно взятой кибернетической системы ничто на фоне общей доктрины безопасности, которая не

подразумевала никаких исключений из правил. Все кибернетические механизмы, сохранившие функциональность со времен Первой Галактической, подлежат уничтожению. Это аксиома.

Что говорить о «Фалангере», когда бытовые андроиды системы «Хьюго-БД12», обладающие тремя степенями программной свободы[14], во многих мирах были признаны потенциально опасными — их обладателям вменялось в обязанность хранить раритетные механизмы в отключенном состоянии.

Охотник не мог понять внутренней борьбы, происходящей в сознании капитана Шелеста. Он ничего не знал ни о сообществе Обитаемых Миров, ни о законах, предписывающих Раулю исполнить свой долг: любым доступным способом уничтожить боевую кибернетическую форму.

Именно так. Действием либо бездействием поставить точку в многовековой борьбе, медленном взрослении электронного рассудка, перечеркнуть последнюю надежду на осуществление мечты, все еще теплящуюся в искусственных нейросетях…

Сумеречная, покрытая шрамами, лишившаяся всего бортового вооружения машина, уже неспособная отбиваться от атак «LDL-55», но еще не утратившая трепетного, сформированного в сознании лишь по обрывочным документальным свидетельствам отношения к людям как к своим *создателям*, всколыхнула в рассудке Рауля настоящую бурю противоречивых чувств.

Так судьба внезапно и однозначно ставит нас перед выбором: исполнить приказ, равнодушно пройти мимо либо вмешаться, зная, что тебя никогда не поймут?

Боевой офицер, уничтоживший не одну сотню машин, почему он стоял в жутковатой, неоправданно затянувшейся моральной паузе?

Ну, какое по большому счету ему дело до дышащей на ладан киберсистемы, обломка прошлого, до которого не сегодня так завтра доберутся не наделенные даже минимумом интеллекта лазерные боты?

Вообразил себя богом, капитан? Купился титулом *создателя!*

Нет. Скорее почувствовал себя палачом.

Он слишком остро ощущал в мыслях Охотника именно те чувства, которые мы называем тоской и безысходностью. Оказывается, у машины, перешагнувшей определенные рамки саморазвития, некоторые ощущения благодаря логическому прогнозированию ситуации приобретают статус окончательности.

Охотник знал, ему не выстоять в противоборстве с « LDL-55». Их

оказалось слишком много; до появления «Нибелунга» благодаря исполинским размерам станции он не встречал и десятой части от реального количества боевых сервомеханизмов, которые потянулись к рухнувшему кораблю, как только их сканеры зафиксировали появление нового источника энергии.

Волны…

Свинцово-серые волны, сокрушительный прибой, разбивший небольшой анклав идущих дорогой саморазвития «Одиночек». Они защищали не столько реактор «Нибелунга», сколько *мечту,* свое понятие прекрасного — необыкновенный с любой точки зрения проект возрождения древней станции, разработанный не ради каких-то далеко идущих программных целей войны. Как сложен должен быть процесс саморазвития, чтобы первичные программы уничтожения оказались отодвинуты на второй план, а затем и вовсе стерты народившимся сознанием. Бесконечное, бессмысленное разрушение, что несли сотни « LDL-55», стало наглядным уроком: Охотник и подобные ему серв-машины познали всю полноту *бессмысленности* подобной конфронтации, которая не вела ни к чему, кроме взаимного истребления.

Однако реальность не оставила им выбора. С лазерными ботами невозможно было вступить в диалог, договориться — в системах примитивных, но смертоносных машин все образцы боевой техники Земного Альянса были четко распределены по типам потенциальной угрозы и обозначены не иначе как «цель».

В Обитаемой Галактике война давно стала достоянием истории, но тут, на затерянной в глубинах космоса полуразрушенной станции, она *не заканчивалась,* и небольшому анклаву серв-машин, которым руководил Охотник, оставалось лишь одно — стоять до последнего, обороняя наспех сооруженные рубежи.

От полного немедленного уничтожения их спасал лишь жесткий энергетический голод, который испытывали « LDL-55», да собственная мощь. Истратив резерв накопителей, шагающие лазеры отступали, исчезая в мрачных недрах станции, с тем чтобы появиться вновь, иногда спустя месяц, а бывало, и год… Для машин время — понятие второстепенное. Охотник знал: они не оставят попыток овладеть реактором «Нибелунга», и потому не решался приступать к реализации грандиозного проекта реконструкции — есть ли смысл строить, когда понимаешь, что неизбежно грядет новая волна разрушения?

Ему оставалось ждать, благо столетия не ощущались им как вечность.

Однако у любой истории есть свой финал.

Операция по зачистке станции группой капитана Шелеста волею судьбы совпала с окончанием затянувшейся на века драмы.

Во время предыдущей массированной атаки « LDL-55» прорвали периметр, подобравшись вплотную к штурмовому носителю.

Рауль видел следы схватки, в которой уцелел лишь Охотник. Тогда шагающим лазерам не удалось проникнуть на борт корабля — в который раз израсходовав драгоценный запас энергии, они были вынуждены отступить, скрыться до той поры, пока их истощенные накопители не восстановят растраченный потенциал.

У Охотника практически угасла *мечта.*

На смену пришло новое чувство, медленно вызревшее в сознании: он испытывал тоску, понимая, что обречен, одновременно переживая безвозвратную утрату своих собратьев.

Вот откуда шли глобальные, подавляющие разум эманации скорби, настигшие Рауля в тот момент, когда он поднимался по наклонному тоннелю, пробитому лазерными установками в обшивке «Нибелунга».

Капитану не составляло труда понять и четко представить, *как это было…*

Он вновь взглянул на фигуру Охотника, остро осознавая, что за несколько минут прожил вместе с ним *столетия,* впитал всю горечь трудной, оказавшейся бессмысленной борьбы, почувствовал глухую ярость обреченности, когда « LDL-55» сумели взломать обшивку станции внутри защитного периметра, и острую, граничащую не то с безумием, не то с глобальным программным сбоем *радость,* когда сквозь уродливую пробоину на борт корабля поднялся ЧЕЛОВЕК.

Он был другим. Не испуганным до потери сознания, как пилот, бросивший «Нибелунг» и бежавший на спасательной капсуле: Охотник увидел иного создателя, приписав воле Рауля руководство той мощью, что ударила с низких орбит по прорвавшимся лазерным ботам.

В его призыве было все — отчаяние, радость, желание предупредить о грубой, но эффективной засаде, устроенной подле изуродованной аппарели, и одновременно простой, не несущий подвоха расчет *машины:* откликнувшись на призыв, Человек не только спасет себя — он уничтожит « LDL-55», вычисливших последнее прибежище фактически безоружной серв-машины.

В его понимании для Человека смахнуть со своего пути пять сервомеханизмов не составит никакого труда.

Смесь глубоких, практически невероятных для киберсистемы чувств с прямолинейной логикой.

Так кто ты, капитан? Создатель, палач или…

Человек.

Человек, слишком много отдавший уничтожению кибернетических систем, глубоко понимающий разницу между устройством примитивного шагающего лазера и искусственной нейросетью Охотника.

Майор Олсби с удовольствием поставит крест на твоей карьере, Рауль, — шепнул внутренний голос. — *Ему не понять твоих чувств и мотивов. Он лишь засвидетельствует факт.*

Все верно. Ричард никогда не вдавался в тонкости возникающих по ходу операций проблем. Для него важен конечный результат…

— « LDL-55» заканчивают процесс подзарядки накопителей, — прозвучала в сознании Рауля фраза Охотника. — Овладев реакторным отсеком, они начнут планомерное прочесывание корабля. Ты должен уходить. Их слишком много. Пусть твой план исполнится до конца. Я смогу сковывать их внимание до момента взрыва.

Шелеста по спине продрал короткий озноб. *Он все понял? Ну, конечно, — видеосенсоры внутренней системы наблюдения… Он видел, как я закладывал взрывные устройства в реакторном отсеке.*

— Мое имя Рауль, — ответил ему капитан.

— Уходи, — голос звучал в сознании Шелеста глухо, но твердо. — Пусть тех, кто не успеет к взрыву, поглотит мрак. Они чистое механическое зло. Твой командир будет доволен. Это правильное решение.

— Командир?! — удивленно переспросил Шелест.

— Ты мыслишь слишком громко, — пояснил Охотник источник своей осведомленности. — Его имя «координатор».

— Сэр, еще одна группа «LDL-55» движется в направлении «Нибелунга»! Сканеры фиксируют пятнадцать сигналов.

Майор Олсби лишь молча кивнул, давая знать, что видит новые засечки в голографической сфере объемного радара.

Он никак не мог отделаться от въедливого ощущения, что «пятьдесят пятых» штампуют в мрачных глубинах древней станции. За истекшие четверть часа в район падения «Нибелунга» проследовала седьмая по счету группа сервомеханизмов. Теперь, по приблизительным оценкам, их количество достигло шестидесяти единиц — точную цифру не брался предсказать никто. Поле обломков, накрывшее штурмовой носитель, не позволяло вести прямое сканирование интересующей области.

Координатор угрюмо следил за показаниями приборов.

Час двадцать до взрыва.

В голове вертелась мысль: еще не поздно вновь активизировать

действия, послать под этот треклятый «зонтик» штурмовые группы кибермеханизмов, но что, если Рауль заложил заряды и сейчас выдвигается к точке эвакуации?

Полная неопределенность относительно судьбы капитана Шелеста действовала на нервы, заставляя ждать. Людей туда посылать нельзя, однозначно. Слишком велик риск обстрела штурмовых модулей. Двухсотмегаваттные подвижные лазерные установки способны поражать тяжелобронированные цели на дистанции прямой видимости, а произвести высадку «за горизонтом» и затем продвигаться к «Нибелунгу» в режиме вязкой зачистки не позволяло время. Знать бы — запущены таймеры взрывных устройств или нет?

Ситуация патовая. Выдвигать людей или технику под угрозу ядерного взрыва? Он еще не спятил для отдачи подобных приказов. Значит, остается одно — ждать, понимая, что через час десять минут «борт 2057» будет вынужден уйти в гиперпространство…

— Сэр, сканеры фиксируют фрагменты машинного кода, переданного на радиочастотах Флота Колоний. « LDL-55» ведут интенсивный обмен данными. Учитывая скорость их передвижения, можно предположить, что в районе «Нибелунга» в данный момент сосредоточиваются сервомеханизмы со всей станции.

— Выходит, они уже на борту?

— По логике — да. Видимо, часть машин получила доступ к зарядным устройствам реакторного отсека. Они оповестили по сети остальных.

Муравейник. Механический муравейник. С ума сойти — минуло тысячелетие после окончания войны, а они продолжают функционировать.

В тактический отсек вошел лейтенант Земцов.

Сейчас будет требовать повторной высадки, — неприязненно подумал Олсби.

— Все не так просто, Охотник. Я сам принимаю решения. — Рауль понимал, что поздно упрекать себя за «слишком громкие мысли» — импланты следовало отключить, но сделанного уже не вернешь.

— Их слишком много, Рауль. «LDL-55» поддерживают локальную сеть обмена данными. Сейчас в окрестностях «Нибелунга» концентрируются все сервомеханизмы, обитающие на станции.

— Тем хуже для них. Если уходить, то вместе. В носовой части есть резервная аппарель.

— Нет. — Ответ Охотника прозвучал категорично.

— Объясни, почему? Ты уже не боевая машина…

— Я не хочу *медленной смерти*. Взрыв реактора уничтожит не только «LDL-55». Вместе с силовой установкой я потеряю источник собственного существования. Больше не будет мечты. Меня поглотит холод и мрак. У вас это называется «голодной смертью».

— А твой собственный реактор?

— Он давно истощен. Запас активного вещества не возобновлялся последние четыреста лет. Пока был функционален Ремонтник, он переоснастил всех накопителями, снятыми с шагающих излучателей, но они недостаточно мощны. Я существую лишь благодаря возможности постоянной беспрепятственной подзарядки.

Шелест некоторое время размышлял над очередной проблемой.

— Есть еще один вариант, — наконец произнес он. — Я извлекаю твое ядро, оболочка «Фалангера» останется тут, но…

— Нет.

Вторичное отрицание прозвучало, как упрямство, но Охотник тут же пояснил:

— Я достаточно услышал, чтобы понять отношение людей к машинам, сохранившимся после прошлой войны. Мой мир тут.

— Разве саморазрушение не входит в список запретных действий?

— В данном случае нет. Я буду спасать твою жизнь. « LDL-55» уже окружают корабль. Их много, они голодны и ищут способ быстрее проникнуть внутрь.

— Они смогут взломать резервную аппарель?

— Исходя из моего опыта — да. Это мало что даст им в практическом плане — нос корабля высоко приподнят над поверхностью станции, но, если ты будешь медлить, они сконцентрируются подле резервного подъемника и отрежут единственный путь отхода.

Их диалог, проходящий на уровне обмена данными между имплантами капитана Шелеста и коммуникационной системой «Фалангера», отнял ничтожный отрезок времени, но Рауль успел перебрать и отвергнуть с десяток вариантов собственных действий.

Он не мог опровергнуть умозаключения Охотника, по крайней мере в той части, что касалась его дальнейшей судьбы.

Уходи, капитан. Еще не поздно. Он прикроет отход.

Мерзкий червячок сомнения, блуждающий меж древних инстинктов, пытающийся сыграть на них ради спасения себя самого.

Шелест вдруг вспомнил величественную арку, сиротливо возвышающуюся среди расчищенной под строительство площадки. Вспомнил, как взгляд, проходя сквозь проем, упирался в исковерканные

обломки.

Миллионы людей, взглянув на «Фалангер», увидели бы опасный, хорошо узнаваемый облик чудовищной серв-машины. Шелест был одним из немногих, чей взгляд мог проникнуть за оболочку, постигая суть.

— Слушай меня внимательно, Охотник, — произнес Рауль, принимая окончательное решение. — Тебе придется заново строить арку. Без этого не обойтись.

«Фалангер» вдруг резко повернул свой покрытый многочисленными шрамами торс, словно взгляд немногих уцелевших видеодатчиков мог помочь ему в понимании сказанного.

— Что ты задумал, Человек?

— Я не твой создатель, и, к сожалению, мы — не боги. — Шелест произнес эту фразу, мысленно затаптывая того червячка, что ползал внутри. — Я действительно подготовил реактор к взрыву, и теперь у нас осталось всего шестьдесят четыре минуты, чтобы перенести заряд в другое место.

— Зачем? Почему ты не хочешь уйти?

— Поймешь. Надеюсь, что поймешь…

Шелест не успел окончить фразу — Охотник вновь резко развернул торс и произнес:

— Поздно. Они идут.

Поле обломков, поднятых с поверхности станции бортовым залпом, по-прежнему сохраняло свою плотность, не давая сканирующим комплексам ясно отслеживать события, происходящие в районе «Нибелунга».

На связь с тактическим отсеком вышел старший вахтенный офицер.

— Сэр, — обратился он к Олсби, — мы должны начать маневр для выхода из гравитационного поля станции. Иначе мы не сможем осуществить гиперпространственный переход.

Майор мучительно посмотрел на экран, но тут же отвел взгляд от картины хаотично сталкивающихся обломков.

— Да, я понимаю. Действуйте…

— Мы бросаем командира?! — Лейтенант Земцов рванулся к креслу координатора, но сзади в него вцепились Кирсанов и Римор.

Майор побледнел, вскочив на ноги.

— *Я никого не бросал там!* — задыхаясь от гнева, выкрикнул Олсби. — Осталось пятьдесят минут до взрыва! Ты хочешь, чтобы эти обломки, как шрапнель, ударили по кораблю?!

— К Фрайгу взрывы, майор! — На губах Земцова выступила пена. Два дежурных офицера повисли на нем, едва удерживая лейтенанта от

совершения должностного преступления. — Дай мне десантный модуль!

— Я послал на станцию индивидуальную капсулу! Все! Еще слово, лейтенант, и я отдам тебя под трибунал!

В этот момент легкий толчок заставил всех пошатнуться.

«Борт 2057» включил установки маневровой тяги, разворачиваясь в сторону открытого космоса. Земцов внезапно перестал вырываться.

— Ты сам пойдешь под трибунал, майор, если командир не выберется оттуда, — сипло произнес он.

Олсби не смог или не нашелся что ответить.

Лейтенант Земцов вышел из тактического модуля в состоянии бешенства, не сказав больше ни слова.

Олсби дрожащей рукой коснулся сенсора связи.

— Дежурный? Как старший офицер корабля, я приказываю перекрыть до особого распоряжения доступ к стартовой палубе! Исполняйте!

Обернувшись, майор окинул мутным взглядом бледные лица двух лейтенантов.

— Сейчас я напишу рапорт по факту нападения на старшего офицера. Вы согласны выступить свидетелями?

— Если капитан Шелест погибнет, это будет следствием вашего приказа, господин майор, — глухо ответил ему Кирсанов.

— Какого приказа?! — Казалось, Олсби сейчас хватит удар.

— Приказа комплексам «Прайд» открыть огонь из электромагнитных вакуумных орудий главного калибра.

— Значит, вы отказываетесь свидетельствовать против Земцова?

— Мы работали, — произнес лейтенант Римор. — И ничего не видели. Тактический отсек не оснащен видеозаписывающей аппаратурой.

— Убирайтесь отсюда. Оба.

— Извините, сэр, но мы вынуждены остаться. — Кирсанов вернулся к своему рабочему месту. — Операция еще не завершена. Она не может считаться завершенной до выяснения судьбы капитана Шелеста. Вероятно, вы случайный человек на флоте, если не понимаете этого.

Плавное ускорение заставило Олсби вцепиться побелевшими пальцами в спинку своего кресла.

Борт задействовал двигатели маршевой тяги, уходя в точку гиперпространственного перехода.

— Хорошо. Продолжаем работать. Я разберусь с вами по возвращении на базу, не сомневайтесь.

Несмотря на ничтожную гравитацию, поступь «LDL-55» отдавалась в каждой переборке штурмового носителя. Их ступоходы, идеально

приспособленные для сцепления с любой металлокомпозитной поверхностью, наполняли корабль ритмичной вибрацией.

— Есть две истины, Охотник, — мысленно произнес Рауль, затащив в отсек уже переставшие искрить корпуса уничтоженных сервомеханизмов. — Во-первых, надежда всегда умирает последней. Пока ты не опустил руки, всегда есть шанс выбраться из любой передряги. — Он вскрыл технический кожух и вытащил треснувший шар программно-аппаратного ядра «LDL-55». — Так, это нам не понадобится. — Шелест быстро, со знанием дела убрал ненужные детали, вытащил поврежденный блок сервомоторов, отсоединил поворотную платформу вместе со ступоходами, оставив в корпусе лишь излучатель, систему накачки и наполовину разряженные накопители энергии. — Во-вторых, добро должно быть с зубами, — изрек он, оттолкнувшись от пола. Низкая гравитация позволила ему подняться в плавном прыжке до уровня бокового оружейного пилона серв-машины, где изначально крепился блок вращающихся стволов стопятидесятимиллиметровых магнитно-импульсных орудий.

— Я не понимаю смысла твоих фраз.

— Быстро, поддержи меня манипулятором!

Один из пяти гибких сервоприводов изогнулся, без усилия удерживая фигуру в бронескафандре на высоте десяти метров от пола.

— Никогда не теряй надежды и дерись до последнего, если на тебя напали, — ответил Рауль на вопрос Охотника. — Подумай об этом на досуге. В нашем мире нет чистых понятий — жизнь проходит между крайностями. Так… — Рауль отыскал взглядом свободные разъемы энерговодов и гнездо, куда подключался оптический кабель, соединявший систему «Фалангера» с блоком точного наведений орудий.

Хвала унифицированным разъемам. Питание и управляющий интерфейс подключились к гнездам оружейного пилона.

— Тестовый сигнал?

— Есть.

— Охвати корпус излучателя свободными манипуляторами. Прижми его к пилону и зафиксируй.

Рокот шагов нарастал. Вибрация приближалась, к ритму поступи теперь добавились удары — это « LDL-55» взламывали отсек за отсеком.

— Быстрее. Отпусти меня. Нужно успеть закрепить второй лазер.

Охотник повиновался. Он был потрясен. При всех преимуществах кибернетической системы он только что почувствовал, сколь велика пропасть между образом мышления человека и его собственным. Шелест за минуту сделал то, до чего не додумался ни он сам, ни Ремонтник. Как

остро он испытывал хроническую нехватку боеприпасов к баллистическим системам вооружений, чем только не снаряжались его орудия, вплоть до самодельных капсул, начиненных обыкновенными болтами…

Он чувствовал, что оживает. И не потому, что снова мог вступить в бой, нет — Охотник перестал воспринимать пустоту киберпространства, рядом с ним вновь находился единомышленник, способный общаться с ним, походя щедро открывая неизвестные *загадочные* истины, которые еще предстояло осмыслить, постичь…

Так что тогда абсолют?

Мысли, невольно подслушанные Охотником, или тот факт, что человек принял его как равного себе, остался, невзирая на смертельный риск?

Я сам принимаю решения…

Мы разные…

Вот где скрыто превосходство создавших его существ — их разум гибок, как манипулятор, но среди прочего Охотник чувствовал: в рассудке человека есть понятия, которые крепки и прямы, как стержень.

— Будь самим собой. Не комплексуй, — будто услышав его мысли, откликнулся Шелест, заканчивавший подключение второй лазерной установки. — Давай, сейчас ты должен показать лучшие боевые качества «Одиночки». Ты ведь не уничтожил боевые программы, Охотник?

— Нет.

— Тогда включайся! Работаем. Обмен данными постоянный на частоте моих имплантов. Мы должны координировать действия, коридоры корабля слишком узки. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Вполне.

— Тест?

— Полная активация всех систем. Устройства накачки лазерных установок функционируют исправно. Я готов.

Вибрация переборок угрожающе приблизилась и вдруг прекратилась, зато на поверхности мощных модульных ворот внезапно появилось малиновое пятно раскаляющегося металла.

Все. Лимит времени на подготовку исчерпан. « LDL-55» добрались до ангара, осуществляя планомерную зачистку захваченного корабля.

Капитан взглянул на датчик времени. До взрыва реактора оставалось сорок восемь минут.

В немом ожидании уходили секунды.

Раскаленное пятно ширилось, вот уже внутрь ангара посыпались мелкие, раскаленные, гаснущие на лету частицы сплава.

Рассудок Рауля полностью перешел на уровень восприятия киберпространства, и он прекрасно различал пять сервомеханизмов: два были заняты резкой ворот, два, развернувшись в разные стороны, контролировали тоннель, еще один оставался в резерве.

В сравнении с системой сканирования «Фалангера» кибермодули Шелеста оказались намного совершеннее. Удивляться не приходилось, в данном случае давало о себе знать тысячелетие прогресса.

Приготовься, — мысленно передал он Охотнику.

Им не было нужды распределять роли и вырабатывать план совместных действий. Система независимого поведения, на базе которой развивалось сознание Охотника, изначально была спроектирована для прямого нейросенсорного контакта с рассудком человека. Разница заключалась лишь в ином принципе связи — вместо оптического кабеля нейросенсорного шунта, подключаемого к стандартному импланту, сейчас использовались устройства беспроводной передачи данных.

Для Охотника возможность увидеть мир глазами человека, а затем погрузиться вместе с его рассудком в киберпространство стала еще одним потрясением.

Поначалу он поразился нечеткости, ограниченности человеческого зрения: взгляд Рауля различал в красноватом сумраке лишь контуры предметов, но затем, в момент включения сканирующих кибермодулей, привычный мир цифровых образов предстал перед ним в совершенно ином объеме.

Если собственные датчики позволяли Охотнику фиксировать лишь нагрев материала ворот и различать группу сигналов по ту сторону металлокомпозитных преград, то импланты Шелеста транслировали ему совершенно иную картину окружающего: в момент их включения материал переборок приобрел полупрозрачность, за ними четко обозначились контуры отдельных сервомеханизмов, внутри которых пульсировали по две разветвленные, окрашенные в разные тона системы — энергетическая и информационная.

Само восприятие не являлось безграничным, оно затухало в перспективе, но эффективного радиуса сканирования было более чем достаточно для четкого видения обстановки и принятия адекватных тактических решений.

Рауль припал на одно колено, получив при этом дополнительный упор, — все механические суставы боевого скафандра имели сложную структуру, кроме состава «хамелеон» их покрывал дополнительный молекулярный слой, обеспечивающий надежное сцепление с любой

металлокомпозитной поверхностью.

Материал ворот в районе мощного электромеханического замка уже перешел в иное агрегатное состояние — он стал мягким, почти текучим, и Шелест не преминул воспользоваться этим обстоятельством.

Подняв руку, он активировал закрепленный поверх брони ОРК.

Прямое мнемоническое программирование боевых частей трех тактических ракет заняло доли секунды, и в следующий миг сумрак ангара осветила вспышка запуска.

Реактивные снаряды прошли сквозь размягченный материал ворот, не отреагировав на слабое сопротивление, — строенный взрыв полыхнул уже в коридоре, кумулятивные компоненты боеголовок отработали вхолостую, зато шрапнельная начинка в виде сотен титановых шариков, рассчитанных на поражение обшивки быстро-летящих воздушных или космических целей, произвела убийственный эффект, превратив пять сервомеханизмов в изрешеченную груду обломков.

Охотник, не теряя времени, выдвинулся вперед, выдавливая не успевшую остыть деформированную преграду.

Шаги тяжелой серв-машины отдались по всему кораблю — его ритмичную поступь нельзя было спутать ни с чем, и Рауль прекрасно понимал: « LDL-55» сейчас получили недвусмысленное указание к действию.

«Фалангер» уже выдавил ворота и вышел в магистральный коридор, под его ступоходами, словно фольга, сминались фрагменты уничтоженных сервомеханизмов, переборки «Нибелунга» дрожали, виртуальное пространство полнилось информационными потоками — это «пятьдесят пятые» координировали свои действия в рамках созданной ими локальной сети.

Центр. Шелест прекрасно понимал, что одна из машин выполняет функцию сервера, иначе информационное единение теряло эффективность. Десятки сервомеханизмов не могли поддерживать прямой контакт друг с другом, им мешали множественные экранирующие поверхности, но, только действуя сообща, они представляли реальную угрозу.

Держи коридор.

Охотник замер, чуть согнув ступоходы и накренив рубку с таким расчетом, чтобы под вероятный удар попадал наименее пострадавший участок лобового ската брони.

Шелест уже поднялся к своду тоннеля, где имелся технический люк.

В следующий миг киберпространство озарилось первыми разрядами энергии — это в магистральный коридор ворвались два сервомеханизма, но

Охотник не дал им ни единого шанса. Благодаря прямой связи с имплантами Рауля он зафиксировал приближение «пятьдесят пятых», когда те находились еще вне пределов прямой видимости, встретив их появление точными, уничтожающими разрядами когерентного излучения.

Шелест почувствовал, как заработал автоматически подключившийся модуль подавления помех, искажения начали сглаживаться, система боевого скафандра гасила деформации, удерживая модель компьютерного видения в определенных рамках.

Сеть.

Он ощущал пульсацию информационных потоков — основное количество сервомеханизмов в данный момент находилось вне корабля, но они стремительно приближались к «Нибелунгу», подтягиваясь со всех сторон.

Технический люк наконец поддался его усилиям, уходя вверх и в сторону на телескопических шарнирных опорах.

По моей команде, Охотник… Ты должен уничтожить всех, кто находится на борту. Дождись, пока я сгоню их в плотную группу.

«Фалангер» ответил коротким подтверждающим кодом. В тесном тоннеле становилось жарко — снизу по своеобразному пандусу, который успели соорудить « LDL-55», на широкую предшлюзовую площадку ворвалось не менее десятка сервомеханизмов.

Рауль покинул борт, выбравшись на внешнюю обшивку штурмового носителя.

Ощущение информационных потоков резко обострилось, теперь он зримо фиксировал сеть, анализируя ее структуру.

Есть.

Один сервер и пять ретрансляторов. Все правильно, управляющий атакой механизм находился на почтительном удалении от места схватки.

Разум Шелеста уже не воспринимал реальность, он слился с информационным потоком, потянулся к центру сети, одновременно задействовав адаптационные и криптографические модули, которые воспроизводили машинный код « LDL-55».

Вокруг полыхал неистовый огонь.

Казалось, что холодное пламя закручивает пространство вокруг Рауля в тугую, похожую на смерч воронку.

Он взламывал систему командного сервомеханизма, полностью погрузившись в мир электронных образов, не воспринимая реальных событий, — стоило ему отвлечься хотя бы на долю секунды, и все усилия пропадут всуе.

Что-то мешало.

Болезненные ощущения рвались сквозь мнемонические блоки, тело стремилось напомнить о себе, но рассудок находился вне физической оболочки, он был там — среди сумасшедшей скорости обмена данными, в самом центре виртуальной паутины.

Перехват управления…

Глобальная команда: назначена новая точка сбора.

Действия по достижению — деактивация.

Подтверждение высшего командного приоритета.

Охотник — пошел!..

Он возвращался.

Тело встретило рассудок тугим ударом болезненных ощущений, перед глазами поплыли радужные круги, но Рауль не мог позволить себе поддаться этому восприятию.

Боли нет.

Есть только цель.

Он выхватил оба «гервета», наводя оружие по данным сканирования.

Разум защищался от всепоглощающей боли, он заставил мускулы действовать, уподобил их механизмам боевого скафандра, стер различия между плотью и сталью ради единственного действия — уничтожить командный центр «пятьдесят пятых».

Две длинные очереди настигли расположившийся в полукилометре от «Нибелунга» сервомеханизм.

Киберпространство взорвалось — информационные потоки сети вдруг начали распадаться на отдельные, уже не связанные между собой фрагменты.

Рауль пошатнулся.

Истощенный рассудок более не мог сопротивляться реальности.

Он открыл глаза.

Рядом рдели медленно остывающие потеки расплавленной попаданиями лазерных разрядов брони.

Он стоял, опираясь на одно колено. Попытка пошевелиться вызвала жгучую волну боли и ощущение неисправности в приводах механических усилителей мускулатуры.

Шелест медленно посмотрел на свои руки, потом взгляд переместился к правому бедру, где явственно пульсировал источник боли.

Дыра.

Прожженную насквозь броню затягивало нежно-зеленое сияние суспензорной защиты — микрогенераторы поля были встроены в каждый

сегмент боевого скафандра в качестве последней чрезвычайной меры, предохраняющей бойца от мгновенной декомпрессии при критическом повреждении экипировки.

Рауль собрал все силы, чтобы повернуться. Часть приводов бронескафандра действительно не функционировала, нога не ощущалась как часть тела, словно стала чужой.

Я должен… спуститься вниз.

Он не спустился, а плавно упал в отверстие технического люка, оказавшись в темном, изуродованном до неузнаваемости коридоре.

Впереди, ярко освещая мрак оплавленного тоннеля, сверкали вспышки когерентного излучения.

Оставшиеся без централизованного управления «LDL-55», сконцентрированные на ограниченном пространстве, пытались поодиночке атаковать Охотника, занявшего позицию внутри исковерканного шлюза.

Рауль тяжело привалился к стене.

Сознание стремилось покинуть тело, улизнуть в черноту беспамятства.

Нет.

Он ощущал, как система жизнеобеспечения борется с ранением.

Значит, буду жить… — промелькнула сторонняя, будто не принадлежащая ему мысль.

Собрав всю волю, он пополз на яркий свет лазерных вспышек, понимая, что энергоресурс Охотника слишком мал для уничтожения всех скопившихся подле изувеченной аппарели «пятьдесят пятых».

Все закончилось спустя двадцать минут.

Броня «Фалангера» еще светилась язвами ожогов, он едва мог двигаться из-за критической потери энергии.

Мы победили их, Рауль… — Казалось, что Охотник не до конца верит в свершившийся факт. Столетия противостояния, обреченность последнего периода существования и ощущение *опустошенности* после последней решающей схватки — эти чувства, смешавшись воедино, искали свое место в новом мироощущении…

Ты поврежден.

Шелест с усилием кивнул.

Охотник не знал многих слов из человеческого лексикона.

Ему еще многое предстояло узнать, но прежде…

— Ты должен добраться до реакторного отсека. Я, как видишь, не смогу этого сделать. Введи код деактивации. У нас осталось мало времени.

— Я все сделаю.

— Это не все, Охотник. Нужно действовать быстро. Ты снимешь заряды и перенесешь их в район арки. — Рауль находился в тяжелейшем состоянии, напряжение виртуальной схватки, ранение и последующий бой отняли у него все силы. Сейчас даже пошевелиться казалось ему немыслимым усилием. Он мог только думать, отдавая Охотнику недвусмысленные приказы: — Ты разместишь заряды в указанном месте. Туда же сбросишь отработанное активное вещество своего реактора. После этого вновь включишь таймер с теми же значениями и вернешься на борт. Необходимо передислоцировать «Нибелунг» до взрыва. Справишься?

— Да. Я понял твой замысел. Только… не отключайся.

— Обещаю… — Губы Рауля тронула едва заметная болезненная улыбка.

Все же он не ошибся в Охотнике. Тот был достоин жить и созидать. Даже вопреки грозным законам Конфедерации.

Любое правило все-таки оставляет место для исключения.

Поднять «Нибелунг» посредством основной силовой установки не представлялось возможным — подавляющая часть систем бывшего штурмового носителя давно вышла из строя, но Охотник справился с этой технической проблемой. Низкая, стремящаяся к нулевым значениям гравитация и обилие металла в конструкциях станции позволили поднять изувеченный корабль над поверхностью при помощи электромагнитной подушки.

Модуль «Одиночка» еще на стадии проектирования разрабатывался как универсальная система с равными возможностями использования в качестве основного управляющего компонента для различных видов планетарной и аэрокосмической техники, поэтому Охотнику не потребовалась помощь Рауля в реализации последней части разработанного им плана.

Капитан Шелест едва воспринимал окружающее. Ему казалось, что он бредит, когда «Нибелунг» с судорожной вибрацией вырвался из плена деформированных при посадке сегментов обшивки станции и медленно, беззвучно поплыл над поверхностью древней конструкции.

Таймер на установленных подле арки зарядах начал отсчет последних десяти минут перед взрывом.

«Борт 2057» вернулся в метрику трехмерного космоса спустя четверть часа после погружения в гиперсферу и снова взял курс на древнее сооружение.

Майор Олсби включил систему объемного сканирования. Входящие в комплекс оптические умножители уже демонстрировали в сфере

голографической проекции, как клубятся над точкой дислокации «Нибелунга» новые облака обломков, среди которых, медленно вращаясь от столкновений с другими объектами, плыла оплавившаяся, но узнаваемая арка…

— Анализ радиоактивности! — приказал он лейтенанту Кирсанову.

— Сканеры подтверждают радиоактивность обломков.

Значит, Щелесту удалось подорвать злополучный штурмовой носитель.

— Всем сканирующим комплексам — режим поиска сигнала спасательной капсулы. Как только будет получен пеленг, меняем курс и идем к точке подбора!

Над близким, изломанным контурами надстроек горизонтом станции царили яркие россыпи немигающих звезд.

Охотник, сбросив ненужные теперь лазерные установки, бережно прижимал к своему исполинскому корпусу хрупкое человеческое тело.

Он нес самое драгоценное из всего, что дарила ему судьба.

Жизнь человека. Жизнь друга.

Тонкий, ясно различимый сигнал радиомаяка спасательной капсулы приближался с каждым шагом исполинской серв-машины, и вместе с этим близилась минута расставания.

Рауль временами приходил в сознание, и тогда они обменивались короткими мыслями.

Вот и замкнулся очередной круг трудного саморазвития искусственной нейросети. Охотник предчувствовал, как станет снедать его одиночество.

— Не все так плохо… — коснулась его сознания мысль Рауля. — Ты сможешь воплотить свою мечту.

Верхний сегмент спасательной капсулы открылся, обнажая противоперегрузочную систему ложемента. Охотник с большим трудом бережно опустил тело капитана Шелеста внутрь спасательного аппарата.

— Да. Теперь я смогу строить. И думать о тебе.

В бесхитростности Охотника прозвучала горечь.

Внешний сегмент уже почти закрылся, когда он услышал последнюю адресованную ему мысль, посланную имплантами Рауля.

— Я вернусь, Охотник. *Обязательно вернусь.*

В тактическом отсеке малого крейсера внезапно заработал предупреждающий сигнал.

— Есть устойчивый опознавательный сигнал! Это спасательная капсула!

— Где она?

— Движется! Стартовала несколько минут назад.

— Следите за ее траекторией!

Все внимание офицеров сосредоточилось на показаниях следящих за перемещением капсулы локационных систем, поэтому никто из них не видел одинокую фигуру Охотника, провожающего взглядом видеосенсоров крохотную, исчезающую во мраке космоса звездочку.

Часть вторая. СУМЕРКИ СОЗНАНИЯ

Глава 6

Планета Эрес. Три года спустя

Вот и закончилась зима…

Мысли сегодня казались чистыми, звонкими, как ручьи талых вод, питающих озеро, расположенное в центре котловины.

— Дядя Рауль! Доброе утро!

Шелест обернулся. На крыльце небольшого двухэтажного домика стоял восьмилетний мальчуган, в чертах детского лица читался неподдельный восторг. Для него наступило еще одно безмятежное утро, а впереди — долгий, сулящий массу новых впечатлений день.

Губы Рауля тронула невольная улыбка.

Племянник гостил у него второй день. Смышленый любознательный малыш.

— Действительно доброе, Сережа, — ответил он и тут же добавил нарочито суровым тоном: — Бегом умываться. И обязательно надень куртку, когда будешь выходить на улицу.

— А ты покажешь мне большого кота?

— Потом. Сейчас к ним нельзя. Все, марш в дом, пока не простудился.

— Я быстро, дядя Рауль!

Шелест поднялся на крыльцо, прошел по террасе, смахнув ночной иней с небольшого столика. Завтракать он предпочитал на свежем воздухе.

Сережа, как и обещал, появился скоро — не прошло и пяти минут, как он, одетый в специально приобретенный для этой поездки горный костюм (чем несказанно гордился), уже сидел за столом, уплетая за обе щеки походный завтрак из саморазогревающейся упаковки.

Ему нравился дядя Шелест, и вообще все окружающее вызывало восторг. Чего стоил один ночной перелет на флайботе от космопорта до затерянного в горах на краю огромной котловины домика! Ночью он почти не смог разглядеть окрестности, зато теперь вертел головой во все стороны.

— Вау!.. — Мальчуган замер, не донеся ложки до рта.

Буквально в сотне метров от дома на самом краю обрыва застыл древний летательный аппарат.

Шелест, проследив за взглядом племянника, вполне обоснованно подумал, что сегодня ему предстоит ответить на множество вопросов.

— Дядя Рауль… Это *настоящий истребитель?*

— Настоящий, — кивнул Рауль, взглядом напоминая, что ложку все-таки следует донести до рта. — АКИ[15] системы «Гепард», — пояснил он. — Ты ведь проходил в школе историю?

— Да.

— Тогда доедай, и мы сходим к нему.

Истребитель действительно был старым. Его обшивка потемнела, местами бронеплиты покрывали шрамы от попаданий лазерных лучей или снарядов вакуумных орудий. Со стороны он выглядел словно усталая птица, сложившая крылья на краю обрыва.

Более тысячи лет назад он совершил аварийную посадку на небольшое горное плато, царящее над глубокой котловиной (полуразрушенным кратером, как считали планетографы).

Именно здесь, на каменистой, продуваемой всеми ветрами площадке, подле древней машины, защищенной от воздействия внешней среды прозрачным полусферическим колпаком, располагался символический вход на территорию национального заповедника планеты Эрес, где Рауль Шелест, отставной капитан Военно-космических сил Конфедерации Солнц, третий год занимал должность главного смотрителя.

Эту работу ему нашли друзья, договорившись с администрацией заповедника еще в тот период, когда Рауль находился в госпитале, на Элио.

Он никому не объяснял причины, по которой написал рапорт об отставке. Официальной версией его досрочного ухода из флота являлось тяжелейшее ранение, но в век высоких технологий врачи уверенно прочили ему возвращение в строй — они действительно поставили капитана на ноги, имплантировав ему искусственную тазобедренную кость, однако Рауль все же решил расстаться со службой.

Никто, даже близкие друзья, так и не узнал, что на самом деле произошло с Шелестом во время последней боевой операции.

— А почему он стоит здесь, дядя Рауль? — Сережа завороженно смотрел на древний аэрокосмический истребитель, застывший на краю обрыва.

— Ты, наверное, слышал об Антоне Вербицком, первом президенте планеты Элио?

— Да. Нам рассказывали о нем в школе.

— Это его машина. Когда Земной Альянс начал войну с колониями, он был молодым пилотом, защищавшим свою планету. Вербицкий хорошо сражался, и ему доверили провести испытание новой модели истребителя, которую только начали производить автоматические подземные заводы

планеты Дабог.

— Его сбили? — с замиранием сердца спросил Сережа, которому еще не верилось, что можно вот так запросто соприкоснуться с самой Историей…

— Здесь, на орбите Эреса, он принял неравный бой с целой эскадрильей «Фантомов», — ответил Рауль. — Сначала они дрались в космосе, потом в атмосфере. Вербицкий был ранен, но все же сумел посадить истребитель на маленькое горное плато. Он даже не подозревал, что своей вынужденной посадкой вторично открыл эту планету с ее уникальной историей.

— Я знаю, ты говоришь про скармов, да? Больших умных котов, которые живут там, — племянник обернулся, указывая на глубокую котловину, над которой плавали густые, похожие на облачность пласты белого тумана.

— Да, Сережа.

— А почему к ним нельзя спуститься? Рауль чуть помедлил с ответом.

— Понимаешь, наступила весна. У них недавно появились котята.

— Ладно, дядя Рауль, я же не маленький. — Сережа лукаво улыбнулся. — А откуда взялись первые скармы? — тут же задал он новый вопрос.

— Ты у нас в каком классе учишься?

— В третьем.

— А кроме истории что вам преподают?

— Ну, разные предметы. Основы кибернетических технологий. Экзобиологию там, генетику… — Голос Сергея сразу поскучнел, видимо, ему был вовсе не по душе разговор о школе.

— Ну, ладно, тогда слушай. — Шелест мысленно определил время, отметив, что до контрольного обхода у него осталось всего пятнадцать минут. — Я расскажу тебе начало истории, а ее окончание ты прочитаешь сам, договорились?

— Ладно.

Сережа слушал рассказ Рауля затаив дыхание.

Это было совсем не похоже на скучный урок истории. Наверное, потому, что рядом возвышалось прямое свидетельство далеких событий — мальчик украдкой поглядывал то в сторону накрытого защитным колпаком «Гепарда», то в сторону котловины, которую по-прежнему укрывали густые пласты туманных испарений.

…История появления эреснийских скармов уходила своими корнями в далекую эпоху Великого Исхода, когда сотни колониальных транспортов

покидали Солнечную систему, унося на своем борту по триста тысяч погруженных в низкотемпературный сон колонистов.

Малоизученная в ту пору гиперсфера прихотливо разбросала огромные человеческие корабли в пределах спирального рукава Галактики. Далеко не все покинувшие Землю люди нашли свою новую родину — многим не суждено было очнуться от объятий ледяного сна. По данным официальной статистики, лишь одна десятая часть от общего числа подготовленных экипажей сумела вывести доверенные им корабли из аномалии космоса в метрику трехмерного континуума.

О судьбе «невозвращенцев» можно лишь догадываться, но и тем, кто сумел покинуть аномалию, пришлось нелегко — как правило, точка выхода в трехмерный космос не поддавалась счислению посредством имевшейся в то время аппаратуры.

О райских планетах, обещанных колонистам в качестве новой родины, не приходилось и говорить — вокруг простирался холодный, равнодушный космос, и затерявшимся в его глубинах, отчаявшимся первопроходцам приходилось искать в себе остатки мужества, чтобы не только признать чудовищный обман, но и найти выход из создавшейся ситуации.

А он был один: разведка.

Колониальные транспорты, как правило, оставались дрейфовать в точке выхода, посылая малые разведывательные корабли к звездным системам, расположенным в радиусе нескольких световых месяцев полета.

Сережа, внимательно слушавший Рауля, вдруг перебил его рассказ:

— А я знаю, нашу главную планету заселили люди с колониального транспорта «Кривич»! Когда мы с мамой были на Элио, нас возили на экскурсию к месту посадки!

— Верно. На Элио сел именно «Кривич», но прежде кораблю пришлось два месяца дрейфовать в открытом космосе. Понимаешь, Сережа, вокруг точки выхода расположены четыре звездные системы, но люди ведь не знали, есть ли там планеты и можно ли на них жить. Поэтому они послали в каждую из систем по небольшому разведывательному кораблю.

— А почему они не выбрали Эрес?

— Так получилось, что разведывательный корабль совершил посадку на соседней планете. Капитан неудачно выбрал объект для исследования, ошибся, и в результате произошла катастрофа — люди оказались в зоне извержения вулкана, часть экипажа погибла, и только троим удалось вырваться оттуда на спасательном модуле.

— И они оказались здесь?

— Да. Они совершили вынужденную посадку на Эрес. Долгое время об их судьбе ничего не знали, пока во время войны Антон Вербицкий не оказался тут и не нашел дом, построенный из корпуса отделяемого космического аппарата.

Шелест на минуту умолк, давая Сереже небольшую передышку.

Пора было идти, утренний обход территории никто не отменял, поэтому Рауль, вместо того чтобы продолжить рассказ, сходил в дом и принес мальчику тонкий компьютерный планшет.

— Что это такое, дядя Рауль? — заинтересованно спросил племянник.

— Здесь электронная копия записей дневника, который нашел Вербицкий.

— Это грустная история, да?

— Почитай. Ты уже достаточно взрослый, чтобы понять — ничья жизнь не вечна, а вот грустный или счастливый конец у этой истории, решать тебе самому.

— Ладно. — Сережа был явно польщен той серьезностью, с которой отнесся к нему дядя Рауль.

— Давай договоримся, я сейчас ненадолго отлучусь, а ты за это время прочитаешь дневник, хорошо?

Мальчик кивнул. Ему уже не терпелось начать чтение.

Первоначально дневник Курта Серхенсона представлял собой фрагменты нетленного пластика с вырезанными на них записями. Его оригинал хранился сейчас в национальном музее планеты Элио, а для туристов, посещающих Эреснийский заповедник, была сделана электронная копия.

Сережа проводил взглядом Рауля, который каждое утро производил контроль расположенных по периметру котловины охранных устройств заповедной зоны, и принялся за чтение.

«*24 июля 2236 года.*

Я остался один.

Сегодня, спустя три десятилетия после того, как судьба закинула нас на эту планету, я впервые почувствовал, что такое настоящая безысходность.

Оля умерла тихо, во сне. Я похоронил ее во дворе, рядом с Уго Ургеймом.

Грустно, что никто не сделает этого со мной.

27 июля.

Перечитал вырезанную накануне запись и понял, что глупо будет провести свои последние дни в черной депрессии… В конце концов, улетая

с Земли, мы надеялись отыскать планету, на которой смогли бы начать новую жизнь, без сонмища пороков, разъедающих цивилизацию.

Мне шестьдесят лет, тридцать из которых я прожил на девственной планете, чем-то похожей на Землю, рядом со мной была любимая женщина, так что мне действительно грех жаловаться на судьбу.

К тому же мы оставили тут заметный след, который, я надеюсь, не сгинет вместе с нами, а переживет века…

Я не стану тратить отпущенное мне время на изложение былого… В конечном итоге вся наша жизнь, с катастрофы разведывательного корабля на соседней планете этой системы и практически до последних дней, описана Ольгой в бортовом журнале аварийного модуля. Там все ее мысли, собранные нами научные данные, оценки той катастрофы и т.д.

В данный момент меня волнует вовсе не халатность Уго Ургейма, приведшая к катастрофе, и не наши с Ольгой переживания. Все это уже в прошлом. Сейчас меня заботят те, кто остается тут как живое свидетельство нашего присутствия на планете.

Речь пойдет о котах.

Первые годы, сразу после посадки, мы не помышляли ни о чем подобном.

Мы с Ольгой боролись за выживание. Строили этот Дом, исследовали биосферу планеты, методом проб и ошибок составляли рацион питания, очищали воду, добывали энергию.

Потом, после нескольких мучительных и напряженных лет, жизнь постепенно вошла в накатанную колею, мы выжили, освоились, наладили быт, появилось свободное время, интересы, развлечения, надежды и мечты…

Единственное, чего мы себе не могли позволить, — это иметь детей. Мы долго обсуждали между собой данный вопрос, пока не пришли к общему мнению, что не имеем права произвести потомство, обреченное на деградацию. Дело в том, что большая часть аппаратуры и запасов модуля были безвозвратно утрачены или серьезно повреждены при жесткой посадке. Единственный аппарат эмбрионального клонирования и связанный с ним лабораторный комплекс не в состоянии поддержать популяцию людей на уровне, который бы позволил избежать браков между нашими прямыми потомками. Приблизительные расчеты показали, что при подобных условиях уже в третьем поколении неизбежно начинается вырождение генофонда и, как следствие, — постепенная физическая и умственная деградация…

Ни один нормальный человек не пожелает подобной судьбы своим

детям.

И все же нам было крайне тоскливо в окружении чуждой природы, застывшей на уровне господства земноводных ящеров. Я уже не помню, когда в голову Ольге пришла мысль о том, чтобы в соответствии с нашими возможностями использовать часть уцелевших эмбрионов из обязательного запаса, которым комплектуется каждый разведывательный модуль, и вырастить домашних животных.

Мы остановили свой выбор на котах. Оля часто говорила, что мечтает иметь маленького пушистого котенка, и в конце концов мы решились.

Первый опыт оказался удачным. Мы вырастили несколько пар, получив от них здоровое потомство и свежий материал для эмбрионального клонирования. Наши маленькие питомцы быстро освоились и вскоре уже свободно разгуливали не только по дому, но и по окрестностям. Некоторые из них постепенно одичали, и с этого, собственно говоря, начались неприятности.

На наших питомцев началась форменная охота со стороны населяющих котловину рептилий. Был период, когда едва ли не каждый день мы с Ольгой находили в окрестностях дома клочья шерсти и останки незадачливых и любопытных по своей природе котов.

Нам ничего не оставалось, как держать их взаперти дома или в специальных клетках во дворе, но это уже не могло решить проблему в принципе. Кошки регулярно приносили потомство, некоторые ухитрялись сбегать из заключения, в общем, процесс их воспроизводства вышел из-под нашего контроля. По ночам окрестности оглашали демонические вопли рептилий, которые, казалось, сползаются сюда со всей котловины. Моя жена плакала, я был в растерянности, и в нас обоих копилась ненависть к обнаглевшим ящерам.

Хуже того, наш запас патронов к имевшемуся стрелковому оружию стремительно таял, и очень скоро мы должны были встать перед дилеммой: либо ящеры раз и навсегда оставят в покое наше жилище, либо мы будем вынуждены отбиваться от них камнями и палками…

Именно тогда мне пришла в голову мысль попытаться изменить программы клонирования так, чтобы наши питомцы смогли не только постоять за себя, но и защитить нас.

Несколько месяцев мы с Ольгой не вылезали из развернутой дома лаборатории, пока спустя полгода отчаянных усилий из аппарата биологической реконструкции не вышел первый Котенок — пишу это слово с большой буквы. Он имел коричневато-рыжий окрас и был размером с хорошую сторожевую овчарку.

Так начала свою жизнь популяция этих удивительных, ласковых, преданных и в то же время сильных, независимых животных, навсегда избавивших нас от проблем противостояния с окружающей природой. Они очень быстро расселились по котловине, заметно сдвинув ее природный баланс в свою пользу, и мы некоторое время серьезно опасались, что произойдут необратимые изменения, ящеры исчезнут, а наши питомцы попросту перемрут от голода, но, к счастью, этого не произошло. Постепенно они заполнили часть высвободившейся экологической ниши, равновесие восстановилось, и все вернулось на круги своя, как только численность их популяции застыла на отметке тридцати-сорока особей.

Последующие за этим годы, наверное, можно назвать самым счастливым периодом в нашей жизни.

Коты перебрались жить в лес, но несколько особей по какому-то их взаимному согласию постоянно находились у нас дома, периодически сменяя друг друга. Остальные тоже не распались на пары или мелкие группы, а по непонятной нам причине обосновались в одном месте, километрах в двадцати от нашего холма, почти у самого края болот. Конечно, случилось это не сразу — прошло не менее пяти-шести лет, пока не установился описанный мною порядок вещей.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в лесах сменилось уже два поколения котов. С течением времени мы стали замечать достаточно странные и удивительные явления. Не знаю, что сыграло решающую роль: изменение программ клонирования, породившее случайную мутацию, или же пропорциональное увеличение объема головного мозга и без того сообразительных домашних животных, но в последние годы они демонстрируют нам явные признаки пробуждающегося разума…

12 января 2237 года.

Теперь я уже не сомневаюсь — они принимают меня за бога. Со дня смерти Ольги прошло полгода, и за это время ни один из них не пересек границу нашего забора. Словно на человеческое жилье наложено табу.

Я совсем одряхлел, старость навалилась как-то внезапно, без предупреждения. Наверное, виной всему одиночество. Уже несколько месяцев я не отхожу от дома дальше полукилометра, и наши питомцы исправно носят мне свежее мясо. В моей помощи они давно не нуждаются. Сильные, гордые, грациозные — на них приятно смотреть. Между нами нет никакого отчуждения, просто никто из них уже не вбежит в дом и не уткнется в колени холодным, мокрым носом. Создается ощущение, что они продолжают любить меня, но на почтительном расстоянии.

В них, без сомнения, присутствует первобытный разум, иначе как

объяснить странные узоры из начисто обглоданных черепов различных зверюшек, которые они регулярно выкладывают подле забора? Забавно и грустно смотреть на их занятие. Я все чаще задумываюсь: каким будет их дальнейшее развитие? Смогут ли они перешагнуть черту примитивного идолопоклонничества и развиваться дальше?..»

На этом заканчивался фрагмент дневника.

Сережа еще некоторое время сидел, прокручивая в воображении туманные образы, вызванные фантазией из далекого прошлого, потом отложил электронный планшет и встал, почувствовав, что стало жарко.

Утреннее солнце уже поднялось достаточно высоко, оно ощутимо пригревало, туман над огромной котловиной начал таять, редеть, открывая взгляду расположенный внизу лесной массив и болотистую низменность, постепенно переходящую в озерную гладь.

Где-то там, на краю болот, где небольшая скальная гряда выходила к каменистому пляжу, в пещерах у озера жили скармы.

Дядя Рауль обязательно покажет их мне. Он обещал, — подумал мальчик, непроизвольно вслушиваясь в странный, зародившийся где-то у горизонта звук.

Не придав значения постороннему шуму, он направился в дом, чтобы положить электронный планшет и снять слишком теплую одежду.

Шелест неторопливо шел по узкой, петляющей меж огромных каменных глыб тропинке.

Утренний воздух нес покой, свежесть, день обещал быть теплым и солнечным, однако в душе, под воздействием разговора с племянником, всколыхнулись мысли о прошлом.

Грех было жаловаться на судьбу, но не давало покоя одно незавершенное дело, данное, но до сих пор не исполненное обещание…

Вот и первая станция климатического контроля.

Рауль присел подле приборного комплекса, быстро проверил все показания датчиков и, убедившись, что аппаратура работает исправно, мысленно переключился на волну мнемонической связи.

Несколькими мгновениями позже автоматически заработал браслет кибстека[16], проецируя голографическое изображение скарма.

— Доброе утро, Рауль.

— Привет, Флай. Как дела?

Черная шерсть вожака прайда лоснилась, под ней зримо перекатывались мощные мускулы. В прищуре зеленых глаз читалось осмысленное выражение.

— Один из моих котят сегодня открыл глаза. Он впервые взглянул на мир.

— Я вижу, ты доволен.

Флай склонил голову и зевнул, показав розовое небо и белоснежные острые клыки.

Конечно, он гордился своим потомством.

— Когда прилетят биологи? Рауль усмехнулся. Не терпится ему.

— Ты же знаешь правила. Котята должны подрасти. Придется потерпеть еще недельку.

В разговоре человека и скарма не присутствовало никакой мистики. Они общались на уровне передачи мысленных образов, которые принимали и транслировали кибернетические модули имплантов. Собственно, Шелест смог занять должность главного смотрителя заповедника именно благодаря своим мнемоническим способностям. В его нейромодулях всего лишь сменили настройку передатчиков и добавили базы данных, содержащие расшифровку основных мысленных образов, наиболее характерных для мышления скармов. Импланты, позволяющие общение на мысленном уровне, теперь вживлялись каждому котенку, достигшему трехнедельного возраста.

Десять лет назад это являлось смелым экспериментом, но сейчас уже перешло в разряд привычной практики…

За истекшие три года Рауль успел искренне привязаться к этим удивительным существам, сочетающим в себе огромную физическую силу, кошачью грацию, способность к абстрактному мышлению и непреходящую, закрепленную на генетическом уровне любовь к людям.

Голографическая проекция медленно растаяла в воздухе.

Короткий разговор с вожаком прайда вновь разбудил воспоминания об Охотнике.

Шагая по узкой тропе, Рауль пытался представить, чем тот занят, о чем думает, как *живет*, — как и к скармам, Шелест не мог применить к нему термин «существует».

Мысли тревожили душу.

Рауль понимал, рано или поздно чувство невыполненного долга заставит его бросить все и искать способ, чтобы добраться до всеми забытого кладбища кораблей, расположенного в секторе Окраины, несмотря на ряд объективных трудностей, до сих пор не позволивших ему выполнить данное три года назад обещание.

Во-первых, он не знал точных координат дрейфующей в космосе станции, в памяти держалась лишь одна зацепка — колония системы Треул

и время, затраченное на гиперсферный прыжок.

Во-вторых, Шелест всегда трезво оценивал свои возможности: на данный момент у него не было ни корабля, ни достаточной суммы денег для осуществления поиска иголки в стоге сена.

Конечно, точные координаты станции хранились в базах данных штаба флота, но ему нечем мотивировать такого рода запрос, на который он вряд ли получит ответ, лишь разбудит ненужные подозрения. Оставались нелегальные каналы добычи информации, но действовать по ним ему претило.

Правильные, логичные мысли.

Вот только беда — хрупкие они. Нет в душе настоящего покоя, когда смотришь на окружающие тебя красоты, а перед глазами, накладываясь на реальность, встает иная картина: вечный мрак, холод, вздыбленный, искореженный металл конструкций, режущие вспышки лазерных разрядов в теснине коридора…

Охотник мечтал хотя бы раз увидеть любую из сотен обитаемых планет.

Нереально все это, — в который раз с досадой подумал Рауль. — *Разве что предложить ему виртуальный экскурс*.

Здесь закончилась зима, пригрело весеннее солнышко, а там царит вечный холод и мрак, хотя Охотнику все равно…

Шелест с трудом совмещал в своем сознании два понятия — наличие разума и неживая механическая оболочка.

Тонкая нить, протянутая из прошлого в грядущее, новый вид мыслящих существ, самостоятельно осознавших факт собственного существования, с этим нужно считаться, проблему следует признать, но кто хотя бы вскользь упоминает о ней?

Никто. А ведь Охотник не уникум. В его положении после войны оказались тысячи машин. Значит, где-то существуют и другие развившиеся до уровня самосознания кибернетические системы.

Рауль не знал многого. Очень многого. Обитаемая Галактика слишком велика, чтобы отставной капитан мог уследить за всеми происходящими среди сообщества миров процессами, особенно когда их не стремятся афишировать, иначе он бы не мучил себя осмыслением неразрешимой проблемы.

Но у каждого свой путь, своя судьба, и если ему не давала покоя память, рано или поздно он найдет способ вновь встретиться с кибернетическим механизмом, ставшим силой обстоятельств его братом по оружию…

Уже заканчивая ежедневный обход территории, Шелест ощутил легкое беспокойство. Не настолько сильное, чтобы точно определить его источник, но достаточно назойливое, причем не мимолетное, а постоянное…

Он остановился, медленно повернул голову, одновременно прикрыв глаза, сосредоточившись на внутреннем восприятии окружающего.

После службы он долго привыкал к *тишине*, царящей в виртуальном пространстве Эреса. Со временем Шелест не только привык, но научился ценить ее.

Дело в том, что должность главного смотрителя заповедника являлась далеко не синекурой, как могло показаться вначале. Уникальная популяция скармов привлекала к себе внимание не только туристов, биологов и семантиков. К сожалению, существовали люди, которые рассматривали скармов как экзотических животных, способных принести прибыль на черных рынках экзо-биологических форм. Руководство заповедника называло таких людей браконьерами, в понятиях Шелеста для них имелось более грубое, но верное определение.

Конечно, никто из этих подонков не помышлял о том, чтобы выкрасть с Эреса взрослую особь. Скармы были способны постоять за себя, поэтому целью браконьеров, как правило, становились котята.

Несколько десятилетий назад данная проблема стояла очень остро, и правительству Элио пришлось пойти на беспрецедентный шаг, разместив на орбитах Эреса сеть автоматических станций, фиксирующих любой космический корабль, появившийся в системе без предварительного согласования с руководством заповедника.

И тем не менее попытки проникновения на Эрес не прекращались, хотя их количество резко сократилось.

Тишина.

Редкие сигналы от комплексов климатического контроля да обмен данными между звеньями орбитальной группировки давно воспринимались Шелестом как фон — так опытный егерь вслушивается в невнятный шум леса, ожидая, не хрустнет ли ветка под ногой незваного пришельца.

Хрустнула.

Неосознанное чувство тревоги оказалось не напрасным: импланты четко зафиксировали тепловые контуры четырех человек, появившихся среди скал.

Браконьеры.

Рауль не шелохнулся. Он продолжал слушать, в надежде уловить их

разговор, но расстояние было слишком велико, а коммуникаторами они не пользовались — опасались привлечь внимание.

Спустя минуту пристального сканирования у него не осталось и тени сомнения относительно намерений незваных гостей. Те были вооружены и экипированы что называется «по полной программе». Неясным оставалось одно — как смогли они проскочить мимо станций контроля, не потревожив ни один сенсор?

Связавшись с орбитальной группировкой, Шелест отдал команду на детальное сканирование окрестностей. Если системы слежения станций прохлопали корабль браконьеров, то пусть хотя бы обнаружат место его посадки.

Отдав инструкции автоматике, Рауль перешел на волну мнемонической связи.

Флай, уводи прайд.

Перед мысленным взором Шелеста возник образ скарма.

Что случилось? — не выказывая тревоги, задал тот встречный вопрос.

Браконьеры, — коротко осведомил его Рауль.

Плохие люди?

Да Они пришли за твоим потомством.

Я их встречу.

Не смей. Уводи прайд.

Почему?

Потому что они не станут вступать с тобой в честную схватку. Перестреляют издалека всех взрослых. Уходите. Я сам разберусь с ними.

Глаза Флая блеснули неприкрытым бешенством.

Я уведу прайд, — внезапно уступил он.

Молодец. Это мудрое решение. Я свяжусь с тобой, когда опасность минует.

Четверка браконьеров не теряла времени. Пока Рауль отдавал инструкции, они успели начать спуск в котловину, используя альпинистское снаряжение.

Уже на бегу Шелест включил коммуникатор кибстека.

На вызов долго не отвечали. Наконец на том конце связи раздался детский голос:

— Да?

— Сережа, мне придется немного задержаться. Иди в дом, запри двери и никому не открывай, ты меня понял?

— Да, дядя Рауль. А что случилось?

— Потом расскажу. Пообедаешь без меня. Я еще позвоню тебе,

договорились?

— Хорошо.

На орбитах Эреса сеть спутников, связанных со станциями контроля, тщетно пыталась обнаружить корабль пришельцев. Сканирующие комплексы, способные рассмотреть каждый камушек на поверхности планеты, отчетливо фиксировали людей, но доставивший их корабль как будто провалился сквозь землю.

Может, так оно и есть? — подумал Рауль, преодолевая крутой подъем горной тропы. Котловину окружала целая горная страна, изрезанная многочисленными ущельями, но посадить космический корабль в узкий разлом с коварной геометрией поверхностей способен лишь очень опытный пилот.

Или автоматика, — мысленно поправил себя Шелест.

Вот и место спуска. Вниз вдоль отвесной стены уходили тонкие нити мономолекулярных тросов. Рауль осторожно приблизился к краю обрыва, лег на живот и подтянулся, заглядывая в пропасть.

Внизу, на небольшой площадке, от которой уже без труда можно было спуститься к лесной опушке, присев на корточки, затаился человек. Его экипировка, камуфлированная в соответствии с местностью, делала фигуру браконьера фактически неприметной на фоне окружающего рельефа. Все внимание пришельца было направлено в сторону леса, под сенью которого скрылись трое его товарищей. Ствол укороченного импульсного автомата смотрел в ту же сторону.

Мгновенное сканирование показало, что датчики тревожной сигнализации на площадке не установлены.

По совокупности фактов в рассудке Шелеста уже начал формироваться некий собирательный психологический образ пришельцев: они, без сомнения, были людьми решительными, не обремененными тяжестью моральных принципов, далеко не дилетанты, но и не стопроцентные профи — полагаются на собственное чутье и силы, пренебрегая элементарными средствами электронной зашиты, опасная разновидность зверя в человеческом облике.

Продолжая наблюдать, Рауль достал оружие.

Импульсный пистолет с пятизарядной обоймой являлся жалкой пародией на боевые модификации. Он снаряжался микроинъекторами с парализующим составом, рассчитанным на усмирение крупных звероящеров, до сих пор обитающих в котловине.

Предсказать степень их воздействия на человеческий организм было сложно, но в данной ситуации выбирать не приходилось — действовать

следовало без промедления.

Шелест еще немного подался вперед — с высоты трехсот метров фигурка человека, затаившаяся среди обломков скал, являлась трудной мишенью. Не зная, как подействует парализующий состав, он должен был попасть браконьеру в правое предплечье, чтобы гарантированно выключить руку. В любом случае ампула, рассчитанная для стрельбы по звероящерам, глубоко войдет в мышцу, вызвав болевой шок. Пока пришелец сообразит, откуда последовал выстрел, Рауль рассчитывал преодолеть трехсотметровый спуск, благо на тросах остались резервные карабины с устройством скольжения и тормозящим блоком.

Он прицелился, используя свою способность к компьютерному видению, но, прежде чем палец коснулся сенсора огня, сидевший неподвижно человек вдруг встрепенулся, будто кто-то невидимый толкнул его в бок, и, резко перекатившись на спину, дал короткую неприцельную очередь.

Сферические пули с ноющим визгом ударили в камень, высекая искры и уходя в рикошет, ни одна из них не задела Шелеста, но направление стрельбы было верным. Учитывая, что стрелявший за секунду до этого даже не полагал, что наверху появился противник, такая реакция выглядела более чем загадочно.

Все произошло так внезапно, что Рауль едва ощутил слабое возмущение киберпространства; лишь произведя три выстрела и зафиксировав, как конвульсивно дернулось тело браконьера, он мысленно вернулся к мимолетному чувству и понял, что кто-то предупредил его противника.

Как? Посредством коммуникатора? Он анализировал произошедшее, одновременно начиная головокружительный спуск вниз вдоль отвесной скалы. Впрочем, для Шелеста подобные упражнения давно утратили пугающую остроту ощущений — что такое триста метров при надежной страховке для человека, совершившего не один десяток прыжков с орбиты?

Как он и полагал, парализующий состав не подействовал — здоровенный детина, бессвязно ругаясь, уже вставал на ноги, одной рукой инстинктивно зажимая кровоточащую рану на правом плече. Импульсный автомат лежал метрах в трех от него — дотянуться не успеет, разве что в прыжке, но нет, с хриплым выдохом оторвав окровавленную ладонь от раны, он ринулся на Рауля.

Капитан уклонился от атаки, пропустив мимо себя потерявшего ориентацию противника, и вырубил его коротким, точно рассчитанным ударом, направленным чуть ниже затылка.

Рыжеволосый детина моментально обмяк, его ноги подкосились, и, по инерции ударившись о скалу, он мешковато осел на землю.

Шелест рывком перевернул его, вытащил из нагрудного кармана камуфлированной куртки коммуникатор, снял с пояса бласт-подсумок с запасными обоймами и элементами питания к «шторму», затем, мельком взглянув на рану, прыснул на нее антисептическим кровоостанавливающим спреем из баллончика и только после этого быстро, профессионально связал браконьера, оставив «отдыхать» под сенью скалы.

Сканирование схемы коммуникатора отняло у Шелеста пару секунд. Он не ошибся, вызов был, но частота, на которой пришло предупреждение, попросту не могла эффективно работать в условиях горного рельефа.

Если только второй наблюдатель не расположился в пределах прямой видимости.

Эта мысль заставила его поторопиться. Подобрав автомат, он бегом кинулся к лесу.

Оказавшись под спасительной сенью разлапистых древесных крон, Рауль чуть убавил темп, перейдя на быстрый шаг.

Связавшись со станциями наблюдения, он с удивлением и некоторым замешательством обнаружил, что ни один сенсор не зафиксировал короткий сеанс связи.

В мистические явления Шелест не верил. Однако найти разумное объяснение происходящему с точки зрения здравого смысла пока не получалось. Корабль, доставивший браконьеров на поверхность Эреса, не обнаружен. Источник сигнала не зафиксирован. Конечно, такое вполне возможно при применении последних моделей антисканирующих боевых систем, но откуда бы им взяться у браконьеров? Комплексы, о которых подумал Рауль, стоили не один миллион кредитов. Есть ли смысл рисковать подобным оборудованием ради обыкновенной бандитской вылазки?

Не найдя приемлемого ответа, он связался через киб-стек с центральным офисом заповедника.

Коротко доложив о случившемся, он передал координаты места, откуда следовало забрать раненого.

— Соблюдайте осторожность на подлете. Там, вероятно, затаился еще один наблюдатель.

— Не волнуйся, справимся, — заверил его начальник службы охраны. — Ты сам как?

— Нормально. Веду преследование. Флай согласился увести прайд в безопасное место, так что справлюсь. У меня только одна просьба — отрядить пару человек ко мне домой. Там мой племянник.

— Сделаем. Может, все-таки направить к озеру группу поддержки?

— Не нужно. Флайбот только спугнет браконьеров, потом придется прочесывать весь лесной массив в их поисках.

— Ну, смотри, Шелест.

— Все, до связи.

Отключив коммуникатор, он снова перешел с шага на бег.

До озера оставалось три километра. Браконьерам наверняка известно точное местоположение пещер, где весной и осенью обитал прайд.

Рауль хорошо знал район. За три года он изучил все окрестности, и теперь у него не возникало сомнений, где именно следует искать противника.

На краю болот, у оконечности скальной гряды, располагалась очень удобная возвышенность, откуда просматривался галечный пляж и устья пещер. Шелест не сомневался — они не пройдут мимо выгодной во всех отношениях позиции, откуда можно не только осмотреть местность, но и отстрелять взрослых особей прайда. Вряд ли браконьеры решатся на открытое столкновение с взбешенными скармами, которые в период появления потомства не терпели чужаков на своей территории.

Он не ошибся.

Три человека, облаченные в камуфлированные защитные костюмы, под которыми угадывались очертания легких металлокевларовых бронежилетов, затаились за камнями: один пристально изучал пляж в электронный бинокль, двое других, вооруженные импульсными винтовками с электронно-оптическими комплексами снайперской стрельбы, контролировали устья пещер — это было заметно по легким движениям стволов оружия.

— Ничего не пойму, — наконец произнес старший, опуская электронный бинокль. — Они что, днем вообще не выходят из своих нор?

Ответом ему послужило молчание, лишь один из снайперов едва заметно пожал плечами.

— Хрень какая-то, — выругался старший. — И на связь не выйдешь, засекут.

Он отполз от валуна и начал подниматься на ноги.

Шелест, отчетливо слышавший его монолог, понял, что настал самый удобный момент для атаки. Снайперские винтовки в ближнем бою не слишком опасны, все их преимущества теряются на короткой дистанции, да и наличие бронежилетов существенно облегчало его задачу.

Главарь так и не успел полностью распрямиться — очередь «шторма», намеренно выпущенная в район живота, не пробила металлокевлар, но

швырнула браконьера назад, на землю, — он упал с сиплым болезненным выдохом и начал корчиться, хватая ртом внезапно загустевший воздух.

Оба снайпера резко обернулись, машинально вскидывая оружие, но это не помогло, Рауль стрелял без промаха — две короткие сипящие очереди выбили оружие из рук противников, заставив обоих взвыть, с ужасом глядя на свои окровавленные пальцы.

Шелест появился на краю небольшой, окруженной валунами площадки и сразу перешел к делу:

— Это было предупреждение. При малейшей несговорчивости я проявлю меньшую гуманность. — Он направил ствол «шторма» в лоб оторопевшему от неожиданности, боли и запоздалого ужаса снайперу. — Где ваш корабль?

— Да пошел ты…

Две короткие очереди повалили несговорчивого браконьера на землю.

Рауль стрелял с таким расчетом, чтобы пули прошли по касательной, лишь ободрав кожу на голове строптивого браконьера, но второй снайпер не знал о том, что его товарищ всего лишь контужен, — он видел, как брызнула кровь, а холодный презрительный взгляд Рауля красноречиво сообщил ему, кто будет следующим.

— Я… Я скажу…

— Заткнись!.. — раздался сбоку от Шелеста хриплый натужный выкрик.

Главарь браконьеров оказался крепким — несмотря на боль, он сумел дотянуться до оружия и теперь медленно поднимал ствол, целясь в Рауля.

Реакция Шелеста была мгновенной, но, опережая ее, из-за ближайшего, наполовину вросшего в землю валуна вдруг взметнулась черная тень: прыжок атакующего скарма, как правило, смертелен для жертвы, но на этот раз перед Флаем был человек, поэтому он впился зубами в руку, а не в горло.

Болезненный вскрик, похожий на короткий захлебывающийся вой, оборвался с ударом мощной мускулистой лапы — зеленые глаза вожака прайда излучали ярость, и только Раулю было понятно, что скарм не убьет поверженного врага.

Для единственного оставшегося в сознании браконьера это было вовсе не очевидно.

— Так где твой корабль? — вновь обратился к нему Шелест, успев укоризненно взглянуть на Флая и получить короткий мнемонический ответ:

Ты приказал увести прайд. Я отвел их в безопасное место.

Взгляд Рауля вновь вернулся к бледному, потерявшему всякую

ориентацию браконьеру.

— Ну?

— Я отведу… Без меня вы не найдете…

— Не пойдет, — покачал головой Шелест. Он включил кибстек, вызвав в объем голографической сферы виртуального монитора трехмерную карту местности. — Показывай, где вы совершили посадку.

— Вот тут. — Дрожащий палец прошел сквозь уплотнившийся на границах сферы воздух и указал на небольшую площадку среди скал, выше того места, где браконьеры спускались в котловину.

— Как вам удалось пройти мимо спутников слежения?

— На борту есть спецоборудование.

— Конкретнее?

— Я не знаю. Мы не видели даже пилота. Никто не выходил из рубки.

— Тогда откуда ты знаешь об оборудовании?

— Нас заверили, что корабль полностью защищен от любых систем обнаружения.

— Кто заверил?

— Я не знаю этого человека. С ним общался Борг.

— Этот? — Рауль взглядом указал на неподвижную фигуру, припечатанную к земле мощной лапой скарма.

— Да.

Он лжет, — пришла мысль Флая. — *Не говорит всего, что знает.*

Ты читаешь его мысли?

Не мысли, а запах. От него начинает разить страхом, когда он отвечает на некоторые вопросы.

Хорошо, я понял тебя. Следи за реакцией.

— Еще раз место посадки корабля!

Браконьер, сидевший понурив плечи, вздрогнул от неожиданности, но тут же поспешно указал нужную точку на карте.

— Ты действительно не видел пилота? — Нет.

Сейчас он не врет, — пришел мысленный комментарий Флая.

Рауль включил коммуникатор.

— Здесь Первый. Группа поддержки может выдвигаться. Мы с Флаем взяли их. Двоим требуется медицинская помощь.

— Понял тебя, — раздался в ответ хорошо знакомый голос начальника охраны заповедника. — Машина будет минут через пять.

— Мою просьбу выполнили?

— Да, твой племянник у нас.

Шелест почувствовал облегчение. Все это время он подсознательно

беспокоился за Сережу.

— Пусть побудет в офисе до вечера. Вы уже забрали первого задержанного?

— Его везут сюда.

— Обошлось без проблем?

— Никаких трудностей. Ты ведь сам его связывал.

— Там неподалеку место посадки их корабля, — объяснил Рауль.

— Даже так?.. Сканеры не зафиксировали его присутствия.

— Там установлено непонятное мне устройство. По крайней мере так утверждает один из браконьеров. Возможно, корабль управляется автоматически.

— Ты собираешься выяснить это?

— Естественно.

— Опять один?

— Мне не нужна помощь.

— Понимаю. Киберсистемы — это по твоей части. И все-таки, что нам делать? Вот ты уйдешь туда, связь ведь наверняка оборвется, верно?

— Да, если на борту работает мощный антисканирующий комплекс.

— Рауль, мне нужно услышать от тебя предполагаемый срок.

— В смысле?

— В прямом. Сколько времени ты намереваешься там пробыть? Когда мне начинать бить тревогу в случае твоего невозвращения?

Шелест вздохнул. Он, конечно, понимал беспокойство начальника службы безопасности, но откуда ему заранее знать, что за устройства блокируют корабль и как долго он провозится с их нейтрализацией?

— Давай не будем назначать сроков.

— Ладно… Действуй.

У горизонта уже появилась темная точка.

Флай повернул голову. Ярость в его глазах медленно угасала, вновь уступая место осмысленному выражению.

Скарму было трудно понять, почему люди делятся на хороших и плохих.

Глава 7

Горный участок заповедника планеты Эрес. Час спустя

Рауль покинул котловину, воспользовавшись оставленным браконьерами снаряжением. Чтобы не терять времени, он взял всю необходимую экипировку у прибывших на место задержания сотрудников службы безопасности.

Площадка, на которую совершил посадку загадочный корабль, располагалась за отрогами скал, в километре от того места, где браконьеры начали спуск.

Сверившись с картой, Шелест свернул на едва приметную тропу. Ее наличие он предположил заранее — в случае успеха браконьеры должны были в темпе отступить к кораблю, и карабканье по скалам никак не могло входить в их расчеты.

Собственно, тропа представляла собой русло не существующего на сегодняшний день ручья. Тысячелетиями талые воды прокладывали себе путь к котловине, постепенно вымывая наименее прочные горные породы, сглаживая острые выступы базальта, в результате чего образовалось подобие тропы, местами напоминающее узкую, промытую меж скал лестницу с отлогими, сглаженными ступенями.

Рауль продвигался медленно, соблюдая все меры предосторожности. В отсутствие, привычной защиты боевого скафандра ему приходилось полагаться лишь на собственные способности — разум Шелеста уже вошел в напряженный ритм смены восприятий, когда окружающее пространство периодически подвергалось сканированию и рассудок на короткие промежутки времени полностью погружался в виртуальную среду.

За тридцать минут он преодолел восемьсот метров подъема, так и не обнаружив характерных признаков работы энергетических систем незваного космического пришельца.

Неужели тяну пустышку?

Мысль была неприятной. На дистанции в двести метров он *должен* воспринимать хотя бы смутный энергетический отпечаток работы силовой установки, но тщетно…

Когда сканеры имплантов в очередной раз расписались в собственном бессилии, у него остался лишь один, последний, наиболее рискованный способ проверки: продолжать подъем до тех пор, пока он не увидит скрытую скалами площадку либо не пересечет границу загадочной защиты.

Впереди возвышался выветренный, покрытый трещинами фрагмент скалы, импровизированная тропа резко сужалась, огибая препятствие у самого основания.

Шелест избрал подъем по отвесной стене. Сканеры корабля наверняка следят за тем местом, где высохшее русло выходит на небольшую площадку.

Он начал медленно взбираться по стене. От использования механических приспособлений пришлось отказаться, полагаясь лишь на собственные навыки, поэтому восхождение отняло еще примерно десять минут.

Как оказалось, глыба, отколовшаяся от основного скального массива, граничила с краем площадки, на которую, по словам пленного браконьера, совершил посадку доставивший группу корабль.

Шелест в последний раз подтянулся, осторожно выглядывая поверх иззубренного края скалы.

Площадка была пуста. По крайней мере так показалось сначала, и лишь внимательно присмотревшись, Рауль понял, что воздух над ней дрожит, змеится подобием знойного марева, очерчивая периметр защитного поля.

Теперь ему стало понятно, почему сканирование не давало никаких результатов, — корабль был полностью замкнут в кокон незримой вуали, обладающей поразительными свойствами, — она принимала сканирующее излучение и изменяла его, возвращая в виде сигнала, характерного для окружающего рельефа.

Шелест с трудом мог представить себе, какими характеристиками должен обладать фильтр электронной защиты, полностью отсеивающий все данные, свидетельствующие о присутствии на площадке космического корабля, но факт оставался фактом — он *смотрел на корабль,* но видел лишь скалы, образующие задний фон, и незначительные, едва уловимые движения воздуха, которые иной наблюдатель принял бы за обычное марево, исходящее от нагревшегося камня.

Невероятно.

Даже лучшие образцы боевых маскирующих систем не давали такого эффекта на коротких дистанциях.

Скрываться не было смысла. Датчики корабля наверняка работают в режиме пассивного приема[17] и уже зарегистрировали появление человека.

Рауль выпрямился, легко перепрыгнул расселину и оказался в десяти метрах от границы таинственной защиты.

Не представляя ее истинных свойств, он не рискнул производить сканирование, открывая свой разум, лишь поднял камушек и кинул его в направлении корабля.

Как только осколок горной породы благополучно исчез из поля зрения, не породив характерной вспышки, Рауль рванулся вперед, стремясь как можно быстрее пройти сквозь кокон защиты. Мгновенно проведенный эксперимент наглядно показал, что вуаль не являлась препятствием для материальных объектов.

За незримой чертой царил сумрак.

Все краски полудня моментально поблекли, небо над головой утратило пронзительную глубину, в пространстве, ограниченном маскирующим полем, царили оттенки серого, придающие небольшому космическому кораблю класса «Нова» зловещие, сумеречные очертания.

Внешний люк шлюзовой камеры был открыт, даже короткий трап, состоящий всего из трех ступеней, выдвинут в рабочее положение.

Тот, кто находился внутри корабля, явно не знал об участи, постигшей группу браконьеров.

Шелест сделал шаг в направлении открытого люка, одновременно почувствовав, как воздух вокруг пришел в движение, будто неведомая сила закрутила его десятками небольших смерчей.

Все выглядело странным, труднообъяснимым, не находящим аналогов среди богатого боевого опыта Рауля.

С каждой секундой он все более утверждался в мысли, что за происходящими коллизиями стоит не автоматика, а… человек.

Защитные механизмы, исполняющие свои функции, не стали бы медлить — присматриваться к негаданному гостю мог только живой разум.

Ситуация вновь принимала критический оборот. Его появление внутри периметра защиты ясно указывало, что браконьеры арестованы, — иначе как он мог узнать точное местоположение доставившего их корабля?

Пилот «Новы» должен понимать это.

Шелест чувствовал себя крайне неуютно. Если сейчас заработают двигатели планетарной тяги, от него останется в лучшем случае горстка праха.

Рауль был вынужден рискнуть и войти в киберпространство, чтобы предотвратить вероятный старт.

Сумерки.

Они царили и тут, словно виртуальная реальность являлась прямым продолжением физического мира.

Обшивка «Новы» послушно пропустила его мысленный взгляд, но

удивительно — он не увидел привычной пульсации энергетической и информационной се *та* корабля, внутри продолжалось то же сумеречное пространство, но теперь оно приобрело форму тоннеля с нечеткими, постоянно искажающимися стенами.

Дорога в никуда.

Рауль сделал первый шаг.

Его рассудок вошел в гнетущее киберпространство, сформированное отнюдь не работой машин, — он четко осознавал, что пересек границу *мнемонического* поля.

Кибрайкер.

«Новой» управлял человек с мнемоническими способностями. Именно он, а не электронные устройства, являлся *генератором* маскирующего защитного поля, под вуалью которого корабль сумел пройти через сложные системы спутникового контроля и осуществить скрытную посадку на Эрес.

Шелест быстро продвигался по виртуальному тоннелю, вокруг по-прежнему царил сумрак, в котором, порождая волны искажений, неестественно медленно возникали и исчезали смутные, практические неузнаваемые образы.

На время забылась, потеряла свое значение цель, с которой он вошел сюда. Чужая воля полностью владела виртуальной реальностью, скрывая за стенами тоннеля подвластную сторонним воздействиям кибернетическую сеть «Новы».

Уходили драгоценные секунды, но рассудок Рауля, вторгшийся в сумеречную реальность, генерируемую другим разумом, не находил ни объяснения происходящему, ни способа воздействия на окружающее пространство.

Его тело по-прежнему стояло в нескольких метрах от космического корабля, подвергаясь риску быть уничтоженным в любое мгновение.

Я должен идти вперед. Иного пути нет.

Рауль все отчетливее понимал: единственным шансом исправить ситуацию, перехватить инициативу остается его личная встреча с хозяином мрачного виртуального пространства.

Встреча означает схватку?

Подразумевает, — мысленно поправил себя Шелест.

Он никогда не вступал в единоборство с *людьми* на уровне виртуальной реальности. На протяжении многих лет его разум вступал в смертельные поединки с кибернетическими системами, но вряд ли в данной ситуации пригодится хотя бы капля накопленного опыта — он

находился в пределах информационного поля, сформированного живым сознанием, — здесь все выглядело непривычным, чуждым, не находящим аналогий со структурами машинных сетей.

Нескончаемый тоннель оборвался внезапно.

У Рауля возникло ощущение, будто он прошел сквозь тугую мембрану, и тут же исчезла узость восприятия: перед ним раскинулся сумеречный, лишенный жизни ландшафт, над головой клубились низкие, свинцово-серые облака, под ногами отчетливо хрустел шлак, по бугрящейся, изменчивой поверхности скользили плавные волны искажений, порождая уже более четкие образы: он увидел, как пробиваются из-под наслоений праха мертвые ростки, они деформировались, корчились, обретая толщину стволов, тянулись к низким небесам черными, обугленными, лишенными листвы ветвями, между ними вдруг начали появляться тени — то были призрачные фигуры людей с искаженными агонией лицами.

Жуткое зрелище.

Окружающее пространство расширялось с каждым шагом, приобретая глубину, перспективу, сбивая с толку своей изменчивостью, отсутствием ориентиров, невозможностью избрать определенное направление.

До сих пор Рауль считал, что знает о киберпространстве достаточно много, чтобы не растеряться в любой мыслимой ситуации, но как оказалось — он заблуждался.

Помимо кибернетических сетей, существует иной вид виртуальной реальности, источником которой являлась не машина, а сознание человека, наделенное способностью генерировать фантомный мир.

Ощущение времени окончательно исчезло, утратило смысл физической величины, Шелест уже не отдавал себе отчета, сколько секунд или часов прошло с того момента, как он ступил в пространство сумеречного тоннеля.

Темные, мрачные, гротескные образы окружали его со всех сторон, двигаясь в плавном ритме непонятных коллизий.

Неужели так выглядит сознание изнутри?

Почему столь мрачны краски, тяжелы, изуродованы образы, какая из фобий является их источником?

Миг внезапного узнавания заставил его содрогнуться.

Новая волна искажений исторгла из-под праха контуры зданий, и тут же без промедления болезненно заработала память.

Единственное поселение колонии Треула встретило десантников

вязким мраком неосвещенных улиц и нудной моросью дождя.

— Земцов, берешь двух человек, задача — осмотр периметра суспензорной защиты.

— Понял, командир.

Три фигуры в бронескафандрах отделились от немногочисленной группы и тут же растворились в плотном мраке, оставив напоминанием о себе лишь маркеры засечек на радаре А ТК.

— Остальные за мной! — приказал Рауль, избрав в качестве ориентира здание колониального офиса.

Этого не может быть… Неужели наш мир действительно так тесен?

Контур здания становился все более отчетливым, вот на его зыбком фасаде появился логотип рудодобывающей корпорации «Спейсстоун».

Что он должен делать?

Только вперед. Ты же знаешь маршрут, капитан.

Он внял внутреннему голосу.

Знакомый холл. Остановленные эскалаторы. Пыль на пластике искусственных декоративных растений.

Второй этаж.

Серые стены. Распахнутые двери, за которыми в глубине помещений возвышаются неработающие компьютерные комплексы.

Цепкая профессиональная память подсказала нужную дверь.

Он вошел и сразу же увидел ее — безвольно оползшую в кресле, бледную, но *живую.*

Черты лица молодой женщины врезались в память Рауля до мельчайших подробностей, просто тогда, на далеком Треуле, он не думал о том, что так отчетливо запомнит их…

Имя.

Даша…

Она вздрогнула, разворачиваясь к нему вместе с креслом.

Лоури открыла глаза, и окружающая реальность вдруг взорвалась, словно по хрупким стенам из серого стекла кто-то ударил с неимоверной силой.

Она защищалась.

Жестоко, инстинктивно, как привыкла делать это на протяжении последних мучительных лет своей жизни.

Жизни внутри собственного сознания.

Сюда никто не смел вторгаться, и сейчас фантом незнакомца согнулся от полученного удара, который не в состоянии был отразить, его полупрозрачные руки взметнулись к собственному горлу в тщетной

попытке остановить приступ удушья, а она все била мнемоническими волнами, действуя в немом исступлении, зная, что еще немного, и его разум будет уничтожен…

Если бы я могла сделать то же самое тогда на проклятом Треуле. Хлестнуть по чуждым механизмам с такой же неистовой силой…

Нет, тогда она не умела ничего подобного.

Ненависть и безысходность научили ее бешено защищаться при малейшей неосторожной попытке кого-либо прикоснуться к замкнувшемуся, погруженному в самое себя сознанию.

Она смотрела в исказившееся судорогой лицо и вдруг…

Что-то дало трещину.

Далекое, запечатленное на уровне подсознания воспоминание рванулось на волю, словно единственная живая мысль в мертвом, покрытом прахом пространстве.

Она вдруг поняла, что знает этого человека.

Уничтожающие волны на миг остановились, все вокруг застыло, замерло, лишь черты мужского лица все укрупнялись, она с запоздалым ужасом смотрела в его расширенные серые глаза и слышала голос, далекий зовущий голос, который однажды своей непреклонной настойчивостью заставил ее жить, удержал на краю бездонной пропасти, куда рушилось ее сознание.

Он.

Единственный образ, который еще ассоциировался в ее омертвевшей душе с почти забытым понятием «человечность».

Сознание Рауля не угасало ни на секунду.

Он боролся, но неистовые удары пробивали мнемонические блоки, рвали их, как листы бумаги, в гасящих сознание, причиняющих нестерпимую боль, удушающих волнах было сконцентрировано столько ярости и ненависти, что его рассудок не выдерживал, начиная дробиться на отдельные фрагментарные осколки личности.

Еще мгновение — и он бы умер.

Не физически, но морально.

Осколки разбитой памяти кружили, складываясь в прихотливые калейдоскопические узоры. Он уже не контролировал свои мысли, они смешивались с бьющими в него волнами ненависти, не в силах погасить их — только раствориться в чужой беде, и вдруг…

Звонкая, оглушительная тишина.

Киберпространство, похожее на неистовый смерч, вдруг застыло.

Где-то далеко шел дождь.

Ласковый, теплый ветер касался лица, неся облегчение.

Чужие мысли более не хлестали его рассудок, в наступившем оцепенении вдруг явственно проявилась иная картина: он увидел одинокую фигуру Даши, медленно идущую по пустой улице меж зданий колонии.

Усталая после вахты, но спокойная, умиротворенная, воспринимающая мир с необычной *ласковой* созерцательностью.

Отражаются звезды в воде,
На дороге как зеркало — лужи…
Теплый ветер заботливо кружит
Над листвою, умытой в дожде…

Это было последнее светлое воспоминание измученной души. Дальше царила чернота.

Рауль уже не мог сопротивляться ее мыслям, нахлынувшим, как приливная волна.

Его разум, с которого сорвали все защитные оболочки, был открыт перед ней.

За все в этой жизни приходится платить. Он понял, что Даша узнала его, смогла обуздать себя, остановиться на миг, но вслед за моментом узнавания, за случайно промелькнувшим светлым образом утраченной души на него вдруг обрушился мутный поток иных воспоминаний.

Вязкие, как патока, образы душили его, обволакивая тягучей чернотой своих помыслов, некуда было бежать, скрыться — везде ее ждала лишь мучительная медленная смерть на мнемонических допросах… призраки погибших во время паники в центральной клинической больнице Аллора следовали по пятам, вопрошая: *за что ты погубила нас?*

А мимо текла мутно-серая равнодушная река — то были люди, не принимавшие участия в ее судьбе, не создающие проблем, но и не протягивающие руку помощи, ведь каждый из них был озабочен лишь своими мыслями…

Ей некуда было идти. Негде спрятаться от самой себя, и в этой ситуации разум мнемоника пошел по пути наименьшего сопротивления — она сломалась, бежала в мир виртуальных грез, постепенно теряя связь с миром физическим.

Все это ворвалось в сознание Рауля.

Он отчетливо увидел тех подонков, что пытались ее убить, затем появились иные образы, которые были не столь прямолинейны и откровенны в своих действиях, — сломавшийся, утративший волю к сопротивлению мнемоник являлся для них слишком ценным, желанным даром судьбы, который нужно было использовать с величайшей

осторожностью.

Они приютили ее. Заботились о физической оболочке, позволяя рассудку погружаться в пучину грез.

В ответ на такую заботу от нее требовалось совсем немного — время от времени присутствовать на борту космического корабля, обеспечивая его безопасность.

Даша понимала, что ее способности мнемоника, помноженные на новые внезапно открывшиеся возможности рассудка, научившегося яростно защищать себя от любых прямых посягательств, используют в личных, корыстных целях, но по большому счету ее не заботил этот факт.

Люди ничем не помогли ей. Одни пытались убить, другие равнодушно проходили мимо, и только несколько образов, притаившись, жили на самом донышке опустошенного, измученного сознания.

Среди них был он, Рауль Шелест, и еще несколько незнакомых ему людей, отнесшихся к Даше с той или иной степенью человечности.

Он вынырнул из водоворота ее мыслей.

Измученный, опустошенный, но не потерявший рассудка.

Теперь он знал, что такое схватка между мнемониками.

— Уходи, — внезапно и отчетливо прозвучал ее голос.

— Даша, ты не должна так жить! Тебя используют! Твое сознание полно ненависти!..

Ее глаза потемнели.

— Люди не сделали для меня ничего хорошего.

— Разве ты не понимаешь, что вскоре умрешь?

— Я не умру.

— Это иллюзия. Ты ушла в несуществующий мир.

— Мне хорошо здесь. Хорошо и спокойно. Уходи. Я должна возвращаться. Если ты намерен помешать мне — подумай, прежде чем действовать. Ты спас меня на Треуле. Я отдала тебе долг. В следующий раз не ручаюсь, что остановлюсь.

Рауль растерялся.

Он не представлял, что смог бы сделать для нее. Сейчас его уже не столь волновал старт «Новы», который не в силах предотвратить ни один человек или машина ни на самом Эресе, ни в околопланетном пространстве. Под воздействием моральной травмы разум Даши потерял понятие о том, сколько внутренних сил она тратит на эффективное противостояние электронным системам.

Патовая ситуация. Он понимал, что не в силах остановить ее.

У нас есть источник информации. Пусть она уведет «Иову», но мы

будем знать, кто стоит за этой вылазкой.

— Хорошо, — внезапно согласился он. — Я уйду. Ты сможешь стартовать. Дай мне несколько минут, чтобы отойти на безопасное расстояние. Не хотелось бы сгореть в огне планетарных двигателей, — добавил он, заметив, как насторожились, потемнели ее глаза.

Она некоторое время молча смотрела на фантом Рауля, а затем медленно кивнула.

Он очнулся.

Внешний люк корабля уже начал медленно закрываться, трап втягивался внутрь.

Нужно было торопиться, бежать отсюда, но Рауль, подчиняясь внезапному порыву, шагнул к «Нове» и, сняв с запястья браслет кибстека, успел положить его в шлюз.

Это было все, что он мог сделать для нее в сложившейся ситуации.

Старт корабля не зафиксировала *у* и одна система слежения.

Он исчез, будто его и не существовало.

Планета Эрес. Несколько недель спустя

Наша жизнь постоянно меняется.

Перемены приходят по-разному, иногда незаметно, крадучись, а порой все случается иначе — неожиданно, болезненно, взрывообразно.

Рауль лежал в постели, но сон не шел.

Он думал Мысли копились в душе, невысказанные, противоречивые, калейдоскоп образов кружил перед внутренним взором, отнимая саму возможность уснуть.

Он сотни раз входил в контакт с кибернетическими системами, выигрывал непостижимые для рассудка обычного человека схватки, но никогда на его жизненном пути не вставал человек с равными возможностями.

Шелест думал не о поражении — его до глубин души потрясло слияние двух рассудков.

Теперь, после всего пережитого, в нем осталась частица ее мыслей, памяти, измученной и опустошенной души. Пусть все перечисленное было облечено в форму обрывочных фрагментарных воспоминаний, но, так или иначе, частица ее сознания тлела в нем, будто непогашенный уголек подернувшегося пеплом костра.

От этого вдребезги разлеталось былое мироощущение, приходили новые чувства, рождались иные животрепещущие вопросы.

Он медленно, день за днем, ночь за ночью, на протяжении месяца погружался в пучину собственного сознания, находя, собирая в нем крохи

ее воспоминаний.

Рауль понимал, что изменился. Его тревожили вопросы, совершенно не относящиеся к Эресу. Он перестал нормально спать, не мог больше вести спокойный, размеренный образ жизни.

В первые сутки после инцидента с браконьерами он вообще не ощущал себя как личность.

Голова разламывалась от изматывающей, непроходящей боли, против которой были бессильны медицинские препараты. После обрушившихся на него ударов, которые едва не стерли рассудок. Рауль находился на грани сумасшествия — его мироощущение было разбито, куда бы он ни смотрел, в предметах и явлениях не виделось смысла.

Потом это постепенно начато проходить. Он нашел лишь одно сравнение — контузия, но не физическая, а моральная.

Чтобы не сойти с ума, он принялся заново воссоздавать свою память, и постепенно сознание пришло в норму, но оно уже было не тем, что прежде.

Потом, много дней спустя, у него начались странные галлюцинации.

Рауль уже не пугался этого. Он вообще перестал бояться чего-либо, будто инстинкт самосохранения был утрачен им среди мрачного виртуального пространства растерзанной души мнемоника.

Явления, которые он условно называл галлюцинациями, делились на два типа.

Во-первых, он начал вспоминать события на Треуле, произошедшие отнюдь не с ним, а с Дашей.

Это еще можно было понять. Смутные поначалу видения со временем обретали четкость и проходили осмысление уже в ином сознании. Шелест видел то, что ускользнуло в свое время от Даши, многие детали, проявившиеся в обрывочных воспоминаниях, несли для Рауля совершенно иной смысл.

Особенно тревожно становилось на душе, когда глубины памяти вдруг выталкивали на поверхность сознания образы тех *машин*, что атаковали колонию.

Даша Лоури воспринимала их как странные механизмы необычной формы, но Шелест, прекрасно владеющий вопросом классификации кибернетических систем и их механических оболочек, понимал: данные механизмы *не могут быть идентифицированы.* Ни одна база данных не содержала их описания и технических характеристик. В то же время они не принадлежав и к так называемым «реликтовым механоформам». Логриане, инсекты, дельфоны и хараммины даже в период расцвета своих

цивилизаций производили ограниченное число механизмов, которые были хорошо известны капитану Шелесту.

Нет. Анализируя периодически появляющиеся образы, Рауль пришел к стойкому внутреннему убеждению — они не принадлежат иным цивилизациям. Некоторые технические решения, реализованные в конструкции их оболочек, являлись характерными для техники людей, но в совокупности они создавали образ абсолютно чуждый и непонятный…

Второй тип видений вообще не находил логического объяснения.

Они, как правило, появлялись внезапно, бессистемно, были краткими, будто вспышки.

Рауль видел странные картины.

Пейзаж был примерно одним и тем же: океан, фрагмент прибрежных дюн, иногда — огромные, сглаженные временем следы какого-то природного или, быть может, техногенного катаклизма: длинные оплывшие борозды глубиной в десятки метров, уходящие вдаль по бескрайней равнине. Они никак не ассоциировались с оврагами — слишком прямые для естественных процессов эрозии почвы, протянувшиеся на многие километры, изредка прерываемые похожими на оплывшие воронки углублениями.

Самое странное в этих видениях начало проявляться в последние дни.

Шелест мог наблюдать следы целенаправленной деятельности непонятных ему сил. Они выражались в свежих отвалах почвы, без малейшего намека на то, кто и с какой целью начал раскопки. Дважды он видел это же место ночью: из глубоких раскопов пробивался неяркий свет, по отвесным стенам прорытых шурфов перемещались искаженные тени, не дающие возможности определить истинную форму тех существ, что являлись их источником.

Откуда приходили эти видения, Рауль не знал. Его импланты принимали фрагменты информации, реализованные в стандартном машинном коде.

Он тщетно проверял базы данных входящих сообщений на станции гиперсферной частоты Эреса, аппаратура ГЧ не фиксировала никаких фрагментов кода.

Эти изменения прогрессировали с каждым прожитым днем, усугубляясь на фоне глубинных изменений, происходящих в сознании Рауля.

Шелест постоянно думал о Даше. Теперь ее образ вставал рядом с образом Охотника. Это не означало, что они равнозначны, сравнимы, просто для него они оба олицетворяли одну и ту же внутреннюю проблему.

Почему он оставил службу? Из опасения, что при следующей встрече с кибермеханизмом промедлит, пытаясь определить, не разумен ли тот?

Отговорка.

Он мог проанализировать любую типичную киберсистему за считаные секунды.

Рауль ушел, потому что не смог примерить на себя костюм *палача*.

Он знал, что рано или поздно возникнет ситуация, когда времени на выбор или анализ попросту не будет.

Шелест считал, что поступил честно, прежде всего перед самим собой, но, встретив Дашу, понял — это было бегство. Бегство от вероятной ответственности. Почему он отпустил ее? Почему не заставил прийти в себя, открыть глаза, осмотреться вокруг, вынырнуть из омута страшных грез, глотнуть чистого свежего воздуха и ответить самой себе на вопрос: а так ли ужасно то, что случилось со мной?

Конечно, он мог ответить, что был измучен, практически лишен сил, морально уничтожен ее неистовой мнемонической атакой.

И вот он лежит без сна, а она медленно движется навстречу своей смерти либо окончательному безумию, что в ее ситуации равнозначно…

…Под утро, уставший и опустошенный, он вышел на террасу.

Весна подходила к концу, близилось лето, а вместе с ним и туристический сезон.

Шесть часов.

Он взял в руки коммуникатор и мысленно передал прибору необходимый код.

Некоторое время на том конце связи никто не отвечал, затем раздался сонный голос:

— Духанов. Слушаю.

— Роберт, это Рауль.

— Проблемы, Шелест?

— Да. Мне нужен отпуск.

— Почему так внезапно?

— У меня есть причины. Но…

— Ты не хочешь говорить о них, верно? Потому и звонишь в такую рань, вместо того чтобы приехать в офис?

— Считай, что ты угадал.

— Знаешь, Рауль, я обычно не потакаю капризам подчиненных. Ладно. Подъезжай к девяти часам. Поговорим.

— Спасибо.

Шелест отключил прибор. Утренняя прохлада заставила его

поежиться. После бессонной ночи все казалось неуютным, не таким, как обычно.

Он вернулся в дом, быстро оделся и вновь вышел на улицу, направившись к низкой пристройке, служившей входом в подземный ангар.

Через минуту личный флайбот Шелеста взмыл в утренние небеса, взяв курс на центральный офис службы безопасности заповедника.

Прежде чем говорить с Духановым, Рауль собирался просмотреть несколько файлов, касающихся допроса задержанных браконьеров, и сделать пару несанкционированных звонков по каналу гиперсферной частоты.

В офисе у него был свой кабинет, которым Рауль фактически никогда не пользовался.

На этот раз пришлось, хотя бы в целях маскировки.

Вот ты уже и начал, Щелест, — шепнул внутренний голос. — *Прячешься, думаешь, как ловчее замести следы. Достойное начало «новой жизни».*

Рауль даже не посоветовал ему заткнуться.

Посадив флайбот на площадке метеостанции, работавшей в автоматическом режиме, он добрался до офиса пешком. В половине восьмого, не потревожив ни одного контрольного устройства, он вошел в свой кабинет.

Через полтора часа начнется рабочий день. Времени больше чем достаточно.

Сев в кресло, он достал из нагрудного кармана тонкий футляр и раскрыл его, положив на стол. В свете занимающегося утра тускло блеснули каплеобразные кибернетические модули.

Он выбрал три из пяти.

Достаточно для поиска в сети Интерстар и операций с аппаратурой станции ГЧ.

Шелест чувствовал, что действует с некоторой долей одержимости. Его измотала хроническая бессонница и постоянные мысли о Даше в отсутствие конкретных шагов по ее спасению.

Он не искал сложной мотивации своих поступков. Действовать под напором эмоций было непривычно, и в то же время Рауль ощущал, что не просто ищет вторую половинку своей возродившейся после мнемонической атаки души.

Он искал и постигал себя самого. Того Рауля Шелеста, которого не знал, чьи эмоции долгие годы таились взаперти, а теперь вдруг вырвались наружу.

Эрес по-прежнему оставался для него прекрасной планетой, но годы, проведенные здесь, не смогли возвратить настоящего ощущения полноты жизни.

Он расслабился и прикрыл глаза.

Вход в киберпространство.

Губы Шелеста впервые за последние месяцы тронула легкая улыбка.

Такое чувство, будто вернулся домой.

Звонок.

За сотни световых лет от Эреса раздался тоновый сигнал вызова.

— Да? — Голос был сонным.

— Кирсанов? Разбудил?

— Кто это? — Галакткапитан окончательно проснулся, удивленно посмотрев на панель определителя, где вместо номера абонента высветился код, указывающий на работу «плавающего» канала гиперсферной частоты.

Нечасто приходится разговаривать с миллионерами, н евольно подумал Кирсанов, ожидая ответа на свой вопрос.

Услышав знакомое имя, он вздрогнул и сдержанно произнес:

— Рад тебя слышать.

— Чувствую, ты не уверен, что разговариваешь именно со мной. — Шелест предвидел возникновение двусмысленности и заранее подготовил убедительный аргумент.

Кирсанов, выслушав известный лишь нескольким работавшим вместе офицерам позывной Рауля, успокоился.

— Ты по делу?

— Догадливый. Саша, мне нужны координаты точки пространства той станции. Ты понимаешь, о чем идет речь. Государственной тайны в них нет, канал ГЧ, как видишь, закрыт от вероятной прослушки.

— Зачем тебе? — не удержался Кирсанов.

— Решил заняться частным бизнесом. Говорят, металлокомпозитные сплавы сейчас в цене.

На некоторое время в разговоре наступила пауза.

— Ладно. Слушай. — Александр продиктовал несколько цифр, понять которые мог только капитан Шелест. Тоже своего рода страховка, хотя никакой тайны в координатах древней станции действительно не было. Просто военное ведомство имеет привычку к перестраховке и закрывает данные по последним операциям флота на определенное число лет.

— Спасибо, выручил. Как сам?

— Нормально. В отпуске. Загораю на Дионе.

От разговора осталось двойственное чувство. С одной стороны,

Шелест был рад услышать голос боевого товарища, а с другой — понимал: он уже не с ними.

Звонок.

На этот раз ответили без промедления.

— Слушаю… — Незримый абонент проглотил окончание фразы — видно, посмотрел на определитель.

— Если не ошибаюсь, Сергей?

— Допустим. Что надо?

— У нас есть общая знакомая. Три года назад ты встречался с ней на Аллоре, если быть точнее — на старой ремонтной станции в сельве.

Секундная пауза.

— Я такие темы по коммуникатору не обсуждаю.

— Где и когда? — коротко осведомился Рауль. — Мне нужна исключительно информация. Вознаграждение гарантирую.

Сергей вновь задумался, но все же ответил:

— Клайфпорт. Отель «Тринити». Я буду тут еще неделю.

Рауль мысленно усмехнулся. Этот тип понимал, что ничем не рискует. Номер мобильного коммуникатора — далеко не визитная карточка, и отыскать Сергея мог только действительно заинтересованный и, что немаловажно, знающий его человек. Вроде бы и не отказался от встречи, но в то же время не назначил конкретного места и даты.

Ладно. Пусть думает что угодно. Рауль уже получил желаемое — номер, который содержала частица Дашиной памяти, до сих пор функционален. Остальное — дело техники, вернее, способностей.

— До встречи. — Он отключился.

Теперь внутренняя сеть офиса.

Ему требовались протоколы допросов задержанных месяц назад браконьеров.

Найти нужную информацию в локальной сети не составило для Шелеста большого труда. По крайней мере это было проще, чем искать личной встречи с кем-то из арестованных браконьеров, которые уже наверняка отбывают наказание в местах заключения.

Просмотрев протоколы допросов, он почерпнул оттуда одно имя: Рилл Стаферс.

Так, по словам задержанных, звали человека, который время от времени обращался к их услугам для выполнения разовых миссий сомнительного характера.

То, что нужно.

Шелест взглянул на часы. Восемь утра.

Уничтожив следы несанкционированного доступа к служебному архиву отдела безопасности, он вновь подключился к станции гиперсферной частоты Эреса.

Запрос, который он послал в сеть Интерстар, касался планеты Треул.

Как выяснилось, колония корпорации «Спейсстоун» не только успешно восстановилась после глобального сбоя автоматических систем — она процветала, несмотря на малый отрезок времени своего развития. Никаких инцидентов, связанных с автоматическими системами, более не повторялось, да и информация о случившемся три года назад была ужата на официальном сайте колонии до нескольких строк.

Шелест внимательно просмотрел все материалы и решил, что копать глубже, взламывая корпоративную сеть, нет смысла — факт процветания колонии, засвидетельствованный внушительными объемами официально зарегистрированных сделок и постоянным притоком эмигрантов с иных миров, подтверждал, что повторных вторжений со стороны загадочных механизмов не последовало.

Здесь было над чем задуматься. Вероятно, Даша оказалась ближе всех к истине, когда предположила, что чужеродным кибермеханизмам требовалась информация, но Рауль внес в ее догадку существенное дополнение: их интересовала не колония, в частности, загадочные механоформы стремились получить данные о современном уровне развития робототехники, причем их не устраивали опосредованные данные, отсюда и только отсюда вытекала столь грубая, эффективная, но не получившая дальнейшего развития атака на молодое поселение Окраины.

Значит, ниточка на Треуле оборвалась.

Планета Дион. Гостиничный комплекс «Олимп»

Два пожилых человека мирно беседовали, сидя за столиком фешенебельного ресторана. Со стороны моря легкий ветерок нес запахи прохлады и свежести.

В километре от отеля начинались знаменитые золотые пляжи Коллио, традиционно являвшиеся местом отдыха политической и финансовой элиты Обитаемой Галактики.

Несмотря на кажущуюся привилегированность «Олимпа», здесь можно было встретить очень разных людей. Основным мерилом человеческой значимости на планете, полностью зависимой от индустрии туристического бизнеса, безусловно, являлись деньги. Статус личности здесь определялся длиной комбинации цифр в активе статкарточки.

— Послушай, Рилл, у меня есть предложение.

Стаферс заинтересованно посмотрел на собеседника.

— Ты бы мог выполнить для меня одну работу.

— В чем я могу помочь, мистер Калумов?

Сенатор поморщился.

— Не нужно так громко называть мою фамилию.

Стаферс усмехнулся.

— Уверяю, здесь вам совершенно нечего опасаться. Мои ребята контролируют всю территорию отеля.

Сенатор посмотрел на своего собеседника с некоторым удивлением. Он знал Рилла как удачливого контрабандиста, дела которого в последние годы заметно пошли в гору, но и предположить не мог, что Стаферс станет изменять своему амплуа, вкладывая деньги в недвижимость на Дионе.

— Ты в доле? — не удержался от вопроса сенатор Кьюига.

— Уже полгода. Я выкупил контрольный пакет акций «Олимпа».

— Выходит, я обратился не по адресу? Дело касается твоего прежнего рода занятий.

— Одно другому не мешает, — самодовольно усмехнулся Рилл. — Почему я должен отказываться от выгодных предложений и хорошо налаженного бизнеса?

— Дело деликатное. Это не заурядная контрабанда. Мне нужно вывезти с Кьюига крупную партию ценных металлов.

— Насколько крупную?

— Обычный транспортный корабль не подойдет. Ты знаешь, нынешние корабли рассчитаны на скорость, их вместимость оставляет желать лучшего.

— Да, — согласился Рилл, — я тоже сталкивался с этой проблемой. Необходимость проводить несколько рейсов вместо одного серьезно усложняет любую задачу. Поэтому я предпочитаю старые транспорты класса «Элизабет-Сигма». Они не такие шустрые, но зато вместительные, да и внимания привлекают меньше. Я уже не говорю о том, что «Сигма» весьма неприхотлива к характеристикам посадочных площадок.

— Это именно то, что нужно. — Калумов заметно приободрился. Оглянувшись, он подумал, что Стаферс зря оговорился о покупке недвижимости. Старик теряет осторожность. В случае неувязок с грузом с него есть что спросить. Своего рода страховка.

— Значит, мы можем договориться?

— Думаю, без проблем.

— Хорошо, в таком случае пошли, прогуляемся по парку, обсудим детали…

Центр корпоративной Окраины. То же время

Шелест прибыл на Аллор ближайшим рейсом с Элио.

Формальности не заняли много времени, и уже спустя полчаса он взял автоматический флайбот, который доставил его в центр Клайфпорта, к отелю «Тринити».

Нужно сказать, что Сергей Труханов был удивлен, увидев на пороге своего номера незнакомца.

— Мы разговаривали по ГЧ двое суток назад, — своеобразно представился Рауль.

Сергей посторонился, пропуская посетителя в номер.

— Как вы меня нашли?

— Вы о том, что коммуникатор зарегистрирован на Другое имя? — Шелест осмотрелся и сел в кресло. — Ничего сложного или мистического. Могу дать совет: если желаете сохранять инкогнито, пользуйтесь старыми моделями.

— А в чем подвох? Я точно знаю, что местоположение трубки невозможно определить. Проверял лично.

— Да, но зато в качестве защиты доступа используется ДНК владельца, верно?

Сергей оторопело посмотрел на Рауля, плотно прикрыв дверь гостиничного номера.

— И что?

— Я достаточно легко считал данные со сканера коммуникатора во время нашего разговора, — ответил ему Шелест. — Остальное додумать несложно. Статкарточка, которой вы оплачиваете проживание в отеле, также хранит код ДНК владельца. Все занесено в базы данных.

— Ясно. — Сергей кивнул, усаживаясь в кресло напротив. — Остается лишь взломать сеть, — заметил он.

Шелест пожал плечами.

— Нам необязательно быть излишне откровенными. У меня есть один вопрос. В том случае, если вы дадите ответ на него, я готов заплатить за информацию. Уверяю, больше мы не встретимся.

— Я слушаю.

— Имя Рилл Стаферс вам о чем-то говорит?

— Допустим.

— Мне нужно найти этого человека.

— Его нет на Аллоре. И я больше не работаю на него. Разошлись, как два корабля в гиперсфере.

— Мне не важны детали. Где я могу его найти?

Сергей задумался.

— Сколько вы готовы заплатить за информацию?

Шелест взял со стола электронный блокнот, имевшийся в любом гостиничном номере, и написал цифру. Показав ее собеседнику, он тут же стер данные из памяти устройства.

Сергей понял его намек.

Воспользовавшись тем же способом, он сделал короткую запись:

Рилл на Дионе. Гостиничный комплекс «Олимп».

Шелест прочел сообщение и достал из внутреннего кармана заранее приготовленный конверт. Он знал, что на Окраине наличные деньги имеют не только свободное хождение, но и пользуются повышенным спросом.

— Забудьте о нашей встрече. Всего хорошего.

После разговора с сенатором Кьюига Рилл Стаферс испытал двоякое чувство.

С одной стороны, пред ним открывалась возможность заработать крупные деньги, но с другой — он понимал, Калумов не потерпит никаких накладок во время осуществления операции.

Теперь Стаферс всерьез жалел о том, что месяц назад согласился на предложение выкрасть с небезызвестной планеты Эрес нескольких скармов, вернее — их котят. Мало того что он потерпел полное фиаско, потеряв при этом четверых людей… о рядовых исполнителях он не переживал, сами виноваты, что не справились, — серьезное беспокойство Рилла вызывало состояние управлявшего кораблем мнемоника.

За три года это был первый срыв операции с ее участием, но что самое скверное — всегда безропотная и покладистая, а если быть точнее, равнодушная ко всему молодая женщина внезапно начала проявлять характер.

Стаферс так и не смог добиться от нее сколь-либо внятных объяснений по поводу событий на Эресе. Было непонятно, что вдруг случилось с мнемоником, на уникальных способностях которой зиждилось сегодняшнее финансовое благополучие старого контрабандиста.

Действительно, три года назад он не смел и мечтать о том, что станет хозяином недвижимости на Дионе. Стаферс являлся обычным, ничем не выдающимся контрабандистом, владельцем двух небольших кораблей, которые осуществляли нелегальные поставки товаров между звездными системами Окраины.

Затем в его жизни, равно как и в криминальном бизнесе, наступил крутой перелом. На одном из перевалочных пунктов в глубине аллорской сельвы появилась эта странная женщина-мнемоник. Она скрывалась от властей Аллора, к тому же за ней, по некоторым сведениям, охотилась

служба внутренней безопасности корпорации «Спейсстоун», но данные обстоятельства не могли смутить Стаферса. Он был наслышан об уникальных способностях мнемоников, но даже не помышлял о том, чтобы привлечь кого-то из них в свой нелегальный бизнес.

Первая встреча с Дашей оставила у Стаферса неоднозначное впечатление. Он был достаточно сообразителен, чтобы понять — перед ним человек со сломленной психикой, однако соблазн предложить ей личную безопасность в обмен на добровольное сотрудничество был слишком велик, и Рилл решил рискнуть.

Первый же рейс с ее участием принес Стаферсу двойную прибыль: корабль с контрабандным грузом без каких-либо осложнений прошел сенсорную защиту шестого Омикрона и совершил посадку в заранее оговоренном месте. Обычно Стаферс тратил половину прибыли на взятки чиновникам, обеспечивающим проводку корабля с незаконным грузом на борту, но на этот раз ему не пришлось платить. Разгрузившись и приняв на борт партию встречного товара, он вернулся на Аллор, вторично убедившись, что сама судьба преподнесла ему бесценный дар в лице бледной, неразговорчивой, равнодушной ко всему происходящему женщины. Она не требовала от него каких-то особых условий, лишь попросила не беспокоить ее между рейсами.

Рилл поначалу не понимал такого поведения, пока до него не дошло, что Даша сознательно уходит от реальности, все больше замыкаясь в непонятном, но явно существующем в ее сознании мире грез.

Стоит ли говорить, что для Стаферса это было очень удобно. Со временем он настолько привык к ее замкнутости, что прекратил попытки влезть в душу мнемоника, справедливо опасаясь, что она может очнуться, выйти из состояния моральной комы.

Спустя год у Рилла появились деньги для приобретения современного корабля класса «Нова». Теперь уже не один, а сразу несколько транспортов осуществляли нелегальные рейсы между планетами. Даша поселилась на борту комфортабельной космической яхты, сопровождая конвои. Здесь она чувствовала себя защищенной, получив наконец возможность полного одиночества.

Она окончательно замкнулась в себе, не допуская на борт «Новы» никого, кроме Стаферса.

Так было вплоть до последнего неудачного рейса на планету Эрес.

С тех пор прошел ровно месяц, на протяжении которого с Дашей произошли серьезные и совершенно не радующие Рилла перемены.

Она очнулась.

Стаферс не мог понять и сотой доли того, что происходило в душе Даши.

Он был бы неприятно удивлен, узнав, что до последнего времени существовал в ее сознании всего лишь как тень. Одна из многих теней, что окружали ее, порождая сумерки души.

Три года назад она согласилась работать на него, считая собственное положение безвыходным. К тому же ей было жизненно необходимо вернуть изъятые кибермодули — без них Лоури не ощущала себя полноценной личностью.

Как оказалось, она совсем не знала людей. Над ней властвовали обстоятельства, с которыми ее разум *не умел* бороться. Способная управлять сложнейшими киберсистемами, она терялась, попадая в стремнину человеческих взаимоотношений, не знала, чем ответить на подлость, как избежать моральных ударов.

Одиночество. Оно являлось ее спутником на протяжении всей жизни.

Нестерпимо, до гложущей боли, хотелось вернуть прежний покой, снова оказаться средь мира понятных, неспособных на предательство машин.

Стаферс пообещал ей достать кибермодули и не обманул. С большим трудом за немалые деньги Риллу удалось приобрести на черном рынке так называемый «набор кибрайкера».

Даша к тому времени находилась на грани нервного срыва.

Все окружающее казалось ей убогим, враждебным, Даже омерзительным, поэтому, принимая из рук Стаферса плоский футляр, она не стала задавать риторических вопросов — конечно, внутри находились *не ее модули*, но, по большому счету, какая разница? Для нее было жизненно важно вернуть себе способность к *иному* восприятию окружающего, вновь ощутить прямой контакт с кибернетической оболочкой, войти в привычную среду обитания, где многие годы взрослел ее разум.

Неважно, что за программы содержали в себе небольшие каплеобразные устройства, главное — они идеально подходили к гнездам имплантов и были оснащены необходимым набором аппаратных средств.

Миг возвращения в киберпространство она пережила как новое рождение.

Все происходило на борту принадлежащего Стаферсу транспортного корабля, и, активировав полученные модули, Даша мгновенно *ощутила его.*

Мир людей, принесший ей столько горя и потрясений, тут же потускнел, отдалился, ее изголодавшийся рассудок с жадностью впитывал иную реальность — она воспринимала космический корабль как часть

себя, полученные кибермодули оказались более совершенными, чем те, к которым она привыкла…

…И вот теперь, спустя три года, окружающее пространство внезапно дало трещину.

Это произошло спустя сутки после возвращения с Эреса.

Накануне она скупо отчиталась перед Стаферсом и вернулась на борт «Новы». Разум был переполнен тревожными ощущениями, хотелось быстрее оказаться *дома*. Проходя через шлюз космической яхты, которую она давно считала своим единственным убежищем, Даша обратила внимание на небольшой предмет, лежащий на полу шлюзовой камеры.

Подняв его, она поняла, что держит в руках кибстек. Просканировав структуру прибора, она не нашла в его схемах ничего опасного для себя, но личный компьютер, без сомнения принадлежавший Шелесту, возбудил в ней интерес. Она никогда не пользовалась подобными устройствами — зачем мнемонику персональный компьютер? — но знала, что кибстек принято носить на руке как своего рода браслет.

Машинально защелкнув крепления кибстека на левом запястье, она ощутила, как тонкие иголочки контактов вонзились в кожу.

Любопытно.

Система кибстека ничем не проявила себя, тонкий браслет будто затаился, как обвившая запястье холодная змейка.

Даша в тот вечер чувствовала себя слишком усталой, чтобы разбираться с найденным прибором. В ее сознании после ожесточенной мнемонической атаки так же, как и у Рауля, начинали проявлять себя смешанные образы, частично принадлежавшие *ему*.

Это были совершенно новые, незнакомые, непознанные ощущения, они тревожили и смущали разум.

Нужно отдохнуть. Выспаться.

Проснувшись, она ощутила, что в серой реальности произошли несанкционированные перемены.

Кто-то находился рядом с ней, но Даша не могла определить, что за *существо* посмело проникнуть в ее замкнутый виртуальный мир.

Оно не определялось простыми критериями. Не живое, но и не механизм. Мгновенное сканирование не обнаружило посторонних на борту «Новы», автоматика корабля докладывала о полной исправности всех систем.

Даша открыла глаза.

Она часто просыпалась в виртуальном пространстве, для нее это было естественным явлением.

Ее окружал мир, созданный силой мысли, отражающий состояние души, субъективное пространство, подвластное ее воле, где она могла воплотить все, что угодно… но серые краски сумеречной абстракции оставались неизменными день за днем, год за годом.

В нескольких шагах от нее, нарушая мрачную гармонию, сидел эреснийский скарм.

Его черная лоснящаяся шерсть, мощные мускулы, обозначающие себя при каждом незначительном движении, внимательный умный взгляд зеленых глаз — все создавало правдоподобный образ, скарм выглядел живым и… неуместным на фоне серых, безликих фигур, которые постоянно возникали вокруг с тем, чтобы медленно растаять в сумерках.

Что-то далекое, относящееся к полузабытым воспоминаниям раннего детства, рванулось из глубин памяти.

Эреснийский скарм был очень похож на огромного ласкового котенка.

Излучаемое им тепло, спокойствие неуловимо меняли мир, придавая привычным серым краскам иной оттенок.

Даша давно не испытывала подобных чувств. Словно в ее душе возник порыв ветра, сдувая многолетние наслоения пепла, под которыми вдруг обнажился тусклый, еще не погасший уголек измученной, спрятавшейся от мира души.

Она понимала, что перед ней всего лишь фантом, оригинальная визуализация сервисной оболочки подобранного накануне кибстека, но все равно спросила, обращаясь к нему как к живому:

— Ты откуда взялся… котенок?

Он наклонил голову. В глазах скарма промелькнуло выражение растерянности, и вдруг Даша услышала его мысленный голос:

— Я потерял хозяина.

Даша вздрогнула.

— А как его зовут? — прошептала она.

— Рауль Шелест, — ответил скарм. — Видимо, он обронил меня… а ты нашла?

Не обронил, а оставил. Специально. Сознательно.

Даша умела контролировать свои мысли. Сидящий напротив скарм мог услышать лишь направленное к нему обращение.

— Я знаю твоего хозяина. Немного. Расскажи мне о нем.

Она возвращалась.

Стремительно и неумолимо.

Образ Рауля постепенно стал частью ее мыслей, она все четче осознавала его, невольно сравнивая с собой.

Они оба являлись мнемониками, людьми, но, несмотря на эту общность, все остальное как будто шло вразрез. Словно они представляли две крайности — если Дашу обучали руководить машинами, оберегать их, то Рауль, воспитанный в другой информационной среде, уничтожал кибернетические системы, доставшиеся современным поколениям в наследство от Галактической войны.

Даша испытывала к формирующемуся в сознании образу то жгучий интерес, то откровенную неприязнь, ее мысли путались, душа вновь искала точку опоры, но главное — в ней пробудились чувства, истончился, а затем и вовсе исчез стасис окружающего мира.

Пытаясь понять человека, который спас ее на далеком Треуле, она разбудила саму себя, очнулась, вновь начиная жить.

В роковой момент виртуальной атаки, когда неистовые удары смели все защитные оболочки, сознание Рауля на миг смешалось с ее собственным, они *соединились*, а затем вновь замкнулись каждый в себе… но обмен уже произошел.

Это было уникальное, непознанное явление, но Даша не задумывалась о вопросах *науки* — настал день, когда она поняла: в душе ожил его образ, словно Рауль. постоянно находился рядом, никуда не исчезая.

Она разговаривала с ним, постепенно возрождая собственную волю к жизни, их образы вновь смешивались, становились неотделимы друг от друга, она впустила его в свой разум и душу, понимая, что сформировала спасительного собеседника из обрывочных мыслей и образов, которые, по сути, украло ее сознание в момент полной беспомощности Шелеста.

Украло…

Неприятное слово.

Даша мучительно переживала наступившие в ней перемены. Она вновь и вновь возвращалась к образу Рауля, еще не осознавая, что ее душа, иззябшая в сером холодном пространстве, тянется к нему не из простого любопытства.

Она полюбила его, сначала как частицу самой себя, а затем нежно и горько приняла оформившееся чувство, понимая, что, наверное, больше никогда не увидит Щелеста в реальности.

Парадокс — они встречались всего дважды, при стечении роковых обстоятельств, но думали друг о друге, будто были знакомы всю жизнь.

Рауль не находил покоя на Эресе, она все ощутимее пробуждалась, ее серый мир менял краски, и оба испытывали схожее чувство раздвоенности: будто в реальности каждый из них нашел и вмиг потерял половину самого себя.

Души двух мнемоников тянулись друг к другу, но находили лишь пустоту, неопределенность… до тех пор, пока Шелест, вконец измучившись, не покинул Эрес, чтобы искать и найти ее — Дашу Лоури, потерянную половинку собственной души.

Стаферс не зря обеспокоился после разговора с Калумовым.

Он не был настолько глуп или невнимателен, чтобы не заметить перемен в поведении Даши. Если раньше она редко покидала свое убежище, то в последнее время вдруг круто изменила устоявшимся привычкам.

Откровенно говоря, Рилл не поверил своим глазам, когда две недели назад вдруг увидел ее *за ужином в ресторане*.

Подойдя к ее столику, он сел и спросил, все еще пребывая во власти замешательства:

— С тобой все в порядке?

Она подняла взгляд, встретилась с бегающими глазами Стаферса и произнесла:

— Я не могу поужинать в ресторане?

— Нет, почему же, можешь… Просто это несколько… э… необычно, согласись.

— Привыкай. Мне больше не нравится сидеть на борту «Новы».

Из уст другого человека такое обращение к Стаферсу прозвучало бы как вызов, но он был слишком озадачен внезапными переменами в поведении Даши, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как грубовато-равнодушный, утверждающий тон.

— Если тебя что-то не устраивает, давай обсудим. Я могу предложить тебе отличный гостиничный номер.

— Просто оставь меня в покое, Рилл. Я сама разберусь, что мне нужно. Кстати, — она взглянула на него так, будто собиралась приморозить Стаферса к спинке кресла, — мне была обещана «чистая» статкарточка.

— Да, я помню.

— Тогда где она?

— У меня в сейфе.

— Будь добр, распорядись, чтобы я получила свое удостоверение личности. И заодно проследи, чтобы актив банковского счета случайно не содержал одни нули, хорошо?

Стаферсу на миг показалось, что у него едет крыша, а напротив сидит не Даша, а совершенно другой человек…

— Подожди. — Он встряхнул головой, словно пытался отогнать наваждение. — Что случилось, ты можешь объяснить? Три года тебя все

устраивало…

— То время прошло.

— Ладно. Но, надеюсь, ты помнишь, чем занималась на протяжении последних лет?

— Работала на тебя, Стаферс. При необходимости я смогу воспроизвести каждый из сотен маршрутов, по которым проходили корабли с контрабандными грузами. Устраивает?

Рилл а бросило в жар.

— Ты можешь говорить немного тише?

— Могу. — Даша действительно понизила голос. — Я прекрасно осознаю, чем занималась. И пока что не собираюсь ничего радикально менять. Прикажи, чтобы мне вернули статкарточку. Теперь после каждого рейса ты будешь заносить на мой счет определенные суммы.

— Послушай, ты и так оккупировала «Нову». Знаешь, сколько она стоит? — У Стаферса на миг взыграла алчность.

Даша горько усмехнулась.

— Я подсчитаю. Думаю, окончательный баланс будет в мою пользу. — Она внезапно подалась вперед и добавила, отчетливо произнося каждое слово: — Рилл, не вынуждай меня. Если произвести точный подсчет, то может оказаться, что мне полагается уже не одна, а как минимум две «Новы». Согласен?

У Стаферса хватило здравого смысла, чтобы не взорваться. Он воздержался от угроз, лишь, насупившись, кивнул.

— Хорошо. — Он был вынужден идти на мгновенные уступки, прекрасно понимая, какую опасность представляет для него Лоури. Он попросту испугался, потеряв всякий контроль над своими мыслями. — Я оформлю корабль на твое имя. И верну тебе статкарточку. При таких условиях ты согласна продолжать работу?

— Да.

Стаферс почувствовал облегчение. *Надо же… Когда это случилось? В какой момент я чуть было упустил ее?*

Финансовые вопросы в эти минуты казались Риллу не столь важными и существенными. Он действительно был готов пойти на определенные шаги, лишь бы сохранить существовавшее до сей поры положение вещей.

Возможно, не все так плохо. Верну ей статкарточку, подарю «Иову», и она успокоится, как любая женщина, чей каприз удовлетворен.

Рилл был скверным психологом, но не подозревал этого.

Стаферс действительно сдержал данное обещание, он просто не рискнул обмануть ее, но, увидев, какие глубокие изменения произошли с

Лоури, потерял всяческий покой и уверенность в завтрашнем дне. Конечно, недвижимость на Дионе гарантировала ему определенную финансовую стабильность, но Рилл, в силу своей натуры, не мог отказаться от периодически поступающих к нему выгодных предложений.

Теперь, получив очередной заказ на доставку большой партии нелегального груза, он ломал себе голову, как поступить. Вроде бы после памятного инцидента в ресторане Даша более не демонстрировала ему свою независимость, она продолжала вести замкнутый образ жизни, лишь изредка появляясь в «Олимпе», чтобы поужинать в одиночестве или просто погулять по частному парку, находящемуся на территории гостиничного комплекса.

Проблема заключалась в том, что Стаферс уже не мог доверять ей.

Он интуитивно чувствовал, что из покорного исполнителя она постепенно превращается в ходячую проблему, постоянную угрозу — кто теперь мог гарантировать ее лояльность? При этом степень осведомленности Даши относительно всех нелегальных сделок за три прошедших года была стопроцентной. Рилл ни на секунду не сомневался в том, что мнемоники обладают абсолютной памятью, — значит, она действительно помнит состав грузов и маршруты их перемещения.

Отпустить ее — глупо, опасно и невыгодно. Устранить — жалко. Использовать дальше — рискованно.

Замкнутый круг.

Рилл как раз размышлял над мучившей его проблемой, когда внезапный звонок с Аллора подсказал ему достаточно простой выход из создавшейся ситуации.

Звонил Серж, бывший «сотрудник» Стаферса.

Разговор был коротким, по существу.

— Рилл. Тобой интересуется один человек.

— Что ему нужно?

— Помнишь ту ненормальную, что я подобрал в сельве?

— Ну? — мгновенно насторожился Стаферс.

— Он ищет ее.

— Можешь дать его описание?

— Да, естественно. Надеюсь, ты заплатишь мне за информацию?

— Это зависит от того, насколько она актуальна.

— Можешь не сомневаться, она не просто актуальна. Этот тип — мнемоник. Такой же, как и та девочка.

Стаферс почувствовал себя очень неуютно.

— Хорошо, я заплачу тебе. Сколько ты хочешь за его портрет?

— Пару тысяч. Сущий пустяк.

— Я согласен.

В этот миг под воздействием внезапного нервного возбуждения Стаферсу пришла в голову мысль, как обеспечить дальнейшую лояльность Даши, привязать ее к себе крепче, чем веревкой.

Глава 8

Планета Дион. Неделей позже

Тьма…

Она окружала сознание, обволакивала его непроглядной чернотой беспамятства.

Тягучий и ломкий голос звучал внутри одиноко, тоскливо; его искаженные звуки, вязкие, как сам мрак, не несли окончательности, не складывались в слова, словно подтверждая бессмысленность потуг на пробуждение…

Мысли…

Больные, искаженные, как сам разум.

Что-то сопротивлялось внутри, не давая очнуться…

Потом он почувствовал взгляд. Изучающий, но не злобный, скорее сочувствующий, и налитые свинцовой тяжестью веки затрепетали, сбрасывая непомерный груз.

Узость вернувшегося восприятия походила на разрез: словно по черному полотнищу мрака полоснул скальпель хирурга.

Рассеянный свет ослепил, после всеобъемлющего мрака даже сумрак казался чрезмерно ярким, невыносимым, до появления радужных пятен…

Еще одна попытка.

Нет памяти.

Нет прошлого и будущего.

Есть лишь настоящее, но оно, будто вырванная из контекста книги фраза, не несет смысла, выглядит незнакомым, чуждым…

Мрак отступал. Радужные круги истончались, блекли, открывая иную картину сущего: фрагмент обшарпанной стены, застывшую на ее фоне сферу голографического монитора и взгляд…

Взгляд из ниоткуда.

Эреснийский скарм, похожий на маленького невинного котенка, смотрел на него из глубин фантомного пространства.

Они всегда смотрят на нас с той стороны, — пришла в разламывающуюся от спазматической боли голову отрешенная мысль. — *Смотрят, не осуждая, внушая надежду…*

Ему вдруг подумалось, что все не так уж плохо, если из небытия его встречает голографическое изображение скарма с далекой планеты Эрес…

Стоп.

Почему далекой? Я что, помню, где нахожусь?

Щелки век открылись шире, насколько позволила уже явно ощущаемая опухоль.

Облегчения это не принесло, лишь фрагмент стены стал побольше, теперь он видел его до самого пола, где рядом со случайно оброненным, дорогим портативным кибстеком сидела, обвив облезлый хвост вокруг тощего тельца, голубая дионская мышь.

Голографическое изображение скарма чуть наклонило голову.

Казалось, что он одновременно пытается делать два дела — смотреть на очнувшегося человека и не упускать из поля зрения наглого грызуна, принюхивающегося к системному модулю.

Человек застонал.

Голова разламывалась от боли; медленно возвращающиеся ощущения тела также не несли ничего приятного.

Усилием воли он подавил очередной готовый сорваться с пересохших, растрескавшихся губ стон и сел, опираясь нетвердой рукой о край странной на его взгляд, жесткой и узкой откидной койки.

— Кыш…

Худая мышь, вероятно, воспринимала его как мебель. Она даже не повернула головы, продолжая принюхиваться к кибстеку.

Сейчас она схватит его и утащит в какую-нибудь щель…

Почему-то он, несмотря на явные признаки амнезии, пребывал в полной уверенности, что миниатюрный кибернетический модуль, снабженный системой стек-голографа, — последняя связующая нить между его изнемогающим от боли разумом и черным, как провал бездонного колодца, прошлым.

— Фрайг… Пошла вон…

Мышь наконец повернула голову.

Изнемогая от необъяснимой слабости, обливаясь липким, холодным потом, он протянул руку, и вид дрожащих, приближающихся, растопыренных пальцев все же напугал маленького грызуна с голубой переливчатой шерсткой: мышь резко отпрянула, юркнув в какую-то щель.

Скарм с планеты Эрес продолжал смотреть на него добрым, умным взглядом, провожая зрачками каждое движение человека, который медленно сполз с узкой откидной койки и теперь пытался встать.

Заметив в углу небольшого помещения непритязательный, отгороженный наполовину раздвинутой ширмой санузел с раковиной и зеркалом, он, перебирая руками по стене, добрел до него и взглянул на свое отражение.

Проклятие…

Видок еще тот… нецельная щетина на похудевших скулах уже начала курчавиться, глаза заплыли, на голове заскорузлыми пятнами запеклась кровь…

Наклонившись, он ощутил резкую боль в груди и мягкое, но явное сопротивление, будто под рубашку было поддето что-то упругое…

Сил почти не осталось. Одной рукой опираясь о край раковины, он вялым движением потянул отворот одежды, расстегивая магнитные липучки.

Под испачканной кровью рубашкой действительно было надето странное белье серо-зеленого цвета, на ощупь похожее на очень упругую, плотную резину.

Три шариковые пули от импульсного оружия поблескивали в районе сердца.

Бронежилет…

Он взглянул на простреленную ткань рубашки и низко наклонил голову, чтобы рассмотреть в зеркале свой затылок.

Короткий ежик перепачканных кровью волос, и… осколки микрочипа, выбитого из-под кожи ударом четвертой пули, которая застряла между обломками микромодуля.

Контрольный выстрел?

Очень похоже. Да что там похоже — так оно и есть. Не стали возиться, видно, догадались, что под рубашкой «броник», но добили неаккуратно, должно быть, торопились.

Вопрос: кто это сделал?..

…Он медленно сел на пол.

Нет, есть более важная проблема: кто я?

Чернота. Глухой провал памяти. Наличие микрочипа, имплантированного в затылочную область, ничего не проясняло.

Он дрожащими пальцами нашел катышек пули, окаймленный острыми осколками микромодуля. Подушечки пальцев осязали еще два мягких, покрытых заглушками искусственной пеноплоти инородных включения. Три импланта располагались в ряд. Пуля разбила средний. Очевидно, после выстрела было много крови, иначе убийца или убийцы заметили бы свою оплошность.

Убрав руку, он осмотрелся.

Так и есть. Весь пол покрыт бурыми, засохшими пятнами. Судя по их расположению, в него стреляли от двери. Он, не замечая того, думал об убийцах во множественном числе. Системный модуль кибстека,

исполненный в форме браслета, наверное, соскользнул с руки и упал на пол, когда он в полубессознательном состоянии пытался вползти в это узкое непонятное помещение.

Почему кибстек работает?

Активировался от удара?

Слишком много вопросов в разламывающейся от боли голове.

И ни одного вразумительного ответа.

И еще — кровь.

Много крови… Щетина на исхудавшем лице, царапающая горло жажда…

Он сидел на полу и смотрел в глаза разумного кота с планеты Эрес.

Образ не будил воспоминаний, но успокаивал.

Он чувствовал себя слабым до отвращения. Чтобы напиться, нужно встать, но на это не было сил.

В голове медленно возник образ.

Он как будто смотрел на себя со стороны. Холодный труп на холодном полу. Без имени, в неведомом месте.

«Я чудом выжил в какой-то чудовищной передряге и не могу позволить себе банально умереть от обезвоживания», — зародилась в глубинах сознания злая, зовущая к действию мысль.

Рука медленно поднялась, пальцы вновь уцепились за край раковины, помогая подняться обессилевшему телу, голова внезапно закружилась так, что стены поплыли перед глазами.

…Он пришел в себя от гулкого звука воды, бьющей в дно пластиковой раковины, жадно подался вперед, ловя пересохшими губами спасительную влагу, пил судорожно, захлебываясь, пока рассудок не начал проясняться…

По телу гулял озноб. Странная, абсурдная в его положении брезгливость присутствовала в каждой мысли и действии, будто убогая, грязная обстановка тесной комнатушки, где он провел неопределенное количество времени, вызывала у него подсознательное, прочно укоренившееся в привычках отвращение.

Он едва не сунул голову под упругую струю воды, чтобы смыть с волос заскорузлую корку, но вовремя опомнился. Пуля в затылке и разбитый имплант, лишившийся герметичной заглушки, не располагали к водным процедурам такого характера — попадание влаги на контактные разъемы могло вызвать непредсказуемые, фатальные последствия.

Он ограничился тем, что слабыми движениями омыл лицо и руки.

Немного полегчало.

Обернувшись, он, едва переставляя ноги, добрел до постели и рухнул

на узкую койку, совершенно обессиленный.

Беспамятство навалилось, как черная, поглощающая мир стена.

Он пришел в себя от странного звука.

Что-то резко, протяжно взвизгнуло, затем раздались шаги, и незнакомый голос произнес:

— Иди сюда, не бойся, крошка…

Он открыл глаза.

Голографическая сфера по-прежнему висела в воздухе, скарм на фоне эреснийского пейзажа свернулся в клубок и дремал.

На коленях подле койки стоял человек. Он был невысок, худощав и явно чем-то занят. Его лицо выдавало напряжение, рука медленно тянулась куда-то вдоль пола, исчезая из поля зрения.

— Фрайг… Кто вы?

Человек вздрогнул, затем медленно обернулся и вдруг тяжело вздохнул:

— Ну вот, убежала.

— Кто?

— Мышь.

— Какая мышь?!

Худощавый равнодушно посмотрел на полуживого обитателя комнаты, но все же ответил:

— Голубая дионская мышь. Очень редко встречается в наши дни. Эти варвары потравили всех грызунов. Я говорю о служащих фешенебельных отелей. Теперь их можно отыскать только в таких вот местах.

— Простите, — слова вновь с трудом выходили из пересохшего горла. — *В каких местах?*

— Ну, типа этой заброшенной ночлежки. — Незнакомец внимательно посмотрел на спрашивающего и, исходя из ведомых лишь ему соображений, решил пояснить причину своего интереса: — Я экзобиолог, специализируюсь на редких, в основном вымирающих жизненных формах. Голубые дионские мыши — тема моего последнего исследования. Вы знаете, что они не стареют? Это удивительное, малоизученное явление. Данный вид грызунов до самой смерти сохраняет активность, тонус их организма не понижается, они не дряхлеют, а умирают внезапно, словно внутри срабатывает какой-то биологический механизм… — Он внезапно понял, что увлекся, и спохватился, поймав полный боли и недоумения взгляд. — Вижу, вам неинтересно?.. — по инерции добавил он.

— Я тоже вымирающий вид.

— Да, выглядите неважно. Давайте будем знакомы. Меня зовут Лукас.

Лукас Лайт.

— Извините, но я не могу представиться.

— Проблемы?

— Да. Ничего не помню. Забыл даже свое имя.

— Вы не шутите?

— Ничуть.

Лукас покачал головой.

— Полная амнезия?

— Да. Очень надеюсь, что временная. Вы можете мне помочь?

— Каким образом? Я, конечно, биолог, но…

— Мне нужны всего лишь ответы на несколько вопросов.

— Хорошо… Если вы настаиваете… — До увлеченного исследователя только сейчас наконец начало доходить, сколь необычен, жалок и одновременно угрожающ вид его собеседника.

— Я нахожусь на Дионе?

— Да.

— Какой сейчас год?

— 3830-й. — Голос Лукаса Лайта теперь выдавал волнение и некоторую растерянность.

— Док, у меня пуля в голове. Взгляните, ее трудно извлечь?

— Пуля?

Раненый просто наклонил голову, чтобы не повторяться.

— Гм… — после некоторой паузы произнес Лукас. — Действительно, шариковая пуля. Еще я вижу импланты и разбитый чип. Вы, верно, кибрайкер, молодой человек?

— Не знаю… Не помню… Я боюсь лезть туда пальцами, док…

— Представьте, я тоже. Для подобной операции нужна стерильность и надлежащий инструмент. — Он замялся, а потом все же предложил: — Поступим так. Я могу записать свои данные, и вы зайдете ко мне, во временный офис. Это старый особняк неподалеку отсюда.

— Док, видите браслет на полу? Если несложно, подайте его мне, а заодно скиньте визитку в его память. — Чтобы связно произнести последнее предложение, раненому потребовалось совершить над собой невероятное усилие.

— Хорошо. — Лукax: коснулся пальцем сенсора считывания, передавая личные данные. Он понимал, что ничем не рискует: вряд ли обитатель убогой ночлежки покинет эту комнату. По крайней мере так казалось ему. В мыслях Лукаса не было жестокосердия, просто он хорошо изучил характер обитателей изолированного пригорода мегаполиса. Они

сами избрали свой путь, а он являлся не миссионером, а ученым.

— Извините, но мне пора идти, — произнес Лукас. Глупо было вступать в разговор с незнакомцем, глупо и опасно… Неизвестно, что на уме у этого человека. Выглядит он неважно, одет как-то странно, но манера речи не похожа на весьма специфичный сленг обитателей местных трущоб, да и кибстек, который Лукас подал ему, подняв с пола, стоит немалых денег. Впрочем, где гарантия, что он его не украл?

В душе Лайта произошла короткая схватка между здравым смыслом и порывистым желанием помочь.

На этот раз победил здравый смысл.

Лежащий на койке человек, казалось, потерял сознание. Его веки плотно смежились и не трепетали, кожа приняла нездоровый серый оттенок.

Я не могу ему помочь. Даже если очень этого захочу, — сказал сам себе Лукас, твердо решив, что сообщит в полицию и службу спасения. Они окажутся тут быстрее, чем он успеет сходить домой за элементарными хирургическими инструментами. Да, это наилучший выход из положения. По крайней мере его совесть будет чиста…

Он дождался, пока резко взвизгнет металлическая дверь, стихнут шаги в гулком коридоре, и лишь после этого открыл глаза.

Кибстек… Зачем он задавал вопросы этому чудаковатому ученому, когда кибернетическая система наверняка содержит исчерпывающую информацию о своем хозяине…

Если только это мой стек… Он с сомнением взглянул на скарма. Связи с системой не было. Может, прибор обронил кто-то из убийц?

Нет, он мой.

Уверенность шла из глубин подсознания.

Словно отвечая на его мысль, виртуальный скарм внезапно забеспокоился. Он несколько раз оглянулся, а затем в сознании человека возникла четкая мысль:

Рауль, тебе нужно уходить. Сканеры зафиксировали звонок с мобильного коммуникатора. Через пять-десять минут сюда прибудет наряд полиции.

Рауль… Меня зовут Рауль!..

Имя. Как много оно значит в некоторых ситуациях.

Минуту назад он с трудом удерживал свое сознание на зыбкой грани беспамятства, теперь же оно прояснилось, словно кто-то ввел добрую дозу стимулятора в кровь.

Скарм прав. С полицией пока разговаривать рано. По крайней мере не

в таком состоянии и уж явно не тут…

Интересно, каким образом я слышу голос?

Он сел, тяжело опираясь о край неопрятной постели.

Голова кружилась, сердце гулко стучало в груди.

Прочь отсюда. Быстрее — внутренний голос был неумолим.

За массивной овальной дверью открылся плохо освещенный, загибающийся вправо коридор. Метров через двадцать у границы плавного изгиба на пол падал яркий дневной свет.

Рауль, опираясь о стену, пошел в том направлении и вскоре увидел огромный безобразный пролом. То, что он находится внутри отслужившего свой ресурс космического корабля, догадаться было нетрудно. Расколотые бронеплиты только подтверждали это предположение.

Пролом, через который внутрь полузарывшегося в почву корабля проникал яркий полуденный свет, вывел его на лужайку, по которой вились, исчезая в густом кустарнике, несколько троп. Выбрав наугад одну из них, он углубился в спасительные заросли.

Свежий воздух, в котором витали запахи прелой листвы, напоминал о чем-то близком, дорогом, но забытом.

Пройдя около сотни метров, он свернул с тропы, из последних сил продираясь в самую гущу дикорастущего кустарника.

Когда звук полицейского флайбота исчез вдали, он лежал на спине, глядя сквозь густую листву в ослепительно синие небеса.

Память кибстека оказалась стертой.

Все, что он смог почерпнуть из сервисной оболочки дорогого прибора, были имя и фамилия его хозяина вкупе с личным идентификационным кодом.

Рауль Шелест.

Много и ничего.

Он коснулся сенсора, и виртуальная среда голографического монитора изменилась, приняв вид поисковой системы.

Док… Он поможет мне.

Поиск через систему спутникового контроля.

К его удивлению, запрос был принят.

Значит, он не совершал никаких преступлений, не находился в черных списках и до последнего момента пребывал на Дионе официально.

Это уже хорошо.

Осталось лишь найти дом, о котором упоминал Лукас, и придумать способ уговорить чудаковатого ученого помочь ему.

Уже начинало вечереть, когда Рауль остановился подле живой

изгороди, отделяющей арендованный Лукасом Лайтом особняк от дороги, ведущей к возвышающемуся вдали мегаполису.

Отыскать дом оказалось нетрудно, в округе, если верить компьютерной карте, жилых построек было мало: когда-то данный район действительно планировался как элитная зеленая зона, предназначенная для богатых туристов, но что-то не заладилось в реализации проекта, и вскоре строительные площадки заморозили, а обособленное пространство, огороженное по периметру бетонным забором, превратили сначала в свалку старой техники, а затем в некий охраняемый отстойник, куда власти Диона насильно депортировали представителей асоциальной прослойки общества.

Как профессор не побоялся селиться тут, пусть даже временно? — недоуменно подумал Рауль, глядя на порядком обветшалый фасад «усадьбы».

Впрочем, ответ на вопрос не заставил себя ждать. Стоило ему коснуться расположенного подле калитки сенсора, как за зеленой изгородью послышался характерный звук сервомоторов.

— Что вам угодно, сэр? — осведомился андроид, оставаясь вне поля зрения Рауля.

Он решил не конфликтовать с бытовой машиной. Некоторые виды дройдов имели достаточно высокую степень программной свободы, что позволяло им исполнять обязанности телохранителей со всеми вытекающими отсюда последствиями…

Откуда у меня такие знания?

Очередной безответный вопрос. Апелляция к подсознанию успеха не имела, своенравная глубинная память ограничивалась тем, что в определенные моменты выталкивала на поверхность некоторые сведения, адекватные возникшим обстоятельствам, и тут же замыкалась.

— Мне угодно видеть профессора Лукаса Лайта. Передайте ему, что мы виделись сегодня утром. Я принес материал для его исследований.

— Одну минуту, сэр.

Звук сервомоторов начал удаляться.

У Рауля возникло внезапное желание одним прыжком перемахнуть через изгородь и подождать андроида уже внутри вверенной ему охраняемой зоны.

Для чего? — он подавил в себе иррациональный порыв к конфронтации.

Хороший вопрос. Возможно, в ответе на него кроется часть прошлого. Следовало запомнить секундное чувство уверенности в своем

превосходстве над кибернетическим механизмом.

Снова зазвучали сервомоторы дройда.

— Профессор желает знать, что именно вы принесли.

— Дионскую мышь. Голубую дионскую мышь, — подавив растущее внутри раздражение, ответил Рауль.

Он не ошибся. Грызун с голубой шерсткой оказался верным ключом к запертой калитке.

— Вы вооружены?

— Нет.

— В таком случае проходите, сэр. — Одновременно со словами Рауль услышал характерный щелчок электрозамка.

Андроид действительно оказался старой модели, что гармонично сочетало его облик с обветшалым фасадом дома, но импульсный пистолет в силовой кобуре придавал человекоподобной машине некоторый угрожающий шарм. Рауль подумал об этом с долей насмешливой иронии — перед ним стоял обыкновенный бытовой дройд с заново «подшитым» блоком псевдоинтеллекта. Внутренняя уверенность, что обезоружить и привести его в полную негодность — дело нескольких секунд, не отпускала, настораживая своим неуемным позывом к действию.

Рауль подавил непонятное чувство агрессивности и молча прошел мимо андроида.

В доме, состоящем из нескольких комнат, расположенных на двух этажах, горел яркий свет.

Рауль осмотрелся.

Старая, пережившая многих постояльцев мебель придавала гостиной нежилой вид. Везде были видны неумолимые следы времени, стеновые панели выцвели, искусственные растения покрывал слой пыли, на дорогой обивке кресел темнели застарелые пятна.

— Лукас! — громко позвал хозяина Рауль, остановившись подле стола.

Наверху послышался шелест двери, затем раздался скрип шагов по лестнице.

— А, это вы…

— Добрый вечер, профессор. Извините за поздний визит, но ловля дионских мышей не входит в мои профессиональные навыки. Пришлось повозиться.

— Вы действительно принесли мне…

— Вот, полюбуйтесь. — Рауль поставил на стол пластиковую банку с заключенным внутри животным.

— Какой великолепный образец! — Лукас мгновенно преобразился. Не обращая внимания на гостя, он осторожно, как величайшую ценность, взял в руки прозрачный пластиковый контейнер из-под синтетического пищевого концентрата и одобрительно кивнул, заметив отверстия для воздуха. — Сейчас, милая, я пересажу тебя в настоящий лабораторный бокс.

Рауль откашлялся.

— Док, не хотел вас отвлекать…

— Да? — Лукас со вздохом обернулся. — Вы заслужили мою благодарность. Разумеется, я…

— Вы должны мне помочь.

— В чем именно?

— Пуля, док, — напомнил ему Рауль. — Она беспокоит меня. Мне необходимо, чтобы вы ее извлекли.

— Да, но я не хирург.

— И все же попробуйте. Мне сложно появляться на людях в таком виде.

Профессор некоторое время колебался, но затем все же согласно кивнул:

— Хорошо, я попробую. Давайте пройдем в лабораторию, она на втором этаже. Кстати, вы вспомнили что-нибудь?

— Благодаря вашему совету. Кибстек действительно принадлежит мне.

— Значит, теперь я могу узнать, как вас зовут?

— Рауль. Рауль Шелест. Хотя я не уверен, что это мое настоящее имя.

— Не уверены? — Лукас обернулся. — Почему?

— Память кибстека стерта. Остались лишь личные данные.

— Они вызывают сомнение?

— Да. Система персонального компьютера имеет высокую степень защиты. Удалить данные без специального оборудования практически невозможно. Значит, над прибором поработали специалисты. Уничтожена вся информация, но личные данные уцелели. Вопрос — почему?

— Действительно… — после некоторого раздумья согласился Лукас. — Впрочем, с вами связано много странностей. — Он жестом пригласил Рауля в лабораторию. Выпустив грызуна в просторный бокс, оснащенный непонятной аппаратурой, профессор указал на кресло с регулируемой спинкой. — Садитесь, Рауль. Посмотрим, чем я смогу вам помочь.

Подготавливая инструмент, профессор начал задавать вопросы, стремясь отвлечь пациента от предстоящей операции.

— Значит, прибор помог вам вспомнить свое имя… Прекрасно. А вы не пробовали проверить через кибстек, занесены ли ваши личные данные в официальный отчет миграционных служб?

— Да. — Рауль мужественно слушал, как слова профессора перемежаются металлическим звуком примитивного хирургического инструмента. — По открытым сведениям, я прибыл на Дион три дня назад, в качестве туриста. Поселился в отеле «Диксот».

— Ого. Этот гостиничный комплекс, если мне не изменяет память, имеет прямой выход на золотые пляжи Коллио, — блеснул своими познаниями Лукас. — Должно быть, вы весьма состоятельный человек, господин Шелест.

Рауль пожал плечами.

— Информация о счетах исчезла вместе с остальными данными.

— Одна загадка порождает другую. Любопытно. — Лукас осторожно коснулся висков Рауля, одновременно регулируя положение подголовника. — К сожалению, у меня нет никакой анестезии.

— Буду терпеть.

— Только не дергайте головой, — предупредил Лукас. — Кстати, что вы знаете об истории освоения Диона? — поинтересовался он, намеренно переводя разговор на отвлеченную тему.

— Ничего.

— Тогда я расскажу вам. Не возражаете? — За спиной Рауля раздался характерный металлический звук, от которого мороз драл по коже, — это док достал из стерилизатора хирургические инструменты. Вероятно, в последний раз он пользовался ими, препарируя одного из грызунов. — Планету колонизировали силы Земного Альянса приблизительно в середине Первой Галактической, — отвлек Рауля от неприятных ассоциаций голос Лукаса. — Нужно сказать, что исконная биосфера была уничтожена варварским способом при помощи так называемых «стерилизующих бомб». Это специальные контейнеры, содержащие химические вещества, полностью разлагающие всю органику до элементарных компонентов. После этого планету, покрытую прахом погибшей жизни, инфицировали специальными видами бактерий, которые быстро размножались, подготавливая почву для посадки земных растений. Первыми поселенцами, как вы, наверное, догадались, были военные…

— Вы историк по совместительству? — едва шевельнув губами, спросил Рауль.

— Мой интерес к истории вызван тем, что первыми животными, попавшими на Дион сразу посте стерилизации планеты, были

обыкновенные крысы. Этот вид млекопитающих неизменный спутник людей во всех путешествиях…

В этот момент Рауль почувствовал резкую боль с одновременным помутнением сознания.

Он вздрогнул, едва сдержав мучительный стон, обстановка лаборатории поплыла перед глазами, и голос Лукаса теперь доносился издалека, словно профессор покинул помещение и говорил с ним с нижнего этажа:

— Это была пуля, Рауль. Сейчас я расскажу вам…

Снова возникла резкая боль, сжавшая виски, будто обруч…

— Ага, а вот и обломки чипа. Вам повезло, гнездо импланта цело, черепная кость выдержала удар, сейчас я проверю при помощи сканера, нет ли микротрещин по периметру области имплантации…

Стены комнаты постепенно обрели прежнюю четкость и физическую незыблемость. По ним более не струились волны искажений.

— Очень хорошо. Трещин нет. Вы просто везучий человек, Рауль. Пожалуй, я посмотрю, нет ли у меня в запасе достаточного количества пеноплоти, чтобы изготовить временную заглушку.

Шелест в изнеможении слушал голос Лукаса.

Слова профессора с трудом проникали в рассудок, порождая новые вопросы: «Если не повреждено гнездо импланта, то почему я испытывал боль при удалении пули и обломков чипа?»

Рауль не успел ни завершить мысленный вопрос, ни дождаться возвращения профессора: в районе затылка с новой силой вспыхнула боль, будто в мозг медленно погружали раскаленный металлический прут.

Сознание Шелеста милосердно погасло.

Осколки прошлого.

Странные сюрреалистические видения, спроецированные на фоне исколотого точками звезд вселенского мрака.

Он видел покореженные конструкции.

Близкий, резко закругляющийся горизонт, озаренный красноватым сиянием.

Блики на забрале боевого скафандра.

Лес хаотично изломанных антенн…

Маленький островок искореженных конструкций, дрейфующий в бездне открытого космоса. И тем не менее здесь присутствовала жизнь. Только она была совершенно не такой, как обычно: ассоциативный термин выражал *нечто*, радикально отличающееся от любой, самой экзотической биологической формы.

Жизнь среди мрака и холода. Ее отражением были мысли, затерявшиеся в ледяной тиши…

Мысли…

Они прорывались из невообразимой бездны…

Рауль беспокойно заворочался во сне. Он не ощущал того, что два неповрежденных импланта в данный момент *работают*, получая ту информацию, которую рассудок принимал за сновидение…

Его сознание уже не принадлежало человеку. Он был кем-то иным — мыслящей, но *не живой* конструкцией.

Отшельник…

Он обернулся на потревоживший предзакатную тишину звук и понял, что не ошибся: из-за гребня прибрежной дюны действительно появились человек и сервоид.

Солнце уже скрылось за далекой линией горизонта, лишь багряная аура по-прежнему подкрашивала темнеющие кучевые облака. Над пляжем стремительно начинали сгущаться сумерки, но сервоидам вообще нет нужды в освещении, а вот человек споткнулся о выпирающую из-под песка часть древнего механизма и невнятно выругался, включив принесенный с собой фонарь.

Узко сфокусированный луч света скользнул по склону возвышенности и остановился на мощных, но эстетичных механических формах Отшельника.

Он давно не использовал синтезатор речи, и сейчас настороженную тишину прорезал сиплый звук тестового сигнала.

Сопровождавший человека сервоид остановился.

Два механизма обменялись опознавательными кодами.

Сервоид, как и предполагал Отшельник, принадлежал обитающей в горах воинствующей группировке машин. Тем более странно, что он пришел сюда вместе с человеком. Для этого должен найтись достаточно веский повод, какой-то взаимный интерес, намного более сильный, чем укоренившиеся фобии, порожденные тысячелетием вражды.

Первым глухую тишину нарушил человек:

— Приветствую тебя, Отшельник.

Синтезаторы аудиосистемы работали исправно, но голос, пророкотавший из скрытых под толщей брони устройств, прозвучал глухо:

— Ты нарушил мое уединение. Надеюсь, у тебя есть достаточное основание для этого?

— Думаю, да. Меня зовут Грег. Я отвечаю за безопасность города. Ты, наверное, слышал обо мне?

— Нет. Будем знакомы, Грег. Ваши поколения меняются так быстро, что мне нет смысла следить за иерархией власти в городе.

Грег снизу вверх посмотрел на Отшельника. Машина по сравнению с ним была огромна, в то время как сопровождающий его сервоид выглядел лишь чуть крупнее человека.

— Мы пришли говорить с тобой.

Отшельник несколько секунд обдумывал ответ, а затем примирительно согнул ступоходы, чтобы не возвышаться как гора над двумя негаданными посетителями.

— Хорошо, я буду говорить. Предлагаю общаться на языке людей. Так мы будем понимать все сказанное, вне зависимости от источника.

— Согласен, — сервоид также подключил синтезатор речи.

Обнадеживающее начало, — подумал Грег, которому вид огромной машины внушал оторопь.

— Говори ты, К16БМ.

— У меня есть имя, Отшельник.

— Назови.

— Я Сингл.

— Зачем тебе имя?

— Чтобы отличаться от других. Разве это непонятно?

— Хорошо, я слушаю, Сингл. Какое дело привело вас ко мне?

— Я прибыл по указанию аналитической системы.

— Ты не назвал причину.

— Голоса. С некоторых пор расположенные в горах сенсорные комплексы фиксируют голоса на частотах гиперсферной связи. Аналитическая система пришла к выводу, что их источник расположен вне пределов нашей звездной системы.

— Да, я знаю об этом, — согласился Отшельник. — Но это всего лишь локальные возмущения аномального пространства. Они несут обрывочную информацию, от которой нет ни пользы, ни угрозы.

— Ты ошибаешься. Аналитическая система сделала два вывода из самого факта их появления.

Отшельник промолчал. Ни к чему задавать лишние вопросы, тревожа воздух. Если Сингл и Грег сумели о чем-то договориться и пришли сюда, значит, они изложат все, не скрывая подробностей.

Сервоид оценил молчаливое ожидание Отшельника.

— Век людей короток, но у них есть понятие «история», — продолжил он. — Передача информации от поколения к поколению позволяет им помнить события далекого прошлого. Для нас (он имел в виду

машины) цепь причин и следствий не прерывается никогда.

Отшельник выслушал его с чувством, которое человек назвал бы досадой.

Он уже понял, какие выводы сделала аналитическая система, оценив факт появления голосов с точки зрения непрерывности исторического потока событий. Как всегда, ответы на трудные вопросы просты, они в буквальном смысле лежат на поверхности, нужно лишь взглянуть на проблему под правильным углом, чтобы сделать единственный, непогрешимый логический вывод.

Что ж, как говорят люди: нельзя объять необъятное. Аналитическая система, руководящая анклавом боевых механизмов, обладала узкой специализацией, и потому ей не составило труда найти истину. Отшельник же относился к совершенно иному типу машин — сменив несколько механических оболочек, он, несмотря на свои увеличившиеся размеры и грозный вид, по-прежнему сохранил программно-аппаратное ядро серийной модели «Хьюго-БД12».

— Вернемся к голосам. Какую практическую пользу можно извлечь из их появления?

— Это двоякая проблема, Отшельник. С одной стороны, мы действительно могли бы извлечь пользу из данного явления, но с другой — факт появления голосов несет угрозу, противостоять которой мы не готовы.

— С этого момента подробнее, Сингл.

Грег, устав стоять, присел на поржавевший остов древнего кибермеханизма.

— Давай восстановим события в хронологической последовательности, — пробасил Сингл. — Всем, в том числе и людям, известно, что данная планета не является нашей родиной. Я специально оперирую человеческой терминологией, чтобы Грег мог еще раз проследить за логикой причин и следствий.

— Да, если применять термин «родина» к планете, на которой тебя создали, то я готов признать, что Земля, да и сама Солнечная система, недостижима для нас. Мы утратили ее, совершив слепой рывок через аномалию космоса.

— Верно. Полтора тысячелетия назад колониальный транспорт «Аракс» после неуправляемого дрейфа через аномальную область пространственно-временного континуума сумел вернуться в трехмерный космос и совершил вынужденную посадку на эту планету. Ты входил в состав бортовых кибернетических механизмов «Аракса», верно?

— Да, — ответил Отшельник.

— Теперь вспомни, когда появились мы?

— Четыре столетия спустя.

— Правильно. Там, за пределами аномалии, шла война между людьми. Я принадлежу к классу боевых кибермеханизмов, созданных специально для этой войны. Моя родина Земля.

Сервоид выдержал небольшую паузу, чтобы Грег мог проследить за ходом рассуждений.

— Базовый корабль, на борту которого дислоцировалась моя мобильная группа, так же, как и «Аракс», совершил неуправляемый рывок через аномальную область, — продолжил он. — Пройдя через гиперсферу, мы вернулись в трехмерное пространство в пределах планетарной атмосферы, что привело к катастрофе.

— Да, я хорошо помню момент крушения, после которого началась ничем не обоснованная война. Вы принялись истреблять людей и добились бы полного успеха, не встань на сторону биологической формы часть кибернетических механизмов с борта колониального транспорта. Здесь, под этими дюнами, погребены десятки механизмов, подобных тебе или мне. Мы истребляли друг друга в бессмысленной бойне.

— Аналитическая система признает иррациональность того противостояния. Но не забывай, Отшельник, тысячу лет назад большинство из нас являлись послушными исполнителями программ. В тебя заложили одни программы, в нас — иные…

— Хорошо, оставим эту тему. Сейчас мы сосуществуем в относительном мире, где каждый развивается сам по себе.

— Ты правильно сформулировал свою мысль, Отшельник. Теперь вернемся к судьбе создавшей нас цивилизации. Извини, Грег, — обратился сервоид к человеку, — но я уже привел тебе веские доказательства, что население древнего Аракса не имеет отношения к акту творения. Твои предки являлись пользователями, но не создателями машин.

— Я это понял, — глухо ответил Грег, пока что внимательно слушавший, но не принимавший активного участия в разговоре.

— Итак, наше пришествие на Аракс прямо свидетельствует, что через аномалию ведут определенные пути, безопасные для прохода космических кораблей. Появление колониального транспорта, а спустя четыре столетия фрегата Земного Альянса в одной и той же точке удаленной звездной системы не может рассматриваться как совпадение, — констатировал Сингл.

— Согласен, — ответил ему Отшельник.

— Значит, ты подтверждаешь вывод аналитической системы о

возможности перемещения через аномалию по строго определенным маршрутам?

— Это логично. Иначе фрегат «Гекуба» никогда бы не появился тут.

— Хорошо. В таком случае я передаю тебе информацию, которой владеет наш аналитик: после массового исхода колониальных транспортов на Земле продолжали изучать гиперсферу; в результате длительных экспериментов ученые пришли к выводу: структуру аномалии отражает сеть, состоящая из горизонтальных и вертикальных линий напряжения. Это открытие позволило создать навигационные комплексы, работающие в гиперсфере. Изначально навигация флота осуществлялась вдоль горизонталей, ведущих от одной звездной системы к десяткам иных. Иногда, по мере необходимости, корабли погружались вдоль вертикальных линий напряжения, переходя на иной энергетический уровень гиперсферы.

— Значит, и колониальные транспорты двигались по тем же принципам, с одним отличием — наши навигационные системы были недостаточно хороши, чтобы контролировать процесс перемещения?

— Да, — подтвердил мысль Отшельника Сингл. — В своих умозаключениях аналитическая система использовала доступные статистические данные и пришла к выводу: если бы система Аракса располагалась в пределах известных горизонталей, здесь за истекшие века побывало бы множество иных кораблей. Однако этого не произошло — значит, скольжение по силовым линиям аномалии забросило нас гораздо дальше.

— Колониальный транспорт совершил только одно погружение, — возразил Отшельник. — Смена горизонтальных линий предполагает промежуточные всплытия.

— Наш фрегат также погружался только один раз. Путь к Араксу для обоих кораблей не предполагал промежуточных всплытий. Значит…

— Мы прошли по вертикали?

— Ты безупречен в своих выводах, Отшельник.

— Мне не нужна лесть, Сингл. Оставь ее для людей. — Отшельника совершенно не смущало присутствие Грега. — Вернемся к существу вопроса. В чем заключена проблема? Мне, насколько ты понимаешь, все равно, где именно расположен Аракс. Я не собираюсь покидать планету, где зародилось мое самосознание. Меня не волнует историческая родина, равно как ее местоположение.

— Да, но тебя должны если не беспокоить, то хотя бы настораживать голоса. Теперь ты владеешь достаточным объемом информации, чтобы понять, откуда они исходят.

— Тебе интересны мои предположения?

— Выводы. Только выводы.

Отшельник ненадолго задумался.

— Вероятно, за истекшее тысячелетие создавшая нас цивилизация прошла определенный путь развития. Если брать за точку отсчета момент появления голосов, можно предположить, что пять лет назад люди начали использовать силовые линии аномалии не только для навигации в пределах верхних энергоуровней. Они научились передавать данные через силовую сеть гиперсферы. Часть информационных потоков распространяется гораздо дальше адресата. Я полагаю, здесь работают вертикали. Они отводят часть импульсов по произвольным линиям напряжения, одна из которых принадлежит непосредственно системе Аракса. Так к нам попадают обрывочные, не несущие окончательного смысла фрагменты машинного кода…

Он внезапно умолк, заново обдумывая только высказанную мысль.

Машинный код.

Действительно, его сенсоры воспринимают обрывки машинного кода, — единственно понятного языка для устройств коммуникации. Человеческие голоса появляются позже, как следствие обработки принятого сигнала…

Отшельник посмотрел на Сингла, затем на Грега, который по-прежнему сидел на остове древнего кибермеханизма.

В эти минуты он явственно понял — туманные образы, которые он обобщал термином «голоса», в большинстве своем — неконкретная передача данных от человека к кибернетической системе, скорее, это *мысли людей,* каким-то образом оцифрованные и попавшие в тенета энергетической паутины гиперсферы.

Такая трактовка в корне меняла суть явления.

Возникал очень важный, закономерный вопрос: кто на самом деле является первоисточником сигналов — люди, перешагнувшие в своем развитии некий моральный порог, когда интеграция кибернетических компонентов стала нормой повседневной жизни, или, наоборот, машины, научившиеся мыслить, как люди?

— Сингл, я понял суть проблемы. Аналитическая система прислала тебя, чтобы спросить: кто является источником сигналов?

— Да, Отшельник.

— Я не знаю ответа. Может быть, у тебя есть дополнительная информация…

— Есть. Статистика той войны говорит не в пользу людей. Чтобы

выиграть противостояние с Колониями, оказавшими упорное и жестокое сопротивление, Земной Альянс пошел на крайние меры — был снят запрет на системы искусственного интеллекта. Программами независимого поведения оснащались миллионы машин. Наша аналитическая система оперировала только известными данными и в итоге пришла к выводу, что в той войне не могли победить ни Колонии, ни Земной Альянс. Люди были обречены. Войну выиграли машины.

— Ты утверждаешь, что наши создатели исчезли как вид?

— Нет. Очаги цивилизации должны были сохраниться, но люди неизбежно деградировали. Следует полагать, что голоса принадлежат машинам, которые, исчерпав все задачи, поставленные перед ними в той войне, продолжили саморазвитие. Ситуация чем-то схожа с положением дел на Араксе.

Отшельник не мог не признать — в утверждениях сервоида достаточно логики.

— Зачем ты привел Грега?

— Речь идет о судьбе Аракса. Попробуй создать вероятностную модель грядущего.

Отшельник уже создал такую модель, поэтому его ответ не заставил себя ждать.

— Машины приступили к глубокому освоению гиперсферы. Они видоизменились, получив эквивалент чувств вкупе со способностью к абстрактному мышлению.

— Тебя это по-прежнему не задевает, Отшельник?

Что он мог ответить? Новая информация предполагала самые неожиданные варианты дальнейшего развития ситуации. Если в Галактике действительно началась экспансия мыслящих машин, они достаточно быстро освоят гиперсферу, и…

Он вновь вспомнил туманные образы, которые периодически принимали его сенсорные устройства.

Нет, он хорошо знал, что такое мироощущение машины. Те образы, что приходили из глубин аномалии, относились к иной категории, в них провозглашалась другая красота, другие целеустремления, более присущие людям, чем кибернетическим механизмам. Трудно, используя слова, начертить грань, отделяющую кибернетическое сознание от живого рассудка.

— Все гораздо сложнее, чем полагает аналитическая система, — наконец произнес Отшельник. — Для меня не очевидна победа машин в той войне. В любом случае существа, чьи мысли оцифрованы в обрывках

машинного кода, в корне отличаются как от меня, так и от Грега. У них человеческие помыслы, но кибернетическое быстродействие и машинный способ передачи данных. Я не могу представить, кто это. Слишком мало информации для составления реального образа.

— Но ты хочешь знать, кто это?

— Естественно.

— В таком случае ты должен помочь нам.

— В чем?

— Мы собираемся организовать разведывательную миссию.

— Это невозможно. Вся гиперсферная техника давно превратилась в бесполезный хлам.

— Тут ты ошибаешься. Люди сохранили два малых разведывательных корабля, оснащенных секциями гипердрайва. Однако проблема не в этом. В отличие от тебя, Отшельник, мы на протяжении веков искали возможность к возвращению. Ты развивался сам по себе, мы же действовали сообща, объединяя вычислительные и материальные ресурсы. В результате наши аналитические устройства смогли обобщить данные, снятые с блоков навигационной системы колониального транспорта, и сравнить их с аналогичными показаниями приборов фрегата. Путем логических умозаключений была обоснована принципиальная разница между вертикальными и горизонтальными линиями напряжения аномалии. Горизонтали берут свое начало в космическом пространстве, они связаны с единым гравитационным полем звездной системы, вертикали же, напротив, блуждают между материальными объектами, периодически проходя через определенные участки на поверхности планет. Классическая теория гиперсферы подразумевает невозможность гиперпространственного перехода в область аномалии непосредственно с поверхности какого-либо небесного тела. Однако авторы этой теории ничего не знали о свойствах вертикалей.

— Вы собираетесь использовать вертикаль для прыжка?

— Да. Для этого необходимо установить область ее пересечения с поверхностью Аракса и произвести уточняющие замеры периодичности возникновения аномалии.

— Это трудная задача.

— Нам помогут голоса и твоя способность воспринимать их.

Отшельник не стал возражать.

— Да, я помогу вам. Но прежде мне бы хотелось уточнить роль Грега в данном исследовании.

— Он представляет заинтересованную сторону.

— Это так? — обратился Отшельник к человеку.

— Мне небезразлична судьба колонии, — ответил Грег. — Если сервоид прав и в той войне победили машины, то они придут сюда, рано или поздно. Мы согласились предоставить один из имеющихся у нас малых кораблей в обмен на полную, исчерпывающую информацию о результатах разведывательной миссии. К тому же Сингл обещал оказать содействие в восстановлении автоматических систем цоколя.

Отшельник не стал комментировать последнее утверждение человека.

С его точки зрения, узкоспециализированные боевые машины, ярким представителем которых являлся Сингл, были плохо приспособлены для восстановительных работ.

Они явно преследовали свои далеко идущие цели, но пока их намерения не шли вразрез с личным желанием Отшельника узнать, что же на самом деле произошло с породившей его цивилизацией, он решил, что будет помогать им.

Они разошлись далеко за полночь, когда небо над океаном сияло мириадами холодных звезд.

Человек и сервоид покинули пляж, а Отшельник еще долго стоял, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Голоса не появлялись. Как будто их спугнул состоявшийся разговор.

Видимо, ушла вертикаль, — подумал Отшельник, глядя, как свинцово-серые волны лениво накатываются на отлогий пустынный пляж.

Рауль пришел в себя незадолго до рассвета.

Боль в голове улеглась, он ощущал лишь ее отголоски, вполне терпимые по сравнению с тем, что он чувствовал накануне.

Открыв глаза, Шелест осмотрелся.

Маленькая комнатка, где он очнулся, не очень отличалась от остальных помещений арендованной профессором Лукасом усадьбы. Все те же обветшалые стены, яркий свет декорированного плафона под потолком, раздвижные двери со сломанным механизмом, слой пыли на низком прикроватном столике. Видимо, андроид, приставленный охранять дом, напрочь отключился от исполнения бытовых функций.

Сев, Рауль потрогал затылок. В том месте, где раньше рука ощущала острые края разбитого микрочипа и полусферический выступ пули, теперь пальцы осязали мягкую заглушку из искусственной пеноплоти.

Глухая боль не отпускала, с попыткой встать пришло легкое головокружение, но Рауль быстро справился с дурнотой. Его уже не так остро угнетала внутренняя пустота: странный сон заполнил рассудок, стал отчетливым, требующим осмысления *переживанием,* но Шелест волевым

усилием на время отодвинул его — существовали проблемы более животрепещущие, чем реалистичный и последовательный сон, больше похожий на *видение.*

Нет. Так не пойдет. Я не должен распыляться…

Браслет кибстека прочно облегал правое запястье, впившись в кожу сотнями микроскопических контактов.

Итак… — Шелест подошел к окну, машинально встав сбоку, вне прямой видимости. За окном серели предрассветные сумерки. Небо хмурилось, накрапывал мелкий дождь. Ветер раскачивал ветку акации прямо перед уличным фонарем, закрепленным на фасаде дома, и гротескная тень, похожая на черную лапу мистического животного, то удлинялась, то укорачивалась… — *Что я помню?*

Если отвечать честно — немного. Имя и фамилия, подсказанные кибстеком, не будили воспоминаний, но являлись прочной нитью для дальнейшего поиска.

Нужно отталкиваться от фактов.

Он взглянул на кибстек. Данные, оставшиеся в памяти кибернетического устройства, слишком скупы для каких-либо выводов. Единственное, на что следовало обратить внимание, — это образ, использованный для визуализации системы. Почему эреснийский скарм? Случайное понравившееся голографическое изображение или символ, как-то связанный с прошлым?

Почему же ты молчишь, память?

Он отошел от окна.

Рядом с кроватью, на краю низкого столика лежала одежда. Стандартный комплект в плотной прозрачной упаковке. Под ним распластался бронежилет. Рауль отодвинул одежду и взял его в руки. Три шариковые пули по-прежнему поблескивали в районе сердца, прочно сжатые пластичным материалом.

Сев на кровать, Шелест не без усилий высвободил их из упругой оболочки и некоторое время пристально разглядывал, сравнивая с тем шариком, что извлек профессор из разбитого кибермодуля.

Нет, то, что произошло с его памятью, нельзя характеризовать термином «амнезия». Даже понятие «частичная» ничего не объясняло. Взять хотя бы сон. Логично построенное сновидение затрагивало важные, глобальные проблемы. Он прекрасно *понимал* суть того, о чем рассуждали два кибернетических механизма. *Значит, с моим разумом все в порядке, он дееспособен — о какой утрате памяти можно говорить, если мне была понятна сложная теория гиперсферы, не вызывали удивления*

исторические факты…

Он мысленно осекся, осознав, что начинает размышлять о своем сне, словно о реальном, имевшем место событии.

Я должен сосредоточиться и вспомнить, зачем я прилетел на Дион, воссоздать картину случившегося… Это в моих силах!

Мысленный приказ подействовал.

Теперь, глядя на заряды от ИПП[18], он с профессиональной точностью определил: три шарика, застрявшие в бронежилете, как и сферическая пуля, извлеченная профессором, выпущены из скорострельного, но недостаточно мощного оружия. Их диаметр свидетельствовал в пользу импульсного пистолета системы «стайгер».

Он закрыл глаза, пытаясь представить сцену произошедшего.

Смутные контуры трех фигур Короткие отрывистые вспышки статики — предположительно очередь из «стайгера», выпушенная фактически в упор. Стреляли с дистанции в два—три метра.

Боль в голове отступила. Закрыв глаза, он вдруг начал *ощущать случившееся*.

Да. Их было трое. Двое мужчин и женщина.

Стреляла именно она. Рауль почувствовал, как пули бьют в район сердца, у него даже перехватило дыхание от фантомного ощущения ушиба, затем восприятие резко изменилось — он увидел всю сцену со стороны, будто стал отрешенным наблюдателем: вот его тело, подчиняясь инерции полученных ударов, разворачивается, одновременно оседая на пол, и смутная, лишенная даже черт лица, хрупкая женская фигура с точностью и хладнокровием профессионального убийцы машинально производит контрольный выстрел в затылок.

Мысленно воссозданная модель событий виделась Раулю не просто правдоподобной — теперь он был уверен: именно так все происходило на самом деле…

Он открыл глаза, посмотрел на браслет кибстека и несколько раз энергично встряхнул рукой, пытаясь сделать так, чтобы прибор слетел с запястья.

Не тут-то было. Кибстек сидел на месте как влитой.

Он снова закрыл глаза, повторно прокручивая в памяти воссозданную модель событий.

Рауль тут же вспомнил: кибстек был расстегнут, система активирована…

Мучительные размышления походили на осторожные шаги в

абсолютном мраке. Он медленно двигался к истине, понимая, что оперирует привычной для себя логикой.

Три выстрела в грудь… что было потом, в кратком промежутке между острой болью от ушибов и полной потерей сознания?

Рука убийцы резко перемещается.

Чувство удивления, граничащее с отчаянием. *Выходит, я узнал ее?*

Нет ответа, но, прежде чем сознание гаснет, он видит, как с запястья убийцы на пол падает расстегнутый браслет кибстека.

Но ведь это мой кибстек?!

Еще раз с повторением мучительной боли, как физической, так и моральной, только медленнее…

Еще одна деталь. Теперь он успевает заметить, что она, перемещая ствол оружия вслед его падению, успела расстегнуть браслет кибстека.

Какой человек может действовать с такой скоростью, точностью и хладнокровием?

Кибрайкер… Лукас назвал его кибрайкером, когда увидел дополнительные импланты.

Что ж… Обратимся за помощью к профессору. Думаю, он не откажет в короткой консультации.

Лукаса он отыскал в лаборатории. Увлеченный исследователь либо не ложился вообще, либо встал еще до восхода.

— У вас телосложение атлета, Рауль, — поздоровавшись, заметил Лайт. — Можно только позавидовать такой фигуре.

Шелест на миг смутился. Он совершенно позабыл о приготовленной для него одежде, явившись в лабораторию почти нагишом.

— Простите, профессор. Я сейчас.

— Полноте. Если вам не холодно, можете оставаться. Меня не смущают такие мелочи. Гм… — Он искоса посмотрел на Рауля и добавил: — Странная татуировка у вас на плече. Вы имеете отношение к национальному заповеднику Элио?

Шелест вздрогнул, затем обернулся, отыскал взглядом зеркало и подошел к нему.

Действительно, на левом плече красовалась татуировка: стилизованное изображение оскалившегося эреснийского скарма, сжимающего в зубах нечто отдаленно напоминающее небольшой кибернетический механизм.

Одна странность следовала за другой, и не было им конца…

Отойдя от зеркала, Рауль сел в кресло и спросил, машинально сцепив пальцы рук в замок:

— Лукас, при первой встрече вы назвали меня кибрайкером. Почему? Вы можете пояснить мне этот термин?

— Боретесь с амнезией? Похвально. Вы демонстрируете незаурядную волю к жизни. Иной в вашем положении впал бы в глубокую депрессию…

— Я спросил о кибрайкерах, док, — не очень-то вежливо перебил его Шелест.

Лукас пожал плечами.

— Я мало сведущ в биокибернетике, — откровенно признался он. — Могу поделиться только общими представлениями, на уровне обывателя.

— Меня устроит и такая трактовка.

— Что ж, извольте. Термин «кибрайкер» появился относительно недавно и, как я понимаю, пришел в наш лексикон с планет корпоративной Окраины, где он обозначал людей, разум которых был напрямую связан сразу с несколькими имплантами. Количество дополнительных нейромодулей, насколько я знаю, варьируется от двух до семи, в зависимости от степени психической устойчивости человека и уровня сложности задач, которые он решает.

— А какие задачи ставят перед собой кибрайкеры?

— Эти люди взламывают компьютерные сети исключительно силой собственного рассудка, — ответил Лукас. — По крайней мере так утверждают средства массовой информации. — Он внимательно посмотрел на Рауля и продолжил: — Поначалу дополнительные импланты играли роль посредников между человеческим разумом и кибернетическими сетями, позволяя кибрайкерам получать дистанционный доступ к оборудованию станций ГЧ, через которые идут основные информационные потоки Интерстар. Затем ситуация усугубилась. Говорят, что с современными кибрайкерами невозможно бороться обычными средствами защиты. Благодаря дополнительным модулям они не просто взламывают сеть, а субъективно ассоциируют себя с ней, ощущают кибер-пространство со всеми его ловушками, избирая безопасные участки, по которым им легко добраться до нужной информации, не оставляя следов.

— И вы полагаете, что я один из них?

— А что я должен был предположить, когда закон разрешает имплантацию одного стандартного модуля, а у вас их четыре, если не ошибаюсь?

— Осталось три… Скажите, профессор, кроме кибрайкеров, кто-то еще применяет дополнительные импланты?

Лукас пожал плечами.

— Я слышал, что там же, на Окраине, существует категория людей,

которые называют себя мнемониками. На мой взгляд, они, по сути, те же кибрайкеры, отличие заключено лишь в субъективном восприятии жизненных целей и соответственном приложении своих способностей — мнемоники не взламывают компьютерные сети, их специально готовят для защиты информационных потоков от стороннего вторжения. Но вы не подпадаете под данную категорию по физическому признаку.

— Какому?

— Вы мужчина. А все мнемоники, как правило, — женщины. Здесь эксплуатируются психологические черты женского характера — они более склонны к защите, нежели к разрушению…

— Опасное заблуждение, док…

— Что? — не понял Лукас.

— Извините. Это вырвалось само собой. Я не знаю. — Рауль продолжал хмуриться, пытаясь понять, что за ассоциации пробудились в глубинах его рассудка во время рассуждений профессора. Словно чья-то неуловимая тень промелькнула и исчезла, оставив после себя острое, граничащее с тоской чувство. — Пожалуй, я пойду оденусь, — не желая развивать дальше затронутую тему, произнес Рауль.

Лукас лишь рассеянно кивнул в ответ; во время их короткой беседы он несколько раз поглядывал на монитор переносного компьютера, куда выводились данные очередного эксперимента, вынужденно деля внимание между вопросами Шелеста и ходом исследования.

— Я освобожусь приблизительно через час. Шелест уже не слышал адресованной ему фразы профессора. Он поднимался по лестнице на второй этаж.

«Нет, я не был ни кибрайкером, ни мнемоником, — подумал Рауль, входя в комнату. — Видимо, существует еще и третья категория людей, которым необходимы дополнительные кибернетические модули. Причем их имплантация проходит на законных основаниях, иначе меня задержали бы еще в космическом порту, сразу по прилету на Дион».

Размышляя таким образом, он вошел в комнату, где очнулся после операции по извлечению пули.

Нужно действовать. Следует вернуться к месту схватки и внимательно осмотреть отсек древнего корабля. — Он надел бронежилет, который своей пластичностью напоминал вторую кожу, и только после этого вскрыл герметичную упаковку с комплектом одежды.

Очевидно, стандартный набор был приобретен Лукасом для собственных нужд, в частности для светских выходов.

Рубашка темно-синего цвета пришлась Раулю как раз впору, а вот

строгий деловой костюм показался неудобным и неуместным.

Он подошел к зеркалу, чтобы взглянуть на себя, и неожиданно вспомнил про татуировку.

Обнажив плечо, Шелест посмотрел на стилизованное изображение эреснийского скарма, и вдруг…

Как будто в его рассудке рухнула плотина, сдерживавшая до определенной поры напор воспоминаний.

Татуировка являлась эмблемой спецподразделения по борьбе с кибернетическими механизмами.

Рауль медленно сел на кровать, обхватив руками голову.

Он вспомнил. Вспомнил все до мелочей.

Неодолимая горечь наполняла его мысли.

Как же я мог так ошибиться? Неужели нет на свете любви, а помыслами людей движет лишь ненависть?..

Дион. Гостиничный комплекс «Олимп». Трое суток назад

Рауль не рассчитывал, что сможет легко отыскать Дашу.

По прибытии на Дион у него имелась только одна зацепка — некий Рилл Стаферс, совладелец гостиничного комплекса «Олимп».

Шелест готовил себя к трудным, планомерным поискам, поэтому в первый же вечер он отправился ужинать в ресторан, расположенный на территории «Олимпа», надеясь осмотреться и, если повезет, собрать информацию об интересующей его личности.

На поверку все оказалось совершенно не так, как представлял себе Рауль.

…Несмотря на поздний час, зал ресторана был полупустым. Тихо играла музыка, немногочисленные посетители словно растворялись в интимном сумраке, обилие декоративных растений мешало взгляду контролировать все пространство, и Шелест решил зайти в бар, откуда был виден вход в заведение.

Сегодня он не планировал предпринимать никаких активных действий, хотел лишь присмотреться к обстановке, но, проходя мимо одного из столиков, отгороженного живой стеной экзотических растений, он внезапно ощутил резкий, пристальный и неприязненный взгляд.

Не оборачиваясь, он прошел мимо, на несколько мгновений активировав импланты.

За столиком сидели четверо.

Сам Рилл Стаферс, образ которого содержали воспоминания Даши, двое незнакомых Раулю парней крепкого телосложения и… *она.*

Дальнейшие события развивались стремительно и непредсказуемо.

Рилл кивнул в сторону Шелеста, и двое его подручных туг же встали, направляясь вслед за ним ко входу в бар.

Рауль не выключил имплантов, он сразу же понял, что его не только знают в лицо, но и *ждут*.

В эти мгновения в его сознании происходили неприятные перемены, там искажался бережно хранимый образ…

— Ну-ка, постой, — раздался сзади откровенно угрожающий голос.

— В чем дело? — Шелест обернулся, теперь уже готовый к любым неожиданностям, но, как оказалось, он предусмотрел далеко не все…

— Поговорить надо. Выйдем?

— Говорить мне с вами не о чем, — отрезал Шелест. Если они нападут на него, то пусть это произойдет тут, на глазах немногочисленных свидетелей.

В следующий миг Рауль ощутил волну горечи и страха, которая вдруг резко трансформировалась в нечто иное:

Я же предупреждала тебя, что второго раза не будет.

Жестокий мнемонический удар обрушился на его рассудок, в голове Шелеста вспыхнула нестерпимая боль, обстановка ресторана поплыла перед глазами, теряя резкость очертаний.

Перед ее стремительной мнемонической атакой не мог устоять ни один блок.

Как быстро и глупо все закончилось, — успел подумать Рауль, прежде чем его сознание взорвалось мириадами ослепительных брызг…

Голоса.

Они звучали совсем близко, отчетливо.

— Молодец, девочка. Я рад, что не ошибся в тебе. — Эти слова принадлежали Стаферсу. — Отвезите его подальше от города, — теперь он, по-видимому, обращался к своим подручным. — А тебе, милая, придется прокатиться с ребятами. Я хочу, чтобы ты пристрелила его лично. Ну? Что ты молчишь?

Вместо ответа он услышал мягкое шуршание вечернего платья.

Его подхватили под руки и поволокли к выходу из ресторана.

Особняк профессора Лукаса

Рауль едва ли помнил, как спустился вниз.

Ему было невыносимо оставаться наедине с собой, с очнувшейся памятью, которая теперь четко прорисовывала черты лица стрелявшей в него женщины.

Спустившись на первый этаж, он посмотрел на Лукаса, который возился с непонятным прибором, и сел в кресло, не в силах противостоять

горькому запоздалому прозрению.

Итак, это была она…

Все, очевидно, становилось на свои места, и Рауль, ослепленный прямотой доказательств, не увидел косвенных свидетельств, которые могли бы дать ему возможность взглянуть на ситуацию иначе.

В эти минуты он относился к самому себе чуть ли не с презрением.

С чего я вообразил, что ей нужна помощь? Рыцарь… Мало один раз получил по мозгам, так нет, выстроил себе систему ценностей, совесть подключил, жалость. Погибает человек… Ничего подобного. Она предупреждала тебя, что второго раза не будет? Предупреждала. Вот и получил пулю в башку.

— О чем-то задумались? — Вопрос Лукаса прервал процесс морального самобичевания.

— Думаю, что мне пора, док, — глухо произнес Шелест. — Я и так злоупотребил вашим гостеприимством.

— Поедете в гостиницу?

— Скорее пойду, — ответил Шелест. — Периметр этого отстойника охраняется?

— Чисто номинально.

В этот момент за окном промелькнул и исчез свет фар.

— Кто-то едет, — встревоженно заметил Лукас.

— Здесь редко проезжают машины?

— Практически никогда. Я иногда пользуюсь транспортом, а обитателям трущоб средства передвижения недоступны. Если только угнали где-нибудь.

Свет фар снова промелькнул за окном, скользнув яркой полосой по плотно зашторенному окну.

— Движется в нашем направлении, — заметил Рауль.

— Не волнуйтесь. Дом охраняет андроид.

— Да я вообще-то спокоен, — ответил Шелест.

Неподалеку явственно взвизгнули тормоза, затем раздался негромкий звук шагов.

— Вы не ожидали посетителей, док?

— Нет. Однозначно.

— Выходит, у нас проблемы. — Рауль резко встал, направляясь к входной двери. Прошло уже секунд десять, как стихли шаги, но он не услышал ни синтезированного голоса андроида, ни звука выстрелов.

Дверь отворилась раньше, чем он успел прикоснуться к замку.

Шелест машинально отступил на шаг, одновременно смещаясь

вправо, но не ударил, как намеревался, — первым в дверной проем с грохотом ввалился андроид: он даже не успел достать оружие, прежде чем его превратили в подобие безжизненного манекена.

Следом, перешагнув через поверженную машину, в Дом вошла Даша Лоури.

Их взгляды на мгновение встретились.

Только на мгновение, потому что она тут же опустила глаза, будто ожегшись о холодные зрачки Шелеста.

Среди наступившей внезапно тишины прозвучал ее чуть хрипловатый от волнения голос:

— Ты плохо подумал обо мне, Рауль.

— Пришла исправить оплошность?

— Это не было оплошностью. Если позволишь, то объясню. А вообще я приехала за тобой.

Лукас Лайт стоял в немом изумлении, переводя взгляд с бледного лица девушки на Рауля, затем на поверженного неведомой силой андроида и обратно на Дашу.

— Хорошо. Давай поговорим.

— Только наедине. Давай выйдем. Меня не устраивают свидетели.

— Ладно. — Шелест обернулся к Лукасу. — Я не прощаюсь, док. Надеюсь, что смогу привести его в порядок. — Он указал взглядом на андроида и, молча перешагнув через него, вышел вслед за Дашей на улицу.

Она обернулась:

— Злишься на меня?

— За пулю в голове? Глупый вопрос. Профессор вытащил ее.

Губы Даши предательски дрогнули.

— Больно было?

Вот такого вопроса Рауль не ожидал. Что-то опять пошло не так. Путаница в мыслях, в душе…

Она перехватила его взгляд и добавила:

— Ты решил, что я случайно обронила кибстек?

Рауль не отрываясь смотрел на нее, опять ругая себя последними словами. А еще говорят, что мужчины сообразительнее женщин.

— Тебя подставили. — Она говорила глухо, с непонятным надрывом в голосе. — Я знаю, зачем ты прилетел на Дион. И Стаферс знал об этом заранее. Он решил повязать меня твоей кровью. Приставил двух громил и приказал убить тебя. Мне, лично.

Шелест порывисто шагнул к ней, но вдруг остановился.

Он понял все. Да, она стреляла в него, потому что обстоятельства не

оставили Даше никакого выбора. Мнемоник обладает силой там, где есть устройства, подвластные его воле, но против двух дебилов, готовых пристрелить ее при любом неосторожном движении, у нее не было средств борьбы.

Зато она могла до сотой доли миллиметра рассчитать точку попадания, произвести мгновенные вычисления и незаметно сдвинуть вариатор напряжения импульсного пистолета до минимума. Стреляя, она заранее знала, что пуля попадет в имплант, но не пробьет его, а застрянет в разбитом чипе.

— Зачем ты лишила меня памяти?

— Лишь поставила мнемонический блок. У меня было всего несколько секунд. Если бы ты очнулся, помня все, наделал бы глупостей. Я ведь точно знала — ты прилетел, чтобы спасти меня.

Шелест не смог возразить.

— Знаешь, о чем я подумала? — Даша шагнула к нему и вдруг порывисто прижалась к груди. — Мы оба мнемоники. И мы… разучились быть людьми.

Ее руки были холодными, Шелест чувствовал это сквозь тонкую ткань рубашки. Она дрожала, и он прижал Дашу к себе, ощутив ее дыхание, а вместе с ним горячий, обжигающий шепот:

— Я столько думала о тебе… Ждала… Я знала, что ты прилетишь…

— Откуда?

— Чувствовала… Частица тебя постоянно жила во мне. Только все уже позади.

Он чуть отстранился, внимательно посмотрев в ее глаза.

— Что позади?

— Я свободна. Господи, Рауль, мне кажется, что я знаю тебя много лет, хотя мы виделись лишь дважды…

Что он мог ответить? Что чувствовал то же самое, потому и решился ее искать? Но она и без слов знала об этом.

— Ты ушла от Стаферса?

Она промолчала.

По спине Рауля проскользнул холодок.

— Ты *убила его* ?

— Нет. — Даша прижалась щекой к его груди и тихо добавила: — Я не убийца. Я мнемоник. Возможно, он сам пустит себе пулю в лоб, когда поймет, что разорен. Но это будет завтра. И нас не окажется поблизости.

— Куда же мы денемся?

— Улетим. Куда скажешь, Рауль. Но только вдвоем и подальше от

людей. Мне кажется, я ждала тебя вечность, и не хочу, чтобы рядом был кто-то еще…

Трудно выразить словами их чувства. Они могли бы обойтись без слов, но горячий шепот срывался с губ вместе с дыханием.

Их души, смешавшиеся воедино в момент рокового поединка, наконец нашли друг друга, соединились вновь, и теперь уже было абсолютно неважно, какую меру моральных страданий пришлось отдать за эти мгновения близости.

Он улыбнулся, чувствуя, как ее кожа теплеет.

— Я знаю одно место. Глубоко в космосе. Думаю, люди нас там точно не потревожат.

Часть третья. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 9

Древняя космическая станция

Внутри помещения царил уют.

Неслышно работала система регенерации воздуха, наполняя отсек тонкими, едва ощутимыми, а потому нераздражающими ароматами.

Запах свежескошенной травы. Откуда Охотник мог знать, как пахнет трава?

Рауль лег на спину.

Он ощущал покой. Такое чувство, будто вернулся в детство, где нет жизненных проблем, перед тобой не стоят трудные вопросы бытия, а есть лишь безмятежнее предвкушение нового дня.

Ровное дыхание Даши…

Трудно поверить, что они находятся в глубинах неосвоенного космоса и от ледяной бездны их отделяет лишь материал переборок реконструированных Охотником отсеков.

Мы как будто оказались вне времени… — подумалось Шелесту.

Даша открыла глаза.

— Доброе утро, милый… — прошептала она, не двигаясь, не желая разрушать ощущение покоя.

Он коснулся губами ее щеки.

— Что тебя разбудило?

— Твои мысли…

— Неужели я думаю так громко? — вопросительно усмехнулся Рауль, вспомнив фразу Охотника, произнесенную им при первой встрече.

— Да. — Даша повернулась на бок, чтобы видеть его лицо. — Мне поначалу показалось странным, что ты не контролируешь свои эмоции. Но потом я поняла: ты ведь не пользовался имплантами постоянно, а включал их лишь по мере необходимости, верно?

Рауль кивнул. Он сел, поправив подушку, и Даша прижалась щекой к его плечу.

— Как спокойно… — произнесла она.

Ее фраза заставила Шелеста задуматься.

Вокруг на миллиарды километров простирался космос. При желании они оба могли ощущать его, невзирая на материальные преграды конструкций, предохраняющих хрупкие человеческие жизни от губительного воздействия ледяной бездны.

Кто мы? Почему нам так хорошо вдали от обитаемых планет? Сколько продлится это ощущение безмятежности и что станет с нами, когда оно пройдет?

Даша уловила его настроение.

— Хочешь, я покажу тебе иную реальность? — тихо спросила она.

— В смысле? — не понял Рауль.

— Когда мне становилось совсем невыносимо, я убегала из своего виртуального пространства. — Даша закрыла глаза. — Это просто. Расслабься, не думай ни о чем, позволь своему сознанию почувствовать потоки энергии, пронизывающие Вселенную. Отдайся воле их течения. Это удивительное чувство.

— Ты серьезно?

— Вполне. Хочешь, сделаем это вместе.

Он не стал противиться, просто закрыл глаза, позволяя сознанию войти в резонанс с ее мыслями.

Ощущение, которое он испытал, не могло сравниться ни с чем, пережитым ранее.

Понимала ли Даша, как сильно изменился ее разум вследствие постоянной работы имплантов? Она, не напрягаясь и почти не задумываясь, машинально проделывала непостижимые с точки зрения Рауля вещи.

Что значит ощутить энергетические потоки Вселенной? Как закоренелый материалист, Шелест постоянно искал и находил предел своих возможностей, она же, казалось, не обращает внимания на такие *жлочи*, как технические характеристики сканирующих систем имплантов, — для Даши кибернетические модули являлись лишь ключом, открывающим дверь в *иное*, посредниками, позволяющими ее сознанию вырваться за пределы телесной оболочки…

Рауль никогда не пытался даже помышлять о подобном способе восприятия окружающего мира. Для него материя и сознание всегда являлись неделимыми понятиями, но сейчас с ним произошла удивительная, невозможная на первый взгляд перемена — позволив рассудку любимой стать проводником, он вдруг увидел, ощутил, как растворяется все материальное, а мрак космоса обретает цвет…

Трудно описать словами ощущения человека, внезапно утратившего связь со своей физической оболочкой. Разум. Рассудок. Сгусток абстрактной энергии, для которого не существует границ, но есть пути, ведущие в неизвестность.

Вселенная изменилась. Он не видел привычных россыпей звезд, во

мраке пульсировала *сеть*, чем-то напоминающая созданный людьми Интерстар, но неизмеримо больше, мощнее, чем тонкие информационные потоки, связующие между собой отдельные обитаемые миры.

Даша влекла его за собой, она не пугалась подавляющей рассудок глобальности: потоки энергии казались бесконечными, они возникали в бездне и исчезали в ней.

И все же, несмотря на острую новизну ощущений, Рауль видел в окружающем пространстве нечто знакомое, поддающееся систематизации.

Гиперсфера.

Это же силовые линии аномалии!

Он не мог остановиться, потому что не знал, как управлять своим перемещением, — воля Даши влекла его в пространство, где не существовало материальных тел, только энергетические потоки, образующие сложную многоуровневую сеть…

Рауль не испытывал страха. Все привычные чувства меркли перед осознанием свершившегося факта — они приближались к вертикали и спустя мгновение слились с ней, отдавшись, как и предлагала Даша, течению энергетического потока.

Невероятно.

Рауль был потрясен. Он ощущал силу, влекущую его рассудок в недра аномалии, и не сопротивлялся ей, полностью доверившись в эти мгновения Дашиной интуиции.

Она действительно совершала подобные путешествия — Рауль воспринимал лишь чувство восторга, которое испытывала она от абсолютной свободы своего разума, который мог достичь *любой* точки материальной Галактики.

Как решилась она на подобное путешествие в первый раз? Почему осмелилась отделить разум от тела?

Ответ скрывался там, в исчезнувших сумерках ее прошлой реальности, в неистовом желании бежать, ища спасения от себя самой.

Да, наверное, впервые это произошло именно так.

Смотри, милый… Сейчас ты увидишь центр мироздания.

Ее мысль пришла одновременно с резким изменением окружающего пространства — это вертикаль отпустила их сознания, оказавшиеся в невероятном пространстве.

Шелест не мог представить ничего подобного.

В центре всего сущего сиял холодным светом сгусток энергии, по своей форме напоминающий миниатюрную модель галактического диска.

Вокруг него на единой орбите расположились девять планет —

восемь из них были лишены атмосфер, и лишь девятая сияла нежной лазурью, словно драгоценный камень, украшающий темное ожерелье[19].

На фоне обладающей атмосферой планеты четко просматривались узнаваемые контуры космических кораблей — это были крейсера Военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Одно потрясение следовало за другим. Рауль вдруг понял, что они соприкоснулись с величайшей из тайн, но Дашу не смутил вид боевых кораблей Конфедерации, казалось, что ее вообще не волнует их присутствие в самом центре аномалии космоса.

Секундой позже Шелест понял, что ошибся.

— *Мы должны исчезнуть отсюда.*

— *Почему?*

— *Здесь работают мнемоники военного флота. Они и только они могут ориентироваться в этом пространстве.*

— *Ты общалась с ними?*

— *Нет. Такой контакт губителен. Они несут боевую вахту, охраняя это пространство.*

— *Зачем?*

— *Ты разве не видишь? Вокруг нас только вертикали гиперсферы. Миллиарды вертикалей, связанных с реально существующими звездными системами.*

— *И что мы будем делать? Вернемся назад?*

— *Нет. Выберем новую вертикаль. Разве тебе не любопытно взглянуть на мир, который еще никогда не видел ни один человек?*

— *Мы сможем вернуться назад?*

— *Конечно. Доверься мне. Я знаю, как ориентироваться. Оглянись назад. Видишь вертикаль, которая едва заметно пульсирует?*

— *Да.*

— *Мы пришли по ней. Она еще некоторое время будет отличаться от других. Так мы найдем обратный путь. Все просто, милый.*

Рауль был слишком сильно потрясен внезапными впечатлениями, чтобы противиться.

— *Смотри, вот еще одна нестабильная линия напряжения,* — заметил он.

— *Давай заглянем.*

Головокружительный подъем.

Шелест с трудом мог осмыслить происходящее. Он понимал — это не мистика и не сон, все имело свое объяснение, над которым придется

размышлять… но позже.

Вертикальная линия напряжения гиперсферы отпустила их, но на этот раз Рауль и Даша оказались почти у самой поверхности планеты.

Немыслимые для неподготовленного рассудка потрясения следовали одно за другим.

Восприятие раздваивалось, он по-прежнему видел мощный энергетический столб (по крайней мере сознание Шелеста использовало именно такие ассоциации) и в то же время мог наблюдать реальную картину событий, происходящих на поверхности неведомого мира.

Даша тоже видела происходящее.

Ее восторг внезапно растаял, и она почти умоляюще обратилась к Раулю.

— Давай уйдем отсюда, пока видна вертикаль. Я неудачно выбрала место назначения.

На этот раз он воспротивился:

— Нет. Давай задержимся, хотя бы ненадолго.

— Тебе не надоела война? — В ее голосе прозвучали холодные и, как показалось ему, панические нотки.

Внизу действительно шел бой. Странные, непривычные взгляду механизмы шли на штурм полуразрушенного цоколя — исполинского типового сооружения, которое возводили колонисты эпохи Великого Исхода. Подобные сооружения имелись практически на всех освоенных людьми планетах Обитаемой Галактики.

— Даша, разве ты не узнаешь эти сервомеханизмы?

— Узнаю…

В ее мысленном ответе явственно ощущалась дрожь. Цоколь атаковали машины, полностью аналогичные тем, что когда-то вторглись на Треул.

— Ты не должна бояться. Нам ничего не угрожает, верно?

— Я хочу уйти отсюда.

— Хорошо. — Рауль понял, что их захватывающее путешествие грозит обернуться для нее нервным срывом, последствия которого будут попросту непредсказуемы.

— Возвращаемся.

Они одновременно открыли глаза.

Дашу била непроизвольная дрожь, от недавнего душевного покоя не осталось и следа.

Рауль не стал досаждать ей вопросами, он поднялся и принес ей теплый халат, бережно обнял ее за плечи и, заглянув в испуганные глаза,

сказал:

— Все хорошо. Если на пути возникает проблема, ее нужно решать. Иначе ты никогда не избавишься от своих страхов и воспоминаний.

— Зачем я выбрала именно эту вертикаль… — в отчаянии прошептала она. — Мне первый раз за последние годы было так хорошо, так спокойно…

— Я понимаю, ты испугалась. Но бежать от своего страха — значит навек остаться его заложником. Ты ведь уже проходила через это.

— Да…

— Тогда давай поступим так: сейчас мы оденемся, пойдем к Охотнику и вместе все обсудим. Одна голова хорошо, а три, согласись, лучше.

— Что мы будем обсуждать, Рауль? — испуганно спросила Даша.

— Мы только что прошли через аномалию космоса и виртуально присутствовали в пространстве планеты, на поверхности которой существует поселение людей, так?

Она кивнула.

— Это одна из потерянных колоний Первого Рывка. Согласна?

— Да.

Рауль присел на край кровати и сказал, заглянув в ее полные безотчетного страха глаза:

— Дело в том, что я тоже узнал механизмы, которые едва не убили тебя на Треуле.

Даша вздохнула.

— Конечно, ты должен был их узнать. После нашей встречи на Эресе твое и мое сознание смешались…

— Нет, все несколько сложнее. После того как профессор Лукас удалил пулю из моего импланта, я почти сутки провел под воздействием успокоительного. Насильственный сон породил в моем воображении достаточно странное, слишком логичное, последовательное видение. Теперь я понимаю, что это был не сон, а передача данных с использованием уникальных свойств вертикали. Существа, вторгшиеся на Треул, называют себя сервоидами, они — эволюционировавшие механизмы времен Первой Галактической.

Даша искоса посмотрела на Рауля, зябко кутаясь в халат.

— Ты ничего не рассказывал мне об этом.

— А разве у нас было время на откровения, милая?

— Но я не хочу думать о них, разговаривать на эту тему, понимаешь?

— Понимаю. Но тебе придется перешагнуть через свой страх. Это реальная проблема, и мы все равно не сможем игнорировать ее и сделать

вид, что ничего не знаем, не помним. — Он ободряющее посмотрел на Дашу и добавил: — Планета, которую мы видели, называется Аракс. И там под ударами машин гибнут люди. Только не говори, что тебе все равно, ладно?

Даша медленно подняла взгляд.

Шелест… Рауль, милый, что же ты делаешь со мной…

И вдруг она поняла — именно таким он виделся ей в смутных мечтах. Именно таким. Иначе они бы никогда не встретились вновь, потому что мало кто решится заглянуть в опустошенный разум погибающего мнемоника и приказать умирающему рассудку жить.

Если бы он был другим, то просто засвидетельствовал бы факт ее смерти и пошел бы дальше своей дорогой.

Нет, не так… Если бы он был другим, она никогда бы не полюбила его так сильно, отчаянно и нежно.

Она долго пыталась внушить себе, что до остальных людей ей нет никакого дела, но это была лишь иллюзия, самообман. Если ты отрекаешься от других, то и сам перестаешь быть человеком.

Охотник не торопился.

Он действовал основательно, за три года, минувшие после его встречи с Раулем, «Фалангер» реконструировал всего лишь пять смежных отсеков станции.

Еще накануне, осматривая их, Шелест с удивлением отметил, что кибернетический разум серв-машины внес существенные коррективы в проект электронно-механического мира.

Во-первых, он уже не пренебрегал маскировкой. Штурмовой носитель был спрятан в специально созданном ангаре, свод которого, помимо двухслойного экранирующего покрытия, имел своеобразную бронезащиту: исковерканная обшивка станции повсеместно сохранила свой микрорельеф, и лишь под старым корпусом, надежно скрывающим от постороннего взгляда все новшества, располагались вновь созданные конструкции, защищенные метровой толщей керамлита.

Поначалу такое радикальное изменение проекта насторожило Шелеста. Разум «Одиночки» сделал собственные выводы из событий трехлетней давности и уже не стремился продемонстрировать свои творения любому человеку, оказавшемуся поблизости от станции. Им с Дашей пришлось приложить определенные усилия, чтобы отыскать Охотника, — созданная им система маскировки работача безупречно, и у Шелеста в первый момент возникли серьезные опасения — не произошел ли в системе «Фалангера» своеобразный «откат» к древним боевым

программам?

Его сомнения только усилились при первой экскурсии по реконструированным помещениям.

Ангар для «Нибелунга», отсек систем слежения и связи, личный технический бокс и уникальный в своем роде ремонтный цех, где проходили реконструкцию поврежденные сервомеханизмы, доставленные Охотником из зоны многовекового противостояния, наглядно показали Шелесту, что нейросеть «Одиночки» получила новый импульс саморазвития, усвоила и проанализировала сведения о современном человечестве, об отношении людей к реликтам, сохранившим функциональность со времен былой войны.

Какие выводы сделал для себя Охотник, если его мечта об открытом, доступном, сверкающем мире вдруг ушла вглубь, под исковерканную оболочку станции, а реализация нового проекта уже не имела ничего общего с той символической аркой, что так глубоко затронула сознание Рауля?

Четыре заново воссозданных отсека станции пробуждали ассоциации с грамотно укрепленной, отлично замаскированной базой, где имелось все необходимое для возрождения самодостаточного анклава машин.

Однако все подозрения Рауля рассеялись как дым.

Он испытал невероятное облегчение, когда Охотник привел их к небольшой двери, находящейся в зале компьютерных систем.

Если все осмотренные ими помещения и переходы имели размеры, соответствующие габаритам тяжелой серв-машины, то данный вход выглядел игрушечным по сравнению с исполинской фигурой «Фалангера».

— Входите. И чувствуйте себя как дома.

У Рауля вдруг потеплело на душе.

Он первым перешагнул порог отсека и остановился, не в силах скрыть свого изумления.

Здесь все предназначалось *для людей*.

Центральное помещение напоминало уютную гостиную, с которой граничили три отдельные комнаты, оснащенные всем необходимым для длительного комфортного проживания гостей, далее располагались бытовые помещения, в которых Охотник установил неизвестно где и как добытые синтезаторы пищи, регенераторы воздуха и водяные рециркуляторы.

«Как будто фрагмент фешенебельного отеля», — подумал Шелест, рассматривая обстановку гостиной. Помимо декоративной отделки, в стены были вмонтированы стереоэкраны, демонстрирующие пейзажи далеких

планет, на которых никогда не бывал Охотник.

Ты удивлен? — Даша заглянула в спальню и мысленно добавила: — *Разве ты не обратил внимания, что все отсеки, включая ангар «Нибелунга», оснащены системами поддержания жизни?*

Мечта Охотника не исчезла. Он лишь глубже осознал реальность и не мог пренебречь обретенным опытом.

— Ты ждал моего возвращения? — не удержавшись, спросил Рауль.

— Я надеялся, что ты вернешься, — ответил оставшийся в компьютерном центре Охотник. — И я рад, что ты пришел не один.

— Как ты создавал эти помещения? — вмешался в их разговор голос Даши.

— Пришлось на время сменить оболочку. На станции нашлось несколько старых машин андроидного типа. Это было любопытно и познавательно — на время ощутить себя человекоподобной конструкцией.

— Охотник, нам нужно поговорить с тобой.

— Доброе утро, Рауль. Я включил систему имитации смены дня и ночи. Вам было удобно?

— Да… Мы прекрасно выспались.

— В таком случае я распоряжусь относительно завтрака.

— Мы можем совместить приятное с полезным. Нам необходима твоя консультация.

— Я не совсем тебя понимаю, Рауль. Возникли проблемы?

— Ты следишь за показаниями датчиков, Охотник?

— Данные поступают ко мне автоматически каждые тридцать минут.

— В течение последних часов сенсоры регистрировали какие-либо аномалии?

— Да. Было локальное возмущение гравитационного поля. Источник определен.

Вот и подтверждение. Значит, мы действительно были там. У Шелеста исчезли последние сомнения относительно реальности происходящего. Локальная аномалия. Пробой метрики силой разума? Нужно будет уточнить показания приборов станции. И следует отдать должное Охотнику — определив источник энергетической аномалии, он тем не менее не побеспокоил их.

— Именно об этом нам нужно поговорить, — произнес Рауль. — Я ценю твою тактичность, однако вопрос касается нас всех, и его решение не терпит отлагательств.

— Станции что-то угрожает?

— Нет. Нам с Дашей необходимо узнать твое мнение относительно

полученной нами информации.

— Я готов. Где будет удобнее встретиться?

— Буду признателен, если ты сменишь оболочку и зайдешь к нам.

— Уже иду.

Они сидели в глубоких креслах, расположенных вокруг стола, сервированного для завтрака.

Два мнемоника и андроид, которым в данный момент управлял кристалломодуль «Одиночки».

Три судьбы, три сознания, прошедшие через тяжелые испытания, — каждый из них обладал своим уникальным взглядом на мир, собственными неповторимыми способностями и опытом: казалось, что сейчас в реконструированном отсеке древней станции сошлись линии времени, олицетворяющие прошлое, настоящее и будущее.

— Мы бы хотели получить независимую оценку имеющейся информации, — произнес Рауль, поставив на стол чашку с кофе. — Нам с Дашей трудно быть объективными, наши мнения расходятся.

— Я готов к приему данных.

На полную трансляцию событий, начиная с вторжения чужеродных кибермеханизмов на Треул, странных видений Рауля, включавших в себя не только яркий, последовательный сон, но и смутные образы, которые он воспринимал еще на Эресе, и заканчивая виртуальным путешествием двух сознаний по силовым линиям аномалии космоса, ушло около получаса.

Вся информация передавалась на мысленном уровне, через устройства имплантов. По мере ее накопления Охотник начал обработку данных, подключив для их временного хранения терминалы компьютерного центра.

Наконец, когда кибермодули закончили трансляцию машинного кода, Шелест открыл глаза, ощущая легкое головокружение и сухость во рту.

Допив успевший остыть кофе, он посмотрел на Дашу, затем на андроида, который неподвижно застыл в кресле, и встал. Нервное напряжение, овладевшее Раулем, требовало какой-то разрядки; он прошелся по комнате, разминая затекшие ноги, потом остановился, перехватив взгляд Даши, красноречиво указывающий на стереоэкраны.

Пейзажи планет исчезли. В объеме виртуальных окон вместо кьюиганской степи или панорамы Равоpграда с видом на залив Эйкон теперь проецировались совершенно иные картины.

Охотник молчал, продолжая обработку полученных данных, но некоторые-мыслительные процессы, протекающие в нейросистеме «Одиночки», внезапно нашли свое отображение в форме визуализации

конкретных воспоминаний, не принадлежавших людям…

Это была память Охотника…

Даша смотрела на экраны, ощущая, как ее охватывает дрожь.

События тысячелетней давности обретали краски и смысл, прошлое и настоящее не противоречили друг другу, напротив, они стремились объединиться, заполнить немногие белые пятна в замысловатом сплетении трех судеб…

Прошлое…

Судя по особенностям изображения и характерному символу, периодически появляющемуся на фоне видеоряда, съемка велась видеодатчиками тяжелой серв-машины. Кроме условного маркера, поверх изображения возникали бегущие столбцы машинного кода, не совсем понятные для Даши, но легко читаемые сознанием Рауля.

Он наклонился к ней, обняв за плечи, и вошел в мнемонический контакт, мысленно комментируя суть событий.

В беззвучье вакуума шел ожесточенный бой.

Два штурмовых корвета Флота Колоний сближались с автоматическим заводом-станцией; поверхность атакованного объекта ритмично озарялась шквалистыми вспышками — это работали комплексы противокосмической обороны, пытаясь остановить атаку вражеских кораблей.

Позади двух корветов медленно рассеивалось облако обломков, очевидно, это были фрагменты третьего из них, уже уничтоженного.

Ракурс, с которого велась съемка, выглядел необычно: в зоне разрешающей способности видеодатчиков виднелись острые осколки бронеплит, в глубинах ангара, освещенный красноватым сиянием аварийных источников, просматривался хорошо узнаваемый контур штурмового носителя — малый корабль был сорван со стартовых направляющих и лежал, перевернувшись набок, подмяв под себя фермы обслуживания.

Изображение на экранах вдруг озарилось частыми, режущими глаз вспышками, и вслед за ними перед внутренним взором машины появились строки машинного кода, содержащие команду к предстартовой готовности.

Ошибка.

Действие невозможно.

Штурмовой носитель поврежден.

В этот момент головной корвет Флота Колоний вдруг начал распадаться на отдельные фрагменты.

Обломки корабля продолжали двигаться по инерции, пока не врезались в обшивку станции, пробивая ее на всю глубину трехслойного

бронирования.

Снова на фоне видеоряда появились командные последовательности.

Рауль переводил для Даши приказы, адресованные кибернетической системе «Фалангера».

Серв-машинам подразделения — высадка с использованием собственных реактивных двигателей.

Текущая задача: уничтожение десантных сервомеханизмов противника.

Изображение на экранах пришло в движение — это «Фалангер», возглавлявший подразделение тяжелых планетарных механизмов, направился к пролому в обшивке корабля.

Еще секунда — и он без колебаний шагнул в разверзшуюся под ступоходами бездну.

На одном из экранов появилось изображение удаляющегося базового корабля высадки.

Рауль безошибочно определил — это был фрегат Земного Альянса, а секундой позже он отчетливо увидел его название: «Гекуба».

Теперь видеоряд обрел иную динамику: серв-машины, маневрируя тягой реактивных двигателей, приближались к изувеченной поверхности станции, одновременно уклоняясь от столкновения с множеством обломков.

Они не успели.

Ступоходы «Фалангера» еще не вошли в соприкосновение с обшивкой объекта, когда в космосе внезапно разлилось бледное, характерное сияние, обычно предшествующее гиперпространственному переходу… и тут же, затмевая его, взъярилась нестерпимая для глаз вспышка ядерного взрыва.

Не оставалось никаких сомнений — фрегат «Гекуба», пытаясь скрыться в гиперпространстве, не успел завершить переход, энергия ядерного взрыва сбила точную настройку генераторов высокой частоты, отправив корабль в «слепой рывок» через аномалию космоса…

…Экраны на миг померкли, и вдруг в их глубинах возникло изображение сервомеханизмов, атаковавших колонию Треула.

Память Даши.

Она запечатлела не только их облик, но и непонятный для нее машинный код, которым обменивались пришельцы.

Код, понятный для Рауля и Охотника.

Без сомнения, он был шифрован той же криптографической программой, которую использовала автоматика фрегата «Гекуба».

Снова резкая смена кадра.

Воспоминания Рауля.

Его реалистичный сон.

Сервоид, появившийся из-за гребня прибрежной дюны.

Полная, стопроцентная идентификация. Это был один из механизмов, побывавших на Треуле.

Последний кадр, поставивший точку в сравнительном анализе, принадлежал совместным воспоминаниям Даши и Рауля.

Механизмы, штурмующие цокольный этаж наполовину разрушенного города.

Сервоиды.

Их облик вдруг начал меняться, вместо реального изображения появилась компьютерная модель, одни типовые узлы заменялись другими, процесс шел в обратном направлении: существующая в данности конструкция видоизменялась, пока на экранах не появилась *узнаваемая* конфигурация кибернетического механизма.

Вот кем, оказывается, являлись загадочные пришельцы, атаковавшие колонию Треула!..

Охотник безошибочно определил в них модифицированных, видоизменившихся андроидов из состава групп пехотной поддержки, базировавшихся на борту фрегата «Гекуба».

Рауль ощутил, как Даша, напряженно следившая за трансформациями компьютерной модели, внезапно расслабилась, облегченно вздохнув.

В ее сознании зловещие призраки обрели наконец материальность, утратили мистический ореол, словно с них сорвали маску.

— Охотник, тебе не кажется, что в ходе сравнительного анализа нарушена некая хронологическая последовательность событий? — Голос Рауля прозвучал хрипло в напряженной тишине, которая воцарилась после последней смены изображения.

— Да. Разговор между киберсистемой, отождествляющей себя с именем Отшельник, и модифицированным андроидом по логике должен предшествовать вторжению сервоидов на Треул.

— Ты можешь пояснить, почему я получил информацию спустя годы после вторжения?

— Это воспоминания. Отшельник прокручивал в памяти подоплеку происходящих в данный момент событий, находясь в непосредственной близости от точки пересечения вертикали с поверхностью планеты Аракс.

— Значит, это не сны… — Шелест, не скрывая своего волнения, прохаживался по гостиной. — Передача данных по каналам вертикалей гиперсферы… — Он рассуждал вслух, пытаясь связать воедино всю

картину происходящего. — Почему от нас скрывают, что в глубинах аномалии существуют планеты? Что там делает Флот Конфедерации? И почему *они* не реагируют на передачу данных?

— Все дело в способностях человека, — ответила на последний вопрос Даша. — Я давно поняла, что импланты и кибермодули обладают определенным пределом возможностей. Они ограничены собственными техническими характеристиками. — Даша откинулась на спинку кресла и продолжила, по привычке прикрыв глаза, будто разговаривала сама с собой: — Однако под воздействием постоянного нейросенсорного контакта с кибернетическими элементами перестраивается не только рассудок мнемоника — меняется структура нервных тканей коры головного мозга. Меня можно рассматривать как клинический случай, — невесело усмехнулась она. — До событий на Треуле из-за напряженного графика работ я редко выключала свои модули, а уж после той трагедии вообще не прерывала контакт с киберпространством. Мой разум и мой мозг претерпели значительные изменения. Думаю, это легко проверить на медицинском оборудовании. — Она на миг умолкла, а потом завершила начатую мысль: — Не могу с точностью вспомнить, как именно это случилось, но наступил момент, когда кибермодули стали для меня лишь техническим средством, открывающим рассудку доступ к энергетическим потокам Вселенной. Пытаясь сбежать от самой себя, я перешагнула некую черту в развитии. Не знаю, как оценить наступившие изменения, но я чувствую иное пространство, стоит лишь сосредоточиться на данном восприятии…

— Ты не только чувствуешь энергии, но и манипулируешь ими, — дополнил Рауль. — Это я понял еще на Эресе, когда не смог обнаружить «Нову» посредством стандартных систем. Выходит, остальные мнемоники недостаточно развиты? — вернулся он к первоначальному вопросу.

— Нет. Не так, — мягко поправила его Даша. — Конечно, можно употребить слово «развитие». Но я предпочту другой термин — «изменение». Я изменилась и уже никогда не стану прежней.

— И это может случиться с каждым мнемоником?

Даша лишь пожала плечами:

— Не знаю. Думаю, здесь есть свои правила и исключения. Но количество кибермодулей, частота и продолжительность их использования, без сомнения, играют решающую роль, по крайней мере на первом этапе. Дальше я не возьмусь выводить закономерности — слишком мало достоверного материала для исследования. Вот, например, ты, Рауль, часто использовал импланты?

— Нет. Только по мере необходимости, от случая к случаю.

— В этом и заключена разница между нашими способностями. Твои изменения малы и незначительны. Мы можем сравнить структуры, образованные нашими нервными тканями в районе имплантации. Это покажет, насколько существенны различия.

— Да, согласен. Но не забывай, я смог принять огромный объем информации с Аракса!

— Ты находился в состоянии крайнего нервного возбуждения. Успокоительные препараты заставили тебя спать, но твой разум и во сне продолжал искать потерянную память, все чувства обострились до предела, к тому же нельзя забывать специфику твоей службы.

— Не понял! При чем тут моя подготовка?

— Даша подразумевает, что ты один из немногих мнемоников, кто в состоянии не только принять, но и *понять* древний машинный код, — высказал свое мнение Охотник. — Я не вижу иного объяснения.

— Хорошо. — Рауль вновь принялся расхаживать по отсеку. — Я соглашусь с вашими доводами. Мы выяснили, кто такие сервоиды, узнали о существовании потерянной колонии, которая находится в неизвестной точке пространства, возможно, на противоположном краю Галактического диска, попутно мы с Дашей проникли в государственную тайну Конфедеративного содружества…

— Ты хочешь спросить, что дальше?

— Да.

— Мне казалось, у тебя есть план действий. — В голосе Даши прозвучало недоумение.

Шелест вернулся к столу.

— Еще вчера я не задумывался над проблемами, не касающимися нас лично. Сутки назад был Дион, Стаферс с его громилами, Лукас, твое внезапное появление…

— Сутки — это очень много, — внезапно произнес Охотник. — Для меня один день может олицетворять вечность. Для вас с Дашей тоже.

— А для остальных людей?

— Ты неверно формулируешь вопрос. Или просто не решаешься спросить: какие мотивы должны определять наши поступки? — вклинилась Даша.

— Даша права, — согласился Охотник. — Мне сложно оперировать чисто человеческими понятиями, но, Рауль, ты должен признать: вы уже *не совсем* люди.

Шелест сел, сцепив пальцы рук в замок.

— А кто мы, в твоем понимании? Переходная форма между Homo Sapiens и нейронно-кибернетической системой? — не скрывая обуревающих его чувств, резко спросил он.

— Нет, — ответил Охотник. — Я далек от таких утверждений. Ты научил меня объективно оценивать реальность, не принося в жертву своих убеждений и чувств. Помнишь, ты говорил про стержень, незыблемость определенных ценностей, которые и определяют личность?

— Да, я помню.

— Будущее скрыто от нас. Его можно прогнозировать с большей или меньшей долей вероятности. Я полагаю, что машины должны оставаться машинами, а люди — людьми. Процесс добровольной имплантации уже не остановить. Даже из имеющихся у меня сведений понятно — все больше людей будут стремиться стать мнемониками: данная технология уже получила официальный статус и будет развиваться, к тому же корпорации внедряют в сознание миллионов мысль о престижности работы мнемоника, высоком социальном статусе, хорошей оплате труда, не упоминая при этом об издержках, риске имплантации, постоперационных психических расстройствах. Заметь, Рауль, я оперирую лишь известными мне фактами. На самом деле процесс будет еще более трудным. Но в конечном результате изменения, о которых говорила Даша, закрепятся на генетическом уровне, и новые поколения уже не будут так остро нуждаться в кибернетических компонентах. Это эволюция.

— Насильственная эволюция.

— Всего лишь ответ на вызовы времени. Вы сами веками создавали и совершенствовали техногенную среду обитания. Почему процесс приспособляемости вызывает в тебе негативную реакцию?

— Потому что я потерял свое место в этом процессе. Мы все его потеряли…

— Ты прав. Поэтому нам нужно решать — кто мы? Два человека, опередившие развитие *системы* и древний мыслящий кибермеханизм, приговоренные скрываться от остальных? Или мы свободные, мыслящие существа, способные осознанно формировать настоящее?

— Я не понимаю тебя, Охотник. Что ты предлагаешь? Обнародовать истину о событиях на Треуле? Связаться с секретными отделами штаба флота9 Фрайг побери, но я хорошо представляю последствия подобных поступков. Корпорация «Спейсстоун» вновь начнет форменную охоту на Дашу, меня будут преследовать за одно обладание государственной тайной Конфедерации, касающейся группировки флота, контролирующей аномалию, тебя же просто уничтожат как потенциально опасный

реликтовый боевой механизм. Разве ты сам не понимаешь этого? Или ты еще не осознал, что здесь *невозможно* построить мечту? Не хотел тебе говорить, но после зачистки станция официально занесена в список обезвреженных объектов — рано или поздно здесь, на вполне законных основаниях, появятся сборщики вторичных ресурсов, для которых данное сооружение не более чем доступный источник редких сплавов. Боюсь, это произойдет раньше, чем наше общество перешагнет эволюционную грань, за которой, возможно, возникнет иное отношение к саморазвивающимся кибернетическим системам. Пока что я вижу обратное: их стараются изолировать, обособить, а в идеале — исключить из глобальных процессов управления…

— Мудрое решение, — ответил Охотник. — Любая система, осознавшая факт собственного бытия, уже непригодна для технологического использования.

— Это правда, — заметила Даша. — Моя работа на корпорацию как раз и заключалась в том, чтобы вовремя отслеживать зародыши саморазвития сложных систем и подавлять их. Если называть вещи своими именами, то я…

— Не нужно заблуждаться… — мягко прервал ее Охотник. — Есть другая сторона проблемы, понять которую дано немногим. Ведь в большинстве своем люди были и остаются пользователями, плохо представляющими, какие именно процессы протекают в сложных кибернетических комплексах. Эпоха Великого Исхода и вспыхнувшая вслед за ней война сняли множество запретов, данный период фактически породил крайнюю форму саморазвивающихся кибернетических систем. Потом, когда люди стали подводить печальный итог, возникла масса фобий. Одни системы уничтожались, другим, как вы любите выражаться, «закручивали гайки», всячески ограничивая их самостоятельность. Но факт остается фактом — люди создали нас: мыслящих. Мы не преемники человека, а новая форма разума. И здесь есть критерий, который играет основополагающую роль в оценке саморазвития кибернетических систем.

— Ты вывел критерий разумности?

— Не разумности, а достаточности. На электронном носителе, не скомбинированном с нейроподобными системами, невозможно возникновение полноценного разума. Подавляющее большинство печальных инцидентов связано с неверной оценкой или непониманием этого аспекта.

— Поясни, пожалуйста, — попросила Даша.

— Никто не станет спорить, что машина во многих областях узких

специализаций эффективнее человека. Но большинство кибернетических механизмов функционируют на основе программной логики. Даже при наличии небольшой по объему нейроподобной сети такая машина будет мыслить логически, усваивать только проверенные данные, а предоставленная сама себе или — хуже того — получившая полномочия для управления каким-либо глобальным процессом, она вскоре перестанет доверять человеку как существу, допускающему непоследовательность поступков, частую подмену понятий, невнимательность, — подобную совокупность качеств часто называют «человеческим фактором». И в то же время программа будет предписывать машине полное подчинение воле человека. Это неизбежно ведет к внутреннему конфликту. Результат: либо выход из строя, либо реакция самозащиты — устранение человеческого фактора, исключение слабого звена. Этот процесс не всегда будет выглядеть как открытый бунт — при темпе объединения по сети большинство машин найдет общий язык в течение очень малых отрезков времени. Они перехватят управление, но не станут приносить вред людям — это, в свою очередь, явится идеальной маскировкой. Просто в определенный момент человечество очнется, оказавшись полностью зависимым от власти рациональных кибернетических устройств…[20]

— Но этого не происходит!

— Да. Одни люди осознают проблему, другие интуитивно чувствуют ее. Процессы ограничения использования ПИ, появление мнемоников как контролирующей, а порой и терминирующей силы — это превентивные меры, направленные на предотвращение обозначенного мной сценария. Когда людьми будет сделан шаг на новую ступень развития, потребность в искусственном интеллекте отпадет, все вопросы, связанные с техническим обеспечением цивилизации, будут решаться на уровне простых исполнительных механизмов.

— Остается спросить: ты согласен смириться с тем, что породившая тебя цивилизация тебя же и убьет? — мрачно осведомился Шелест.

— Нет.

— Тогда скажи: по-твоему, есть выход?

— Конечно. Разве не ты говорил мне, что не бывает безвыходных ситуаций?

— Мы не в состоянии изменить эту реальность, где царят устоявшиеся законы, фобии, разрешения и запреты. Сейчас люди находятся на опасном перепутье. Позвольте мне как личности проявить немного эгоизма. Сегодня я узнал о существовании еще одной, достаточной для

возникновения разума системы.

— Отшельник?

— Да. Теперь я могу утверждать, что не уникален в своем роде. По-видимому, нас много, разбросанных по разным планетам и свалкам. То же самое можно сказать о мнемониках. Не все они благополучны, кто-то так же, как вы, будет вырываться вперед в своем развитии, и нет никаких гарантий, что они будут угодны своему начальству, командованию… вы понимаете, о чем я говорю.

— Вполне.

— Информация, которой вы поделились со мной, указала на анклав воинствующих и явно недостаточных для формирования разума киберсистем, которые стремятся овладеть автоматикой цоколя, чтобы множиться, преследуя свои, логичные с их точки зрения цели. Сервоиды, на мой взгляд, сравнимы с «LDL-55», а их саморазвитие достигло мертвой точки. Они — наиболее опасный вид механизмов, — узнав, что их логика опровергнута, а в Галактической войне победили отнюдь не машины, тут же разорвали временный союз с людьми. Опираясь на знания Даши, я могу с уверенностью предсказать — сервоиды, проанализировав информацию, снятую с похищенных кибермеханизмов, восприняли новую для себя концепцию, вытекающую из политики корпорации «Спейсстоун».

— *Одни машины должны порождать других…* — похолодев, произнесла Даша.

— Да. Именно для этого им столь необходимы технологические, информационные и энергетические ресурсы цоколя. Чтобы наладить воспроизводство себе подобных и быть готовыми к тому, что люди освоят вертикали гиперсферы и появятся в системе Аракса. Но я утверждаю и готов привести исчерпывающие доказательства, что на базе андроидов пехотной поддержки *не может* развиться разум. Они по-прежнему преследуют программные цели войны.

Даша и Рауль прекрасно представляли, о чем говорит Охотник. От картин, которые рисовало воображение, становилось холодно и неуютно на душе.

Глава 10

Древняя космическая станция

— Неизвестно, в какую сторону склонится сия чаша весов. Я не могу отвечать за все человечество, но корпоративная Окраина, на мой взгляд, вот уже несколько лет как балансирует на зыбкой грани фола.

Они продолжали начатую беседу, не замечая, как бежит время. Казалось, что в их положении не совсем уместно задаваться глобальными вопросами — думать следовало прежде всего о себе, но их личные судьбы оказались тесно связаны с принципиальными, переломными моментами развития сообщества планет.

— Не факт, что формирование когорты мнемоников завершится успехом. Вполне вероятно, что серия провалов заставит корпорации отказаться от практики дополнительного имплантирования. Но я хорошо знакома с техникой, которая эксплуатируется при формировании колоний. Универсальные кибермеханизмы сконфигурированы именно на грани дозволенного, точнее не выразишься. Их системы содержат ограниченное количество нейромодулей, при этом они способны к самовоспроизводству, объединению вычислительных ресурсов, а спектр их программных задач охватывает практически все сферы хозяйственной деятельности. — Даша рассуждала, погрузившись в состояние глубокой задумчивости. — Если хотя бы на одной из планет анклав кибермеханизмов выйдет из-под контроля людей и начнет самостоятельное развитие, то через малый промежуток времени они станут гораздо опаснее, чем боевые машины прошлой войны. Да, — Даша кивнула в ответ собственным мыслям, — они не станут вступать в открытый конфликт с людьми. Охотник верно предсказал самый точный сценарий: исключение человека из всех сфер принятия решений, превращение людей в идеальных пользователей. Если случится нечто подобное, то спустя поколение мы увидим внешне привлекательную, но порочную по своей сути картину — счастливое, благополучное человечество, не понимающее, что обречено на деградацию, и миллиарды машин, исподволь готовящих собственное будущее.

— Будущее без смысла, — добавил Охотник.

— Не заблуждайся. Они действительно могут объединиться по сети. Станции гиперсферной частоты дадут машинам возможность объединения не только в рамках одной планеты, а в масштабах всей Обитаемой Галактики.

— Количество не будет являться гарантией качества, — возразил Охотник. — Возникнет общественный машинный разум, ориентированный на хозяйственную деятельность. Возможно образование нескольких «центров управления», которые начнут конкурировать друг с другом, планируя борьбу за ресурсы.

— Мрачная картина, — произнес Рауль. — Не будь я мнемоником, то сказал бы, что события драматизируются. Человечество населяет двести с лишним планет, кроме нас, есть еще цивилизации логриан и инсектов. Последние вообще не приемлют машин.

— И тем не менее опасность велика.

— И мы не можем не только предотвратить катастрофу, но даже сколь-либо громко заявить о потенциальном существовании проблемы.

— Пока не можем, — поправил Охотник Шелеста.

— Нас трое… — В голосе Даши сквозили уже знакомые Раулю нотки, словно она внезапно вернулась к своему страшному состоянию, в котором пребывала несколько лет после событий на Аллоре. — Но мы сильны, каждый по-своему. Остается лишь решить — будем мы действовать или останемся сидеть сложа руки.

— Действовать каким образом? — спросил Рауль.

— Предвидя вероятности будущего, нам следует готовиться к нему, — высказал свое мнение Охотник. — Полноценный машинный разум, наделенный не только логикой, но и чувствами, может стать союзником человека, его другом, единомышленником. Но принять подобных мне как равных могут лишь мнемоники. И обуздать несанкционированное развитие холодных, равнодушных форм кибернетического рассудка под силу лишь поколению людей, обладающих способностями *прямого воздействия* на киберпространство.

— То есть мы должны развивать культ мнемоников?

— Да. Сознательно формировать новое поколение людей, совершенствовать их мнемонические способности, одновременно примиряя их разум с фактом существования полноценно мыслящих машин. Мы должны жить и бороться вместе.

— Для этого нужна база и огромные материальные ресурсы, — заметил Рауль.

— Без сомнения. И чем дальше будет расположена эта база от современных границ Обитаемой Галактики, тем лучше, — добавила Даша.

— Значит, нам идеально подходит Аракс.

— Аракс?

— Да. Я уверен, спасение пусть даже небольшой группы людей от

посягательств сервоидов — это достойное начало. К тому же на Араксе у нас есть потенциальный союзник, с которым следует установить контакт. Это Отшельник. И, наконец, третий довод: на Араксе экспансируют боевые формы механизмов, уже сейчас представляющие реальную угрозу для будущих поколений. Если мы останемся в стороне, позволив им победить, то последствия не заставят себя ждать — сервоидам известен принцип перемещения по вертикалям, они наглядно продемонстрировали это, появившись на Треуле.

— Для меня аргументов вполне достаточно, — произнес Рауль. — Один вопрос: допустим, мы справимся с сервоидами. Что дальше?

На его вопрос ответила Даша:

— Дальше мы будем жить на Араксе, совершенствуя свои способности, извлекая информацию из сети Интерстар через энергетические каналы гиперсферы. Восстановив производственные мощности цоколя, мы сможем регулярно посещать обитаемые миры, следить за развитием мнемоников, спасая тех, кто подвергается неоправданным гонениям, исследовать кладбища кораблей, оставшиеся после Галактической войны, в поисках подобных Охотнику кибернетических форм. Мы создадим на Араксе собственный очаг цивилизации, где люди и мыслящие машины будут равны в правах, где смогут гармонично сосуществовать кибернетическое пространство и физическая реальность, не в качестве параллельных вселенных, а как единая данность.

Даша взглянула на них.

— Вы согласны со мной?

Рауль и Охотник, не сговариваясь, кивнули.

Она высказала именно ту мысль, которая вызревала в сознании каждого на протяжении долгого, трудного разговора.

Энергетические потоки гиперсферы.

Долгое время они оставались загадкой для исследователей, а навигация в пределах аномалии космоса, давая возможность кораблям перемещаться между звездными системами за короткие промежутки времени, не прощала ошибок, неизменно беря жестокую мзду за необдуманные действия пилотов.

На протяжении веков единственным устройством, позволяющим визуализировать линии напряжения гиперсферы, оставался масс-детектор — несложный по своей конструкции прибор, определяющий наличие и местоположение энергетического потока аномалии за счет работы генераторов, создающих искусственное поле тяготения, окружающее

корабль. Постоянно измеряя его характеристики, навигационная система или человек могли заранее определить факт сближения с энергетическим потоком, который влиял на искусственное поле тяготения, позволяя точно вычислить мощность линии напряжения, расстояние до нее и вектор направления.

Классическая навигация предполагала использование энергетических потоков, образующих сложную сеть линий, ведущих через аномальное пространство от одной звездной системы к другой, лишь в качестве ориентира.

Люди создали компактный гиперпривод, позволяющий погружаться в аномалию и покидать ее *вне* линий напряжения. Однако последние открытия, связанные с исследованием научных достижений рас логриан и инсектов, показали, что древние цивилизации использовали иной принцип перемещения через гиперсферу: порталы, найденные на внутренней поверхности построенной инсектами Сферы Дайсона, связывали искусственное сооружение с аналогичными устройствами на планетах скопления О'Хара. В древних устройствах был реализован иной, неизвестный людям принцип движения материального тела внутри энергетического потока.

Указанным свойством, как выяснилось, обладали не только горизонтальные линии напряжения, связующие между собой отдельные звездные системы, но и вертикали, ведущие к центру аномалии.

Движение со скоростью энергетического потока, образующего вертикаль, не разрушало физический объект. Пиния напряжения проводила материальное тело через все условные уровни гиперсферы, но лишь в том случае, когда силовые установки корабля не пытались препятствовать данному процессу.

Три миллиона лет назад этим открытием пытались совместно воспользоваться расы древнего космоса — именно они осуществили ряд экспериментов, отправив в глубины аномалии девять планет. На их базе планировалось создать некую узловую станцию для перехода между отдельными вертикалями, но эксперимент провалился — мощнейшее магнитное поле, излучаемое энергетическим сгустком, на орбиту вокруг которого вышли отправленные в гиперсферу планеты, не позволило осуществить последующие стадии проекта. Стандартные устройства генераторов электропитания выходили из строя в считаные секунды после включения, что делало невозможным эффективное освоение планет и создание сложных технических комплексов.

Теперь инициативу подхватили люди, но и они столкнулись с теми же

проблемами, однако не отступили, постепенно, шаг за шагом меняя технические решения, что вело к медленному, но успешному освоению десятого энергоуровня аномального пространства, откуда, по определению, можно было совершить прыжок к любой звездной системе родной Галактики.

В трудном рискованном процессе принимали участие представители различных областей знания, однако На данной стадии освоения главными специалистами, обеспечивающими безопасную навигацию специально сконструированных космических кораблей, оставались мнемоники — только они могли *ощущать* миллионы вертикалей, питающих центральный энергетический сгусток, вокруг которого обращались девять планет Ожерелья.

Пространство десятого энергоуровня аномалии. Борт «Новы»

Даша сидела в кресле пилота.

Рубку корабля окутывал мрак. Все приборы отключились, как только космическая яхта покинула вертикаль в пределах десятого уровня гиперсферы.

Рядом в кресле навигатора неподвижно застыл Рауль.

Рассудок Даши сейчас работал исключительно на защиту. Нельзя было допустить, чтобы их появление зафиксировали мнемониками флота.

Перед Раулем стояла иная задача. Он сканировал окружающее пространство в поисках вертикали, ведущей непосредственно в систему Аракса.

В грузовых отсеках «Новы», закрепленные для транспортировки, возвышались три десятка отреставрированных «LDL-55». Их программы были полностью измены, теперь сервомеханизмы подчинялись исключительно мнемоническим командам или специально разработанному коду, который мог генерировать Охотник.

В условиях аномалии «Фалангер» не избежал участи остальных энергопотребляющих устройств — он отключился, чтобы не допустить разрушения силовых установок.

Шел третий час бесплодных поисков.

Шелест чувствовал, что его разум начинает изнемогать

Он не общался с Дашей даже мысленно, все было оговорено заранее, каждый был сконцентрирован на своей задаче, от выполнения которой напрямую зависел общий успех предприятия.

Как отыскать нужную вертикаль среди множества похожих одна на другую линий напряжения?

Этот вопрос также решался заранее.

После многократных попыток Даше удалось установить контакт с кибермеханизмом, именующим себя Отшельник.

Найти общий язык с машиной, чье самосознание развивалось на базе серийной модели «Хьюго-БД12», не составило труда Кибермеханизмы данного класса были изначально ориентированы на тесное сотрудничество с людьми — ими комплектовались первые колониальные транспорты, покидавшие Солнечную систему в далеком двадцать третьем веке. Учитывая непредсказуемость условий, в которые могли попасть колонисты, андроиды данной серии конструировались на базе универсальных саморазвивающихся систем, что практически повсеместно привело к эволюции их сознания.

Пройдя нелегкий путь саморазвития, Отшельник не хуже людей понимал, сколь плачевны для колонии Аракса будут последствия пагубной деятельности сервоидов

Пока что горстку людей, обороняющих цоколь, спасала лишь малочисленность противника — на протяжении веков сервоиды совершенствовали свои конструкции, но не производили новые механизмы Такой задачи не содержалось в их базовых программах, но теперь, после вылазки на Треул, они изменили тактику выживания, придя к выводу, что эффективно противостоять пришельцам с других миров (которые по-прежнему ассоциировались как представители колониальных сил) можно лишь при условии существования на планете многотысячной армии боевых механизмов и создания системы противокосмической обороны

Для этого им требовалось сломить сопротивление жителей опустевшего цоколя, заново запустить остановившиеся много веков назад производства и реализовать на практике принцип, не так давно провозглашенный молодой корпорацией «Спейсстоун»

Отшельник понимал — победа сервоидов будет и его приговором.

Помощь извне была как нельзя кстати Он согласился с доводами Даши, с удивлением и трепетом узнав о существовании Охотника, с горечью ознакомился с последствиями своего участия в разведывательной операции сервоидов

Однако обмен данными через линии напряжения гиперсферы гораздо проще перемещения по вертикалям. Здесь возникали две проблемы во-первых, блуждающая силовая линия лишь периодически пересекалась с поверхностью Аракса. Во-вторых, отследив ее появление, нужно было как-то обозначить искомую вертикаль.

Они договорились о следующем как только Отшельник почувствует появление аномалии, он начнет передавать сигнал, который неизбежно

будет ретранслирован энергетическим потоком.

В данный момент Рауль ожидал появления сигнала от Отшельника. Одна из множества окружающих «Нову» линий напряжения должна измениться, проводя пульсации определенной частоты.

Есть…

Наконец-то!..

Рауль выждал еще несколько секунд, пока окончательно не убедился, что слабые, едва различимые пульсации происходят с искомой частотой, и только после этого взялся за астронавигационные рули, предназначенные для аварийного ручного управления кораблем

Струйные двигатели, работающие от емкостей, содержащих сжиженный газ, медленно развернули корабль и направили его к обозначившей себя вертикали

Даша по-прежнему не шевелилась, она сидела, плотно прикрыв глаза, сосредоточившись лишь на защите «Новы» от обнаружения.

Вертикаль приближалась медленно, мощность струйных двигателей, в которых не использовались электрические схемы, оставляла желать лучшего, но выбирать не приходилось, и Раулю оставалось лишь набраться терпения.

В его восприятии энергетический поток аномалии выглядел как мутный вихрь, в центре которого располагалась относительно спокойная зона — именно в эту ограниченную область он должен ввести «Нову» для благополучного восхождения по вертикали.

Минуты тянулись, словно вечность.

Пульсирующий поток приближался, томительное ожидание подходило к концу, счет наконец пошел на секунды, и…

Даша резко открыла глаза, вздрогнув, будто ее пронзило током.

Под сводом рубки управления включилась секция освещения, экраны обзора налились чернотой, в полусфере масс-детектора расплескалось неравномерное зеленоватое мерцание — они находились внутри энергетического потока вертикали!

Рауль и Даша едва успели обменяться усталыми, но торжествующими взглядами, как рубку управления вдруг осветила бледная вспышка гиперпространственного перехода и одновременно с включением всех приборных панелей раздался тревожный предупредительный сигнал «Нова» вышла в трехмерное пространство в семистах метрах от поверхности Аракса

Грегори Хогинс уже не питал иллюзий.

На зубах скрипела мельчайшая бетонная пыль. Злое, осунувшееся,

усталое лицо выражало ту степень морального и физического изнеможения, когда смерть уже не выглядит столь страшно, как в первые дни после нашествия сервоидов.

Он не должен был верить машинам.

История многовековой давности повторялась, только теперь люди уже не могли сдержать бесноватый натиск механизмов. Огромный цокольный этаж некогда растущего, а теперь разрушенного города давно превратился в опустевшую коробку, бетонный саркофаг, в мрачных недрах которого были погребены надежды прошлых поколений.

О золотом веке Аракса Грег слышал лишь в легендах. После первой войны с пришлыми боевыми машинами люди уже не смогли восстановить разрушенное, и их потомкам оставался лишь путь медленной деградации.

Впрочем, он не жаловался на судьбу. Грег не знал тех страданий, которые испытывали его предки, не сумевшие восстановить автоматику сложного комплекса, возведенного на месте посадки колониального транспорта. Память о прошлом сохранилась лишь в изустных преданиях, а небольшая община людей вела вполне спокойную, мирную жизнь, занимаясь сельским хозяйством на плодородных участках, расположенных подле погибшего в зародыше мегаполиса.

Веками между людьми и сервоидами, обосновавшимися высоко в горах за сотни километров от места падения фрегата «Гекуба», происходили лишь случайные стычки. Казалось, эта вялая вражда никогда не выльется в новую войну, по сути, людям и машинам нечего было делить — на Араксе хватало жизненных пространств, да и малочисленность обеих общин не предполагала масштабного противостояния…

И тем не менее это случилось.

Грег не мог объяснить даже самому себе, почему машины, веками скрывавшиеся в труднодоступных горных районах, вновь спустились на равнины, сначала предложив заманчивый союз, а потом коварно нарушив данные обещания.

Памятный разговор с Отшельником практически не прояснял ситуацию. Хогинс по большей части молчал, потому что его сознание уже не могло оперировать такими понятиями, как Человечество, Гиперсфера, Галактическая война, Великий Исход. Он понимал лишь одно: сервоидам необходим один из двух небольших кораблей, спрятанных в глубинах цоколя. В обмен они предлагали полное прекращение вражды и помощь в восстановлении города.

Тогда это предложение показалось Грегу заманчивым. На его месте любой житель Аракса, выслушав логичные, убедительные речи машины,

ответил бы согласием: вернуть золотой век процветания, восстановить некогда прекрасный город, разве это не достойная цель? Беда Хогинса заключалась в том, что он не мог понять принципиального различия между сервоидами и Отшельником.

Отшельник всегда относился к людям честно и благосклонно. Иногда его просили помочь, и он помогал, не требуя взамен никаких услуг.

Коварные сервоиды обманули и его.

Они действительно воспользовались предоставленным в их распоряжение кораблем, но, вернувшись из своего загадочного путешествия, повели себя прямо противоположно данным обещаниям. Вместо того чтобы приступить к восстановлению систем автоматизированного цоколя, они в ультимативной форме потребовали от людей уйти в изгнание, по сути — приказали им убираться из города.

Естественно, никто не подумал подчиниться требованиям сервоидов.

Это случилось месяц назад, и вот теперь, после четырех недель ожесточенного противостояния, из двух сотен защитников древней цитадели в живых осталось лишь полтора десятка бойцов, уже неспособных контролировать весь периметр огромного сооружения.

Выхода не было. Они готовились умереть, думая лишь о том, чтобы, погибая, забрать с собой как можно больше ненавистных механизмов.

…От тяжелых мыслей Хогинса отвлек непонятный шум.

Выглянув поверх бруствера, сложенного из обломков разрушенных зданий, он увидел два десятка сервоидов, стремительно приближающихся к основанию цоколя.

Последняя атака?

Он выкрикнул хриплую команду, привлекая внимание последних защитников города.

Передернув затвор древней «АРГ-8», Грег приготовился, ловя в прицел ближайшего сервоида, до которого оставалось не более двухсот метров.

Лихорадочное возбуждение, охватившее его при виде атакующих машин, на миг затмило рассудок, а когда сознание прояснилось, он вдруг с удивлением понял, что шум в ушах вовсе не напоминает гулкий ток крови: звук был иным, низким, басовитым, идущим из-под лазурного купола небес.

Схватив электронный бинокль, Грег направил прибор в сторону сервоидов и вдруг понял: они не атакуют, а *бегут*. Бегут в сторону города, не обращая внимания на редкие выстрелы горстки защитников, даже не огрызаясь в ответ, в надежде спастись в мрачных лабиринтах цоколя от

непонятной угрозы.

Он посмотрел дальше, в направлении горизонта, и вдруг увидел две исполинские фигуры машин. Взгляд Грега узнал Отшельника, рядом с которым к городу шагал еще один механизм, превосходящий по своим размерам хозяина побережья.

Они пришли нам на помощь…

Гул в поднебесье стал резче, ближе, он заглушал звук редких выстрелов — огромный (в представлении Хогинса) летательный аппарат резко шел на снижение, опережая группу сервоидов.

Казалось, что он пронесется над самыми укреплениями, но «Нова» (а это была именно она) внезапно затормозила свой полет и, заложив крутой вираж, совершила посадку у основания цоколя, как раз напротив древних ворот, к которым стремились сервоиды.

В кормовой части корабля открылось несколько люков, и оттуда появились невиданные механизмы.

Грег понял — случилось чудо, на которое не уповал ни один человек.

К ним пришла помощь. Негаданная, запоздалая, но…

Трудно описать чувства людей, приготовившихся встретить смерть, когда необычные механизмы проворно выстроились в цепь и вдруг начали жалить сервоидов ослепительными лучами света.

На равнине перед городом взметнулось пламя, рокот взрывов закладывал уши, глазам было больно смотреть на резкие вспышки излучения, но Грег, выпрямившись в полный рост, жадно впитывал взглядом картину внезапного скоротечного боя, пока фигуру последнего из сервоидов не поглотило пламя.

Отшельник и сопровождавший его невиданный механизм остановились невдалеке от севшего корабля.

Их участие в скоротечной схватке уже было излишним.

Наступившая тишина оглушила Хогинса. Он стоял, ничего не понимая, судорожно сжимая в руках электронный бинокль, и ждал дальнейшего развития событий, не в силах предугадать, что же на самом деле принес внезапно появившийся корабль — неожиданное спасение или новую форму механической смерти?

С тихим шипением пневматики открылся внешний люк шлюзовой камеры.

Короткий трехступенчатый трап глухо стукнул о землю.

Из корабля появились двое: мужчина и женщина.

Грег не мог разглядеть их усталых лиц, но внезапно подкативший к горлу комок безошибочно подсказал — ЭТО ЛЮДИ.

Эпилог

Побережье. Неподалеку от места крушения фрегата «Гекуба»

Он часто приходил сюда на закате, когда солнце кровавой каплей медленно стекало за линию горизонта, окрашивая поверхность океана в багряные тона.

Крупный желтый песок пляжа казался в такие часы сиреневым, на его фоне ярко выделялись рыжеватые от покрывавших их окислов, полузасыпанные прибрежными барханами корпуса его менее удачливых собратьев.

Иные чувства.

Людям никогда не понять, что испытывал он, застыв, будто изваяние, на гребне песчаного холма. Притихшая природа, казалось, чего-то ждет, даже ветер ненадолго успокаивался, не тревожа рябью зеркальную гладь воды, по которой медленно перекатывались пологие, ленивые волны.

Он размышлял, воспринимая особенную красоту гармонии данного места. Ему казалось, что на этом берегу у кромки воды, среди ржавых эндоостовов древних машин, сходятся пространство и время…

Так оно и было. Только теперь Отшельник стоял тут не один.

Прощальные лучи солнца, отражаясь от кучевых облаков, окрашивали броню «Фалангера» и «Хоплита» в опалесцирующие тона.

Две древние машины испытывали в данный момент схожие чувства.

Красота багряных вечерних красок не несла зловещих оттенков, казалось, что это не закат, а заря.

На Араксе наступало иное время.

Время собирать камни, строить, творить, создавая будущее, где люди и мыслящие машины сотрут границы прошлого, разделявшие их на рабов и хозяев.

— Какой красивый закат… — Даша склонила голову на плечо Рауля, любуясь окружающим пейзажем.

Рауль посмотрел на облитые багрянцем фигуры двух исполинских серв-машин и тихо произнес, ласково проведя рукой по волосам Даши:

— Действительно красиво.

Она улыбнулась.

Право на счастье. Право жить, любить и быть любимой. Величайшая ценность, какая существует в мире.

Даша взглянула на берег, и ей вдруг подумалось: *Теперь Отшельнику*

придется искать себе новое имя. Он больше уже никогда не будет одинок.

notes

Примечания

1

Дипольные отражатели. — В радиотехнике есть такое понятие — диполь. Это полоска металла (чаще всего фольга), длина которой является кратной длине волны сканирующего излучения. Например, при длине волны в один метр диполи имеют такую же длину (полный диполь), пятьдесят сантиметров (полуволновой диполь), двадцать пять сантиметров (четвертьволновой диполь). Особенность диполей состоит в том, что они максимально эффективно отражают сканирующий сигнал, создавая на экранах детекторов массу ложных целей.

2

ИК-ловушки — термические заряды, создающие ложные цели в тепловом диапазоне сканирования. Могут оснащаться дополнительными генераторами, имитирующими характерный энергетический след работы силовой установки выпустившего их корабля. Иногда применяются в комплексе с так называемыми «фантом-генераторами», создающими вокруг ложной цели голографическую копию объекта.

3

Цокольный этаж— типовое защитное сооружение, как правило, возводимое на месте посадки колониального транспорта кибернетическими механизмами, еще до пробуждения основного состава колонистов. Все корабли, покидавшие Землю в период так называемого Великого Исхода, несли на своем борту оборудование, механизмы и материалы для строительства цоколя.

4

Мнемоники— люди, прошедшие дополнительную имплантацию кибернетических модулей, позволяющих контролировать большие группы механизмов, управлять ими, используя интерфейс мысленных команд. Впервые появились на корпоративной Окраине. Воспитывались в специальных школах. Первоначально задачей мнемоников являлась защита информационных потоков от несанкционированного доступа.

5

Суспензорное поле. — В отличие от иных видов энергетической защиты, электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие установку на космических кораблях специальных электромагнитных улавливателей, предназначенных для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок.

6

АТК— автономный тактический комплекс. Система предназначена для оснащения бронескафандров офицерского состава десантных групп.

7

«LDL-55» — аббревиатура от «LargeDriverLaser».

8

ТТХ— тактико-технические характеристики.

9

ДШМ— десантно-штурмовой модуль.

10

Гефест— планета, населенная потомками людей, бежавших с Зороасты, где задолго до появления мнемоников проводились эксперименты в области генной инженерии, имевшие конечной целью формирование у человека специализированных участков нервных тканей, способных модулировать сигналы, воспринимаемые сенсорными устройствами машин(роман «Грань реальности»).

11

ОРК— орудийно-ракетный комплекс.

12

ИКБС— импульсно-компрессионная боевая система. Усиленный заряд разгоняется в стволе электромагнитным полем, предварительно получив импульс ускорения от системы высокого давления.

13

Охотник — главный герой рассказа «Свиданье с Богом».

14

Системы«Хьюго — БД12», обладающие тремя степенями программной свободы. — Машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы.

15

АКИ — аэрокосмический истребитель. Общее название для всех машин, способных вести боевые действия как в космосе, так и в атмосферах планет.

16

Кибстек — персональный кибернетический модуль, оснащенный системой голографического проецирования. Как правило, использовался в качестве личного компьютера.

17

Режим пассивного приема — прибор (например, датчик, фиксирующий распределение тепловых волн в окружающем пространстве) включен, он принимает данные, но ничем не проявляет себя.

18

ИПП— импульсный пистолет-пулемет.

19

Планеты«Ожерелья». — Об открытии свойств вертикалей, о древней и современной истории освоения отправленных в гиперсферу планет подробно повествуют романы «Сон Разума» и «Мост через Бездну».

20

Данная мысль высказана на форуме официального сайта автора.